

44.22(5)B
1155

ПОМНИ
ИХ ИМЕНА

**ДЛЯ ВАС, РЕБЯТА,
В СЕРИИ «ЮНЫЕ ГЕРОИ»
НЕДАВНО ВЫШЛИ КНИГИ:**

Бейшеналиев Ш. Кычан

Буравкин Г. Три страницы из легенды

Дубровский Э. Задание

Луговой Н. Опаленное детство

Солодов А. Девочка с косичками

Тихомиров О. В ту пору суровую в Киеве...

ПОМНИ ИХ ИМЕНА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

74.22
П 55

Составитель В. Рыбин

П $\frac{4803010102-190}{078(02)-84}$ 240-84

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

Дорогой друг!

Тебе, конечно, известны имена многих юных героев Великой Отечественной войны, защищавших вместе со взрослыми нашу Родину от фашистских захватчиков. О них написаны книги, сложены стихи и песни, созданы кинофильмы. Их имена носят ваши пионерские отряды и дружины. О юных подпольщиках и партизанах ты, наверно, читал в сборниках «Подвигу жить!», которые издательство «Молодая гвардия» выпускает к памятным датам пионерии, или в книгах серии «Юные герои». И вот еще одна. Она тоже вошла в серию «Юные герои», книга, посвященная мужеству и героизму твоих зарубежных сверстников.

В годы минувшей войны во всех странах, поработанных гитлеровцами, сотни юных патриотов вели смертельную схватку с фашизмом. Они сражались на баррикадах Варшавы и Праги, в горах и лесах Хомолья и Пиреней, расклеивали листовки на улицах Афин и Белграда... На страницах книги ты встретишься с юными бойцами Сопротивления Митко Палаузовым и Слободаном Андуневичем, Гойко Париповичем, Миреком Бернацким и Цезарем Леженским... В этой борьбе они отдали самое дорогое — жизнь.

Давно отгремела вторая мировая война. Но и по сей день беспокойно на планете. Рвутся бомбы в Никарагуа, Ливане и Анголе, не прекращаются провокации империалистов против независимого Афганистана, Вьетнама, Кубы, Кампучии... Тысячи патриотов вступили в схватку с силами реакции, отстаивая независимость своей родины, сражаясь с недобитыми реакционерами и фашистскими режимами. И снова в этой борьбе рядом со взрослыми — дети. Их смелость и отвага вызывают восхищение не только у товарищей по оружию, но и у

врагов. Юные никарагуанцы Луис Альфонсо Веласкес Флорес, Мануэль де Хесус Ривера и Фернандо Мендес, палестинцы Хиям Вакид и Имад Хусейн, афганский пионер Абдуль Ахад и кубинец Джоэль Иглесиас, парагвайский мальчик Дерлис Вильягра и юный анголец Жоао Луконго, вьетнамец Вы А Зинь и кампучиец Ао Рэн — о них ты тоже прочитаешь на страницах этой книги. Коротка жизнь многих юных героев. К сожалению, не сохранились фотографии, скудны биографические сведения. Но велика сила их примера. Они ведут сегодня тысячи мальчиков и девочек на марши мира и манифестации протеста против угрозы новой войны, на митинги солидарности с политзаключенными и жертвами империалистических агрессий, они зовут на борьбу с несправедливостью, угнетением и жестокостью.

Помни их имена!

ПОКА БЬЕТСЯ МОЕ СЕРДЦЕ...

И в а н К р и в и р а л ч е в родился и вырос в болгарском городе Копривштице. В годы минувшей войны активно помогал партизанам, участвовал во многих боевых операциях. В марте 1944 года был схвачен и зверски замучен фашистами.

Тихая осенняя ночь окутала старинный болгарский город Копривштицу.

В комнате Ивана Кривиралчева тесно от гостей. Впрочем, какие они гости — товарищи по оружию, такие же, как и он, учащиеся местной гимназии.

Иван включает радиоприемник, настраивает на московскую волну. Раздаются знакомые позывные. Диктор читает сводку Совинформбюро. Ребята ловят каждое слово, стараются все точно записать. Сердце колотится от радости: Красная Армия гонит фашистов!

Одно сообщение, другое, третье... Через несколько минут все они останутся на листках бумаги. Потом листовки расклеят по городу. Утром жители узнают о новых победах Красной Армии. И каждая листовка будет звать на бой с фашистами здесь, в Болгарии: «Гитлеровские войска бегут под ударами Красной Армии. Граждане Копривштицы! Все, как один, поднимайтесь на борьбу с фашизмом!»

В четырнадцать лет гимназист Иван Кривиралчев стал связным партизан. Рискуя жизнью, он пробирался в горы и получал от партизан боевые задания. А первым таким заданием было рассказать правду о положении на фронте жителям Копривштицы. Иван был хорошим конспиратором. Он сумел организовать группу юных подпольщиков и так наладить дело, что полицейские сбились с ног, разыскивая «злоумышленников».

Несмотря на свой юный возраст, Иван слыл смелым и находчивым партизаном. Однажды ему поручили достать для партизан муки. На окраине Копривштицы Иван разыскал дом, где жил некий Гойчев. Гойчев иногда помогал партизанам. Но не знал Иван, что Гойчева завербовала полиция, что он изменил партизанам.

Мальчик поднялся на крыльцо, постучал в дверь.

— Кто там? — спросил вкрадчивый голос.

— Дяденька, я принес вам цветы, — назвал Иван пароль.

Дверь открылась. Иван вошел в слабо освещенную комнату. Гойчев оказался пожилым, суровым на вид мужчиной.

— Вам привет от Стефана, — торопливо сказал Иван. Гойчев одобрительно кивнул.

— А где его отряд сейчас?

Вопрос насторожил Ивана, но он не подал вида, продолжал:

— Партизаны просили достать три мешка муки.

— Трудно с мукой, — покачал головой Гойчев, — но постараюсь. Ты пока посиди здесь, а я сбегая к надежному человеку. Он поможет.

Уходя, Гойчев почему-то закрыл дверь на ключ.

Поведение хозяина дома показалось Ивану подозрительным. Он выбрался через окно в сад и затаился.

Скоро показались полицейские. Впереди них шел Гойчев, поторапливал:

— Я его закрыл на ключ. Никуда не денется, волчонок! Но все-таки прибавьте шагу, господа...

Утром 23 марта 1944 года партизаны с налету захватили город. Жители хлебом-солью встречали освободителей. Весь день на улицах звучали песни.

Не ушли от возмездия предатели. Их, в том числе и Гойчева, расстреляли.

Недолго оставались в городе партизаны. На следующий день на улицы Копривштицы ворвались каратели. Началась расправа над жителями.

По чьему-то доносу схватили Ивана Кривиралчева и бросили в тюрьму.

Ночью Ивана вызвали на допрос.

— Где партизаны? — допытывался офицер. — Куда они отступили? Кто остался связным? Кто расклеивает листовки в городе?

— Вы ничего от меня не добьетесь! — твердо сказал Иван.

Офицер сбил подростка на пол и стал топтать ногами:

— Я заставлю тебя говорить!

— Напрасно стараетесь, — ответил Иван. — Пока бьется мое сердце, я буду бороться с вами.

— Хорошо, — зловеще процедил палач, — скоро мы увидим твое сердце...

Из ворот тюрьмы выехала машина. В ней везли на казнь Ивана.

Машина остановилась на окраине города.

Шел снег. С востока дул теплый ветерок, возвещая о весне. На исходе был март. Сквозь снежную пелену смутно вырисовывались улочки родной Копривштицы.

— Послушай, у тебя еще есть время одуматься, — сказал офицер. — Скажешь, где партизаны, — будешь жить.

— Мне нечего добавить — я все вам сказал!

Это были последние слова юного партизана. Озверевшие фашисты вырвали из груди его сердце.

БРАТЯ

Иван Стефан Василев родился 30 декабря 1928 года в селе Присойна Торговиштского округа. В годы войны активно помогал партизанам. В 1943 году по примеру своего старшего брата Ангела стал бойцом партизанского отряда. Погиб 1 января 1944 года. Посмертно награжден орденом «Народная свобода II степени».

Дома лепятся на склонах крутых холмов как ласточкины гнезда. Это село Присойна.

На краю села вблизи оврага, по дну которого весело журчит речка, стоит один из таких домов. Каждый день из дома выходит высокий тонконогий мальчуган с небольшим мешком за плечами, в два прыжка пересекает дорогу и исчезает в овраге. Здесь шаги его становятся осторожными, он часто останавливается, прислушивается — его никто не должен ни видеть, ни слышать.

Овраг тянется вдоль села и спускается в ложбинку, по которой течет речка. Мальчик должен перебраться на другую сторону. По весне речка вспухает, вода бежит быстро, неся сучья и стволы деревьев. Но перебираться надо.

И он ступает в ледяную воду.

Холод острыми зубами впивается в ноги, ползет вверх, растекается по всему телу. Брызги окатывают его с ног до головы. Но он не сдается. Поднимает мешок, кладет его на голову, стискивает зубы и, собирая всю свою волю, преодолевает яростный напор реки.

Мальчик выбирается на берег и поднимается наверх, туда, где лежат угодья села Любичева. В Любичевском лесу расположен один из партизанских бункеров. Эх, как бы ему хотелось совсем перебраться сюда и тоже жить в бункере! И чтобы дали ружье или пистолет...

Лес стоит густой, темный. Мальчик осторожно пробирается по тропинке, стараясь не наступать на сухие ветки. А вокруг — тишина... Слышен только легкий трепет листьев или жужжание заблудившейся пчелы...

Он ступает по влажной земле и все время озирается. Потом вдруг останавливается, снимает со спины мешок, сует его в густой кустарник, оглядывается — и быстро уходит прочь.

Теперь он проделывает обратный путь — тихонько спускается в овраг, перескакивая с камня на камень. Он знает, когда на окрестные холмы спустится ночь, когда люди вернутся с полей, разойдутся по домам и лягут

спать, из лесной землянки, что над селом Любичевом, выйдет человек. Доберется до кустарника, где только что был он, и отыщет мешок. А когда вернется в бункер, все, что было в мешке, поделит со своими товарищами.

Мальчик возвращается домой. Мать, с нетерпением и тревогой ожидающая его, улыбается одними глазами и зовет ужинать. Потом Иван — так зовут мальчика — ложится в постель и долго не может уснуть. С тех пор как старший брат Ангел стал партизаном, Иван только о нем и думает.

Когда однажды вечером Ангел пришел домой и отозвал брата в сторону, тот ужасно обрадовался — по глазам Ангела было видно, что он собирается доверить Ивану нечто важное.

Брат обнял его за плечи и прошептал в самое ухо: — Ты ведь знаешь, где я. И знаешь, зачем мы ушли в горы. У нас в селах есть доверенные люди, которые снабжают нас едой, рассказывают о том, что делается вокруг. Хочешь стать нашим помощником?

Мальчик смотрел на брата не мигая. Он много слышал о партизанах и втайне мечтал сам стать партизаном, особенно после ухода Ангела в горы.

— Ну скажи — хочешь? Мы даже придумали тебе партизанское имя — Огнян!

— Хочу! — ответил Иван и почувствовал, как сильные руки брата крепко обняли его.

Так он стал одним из партизанских помощников. И все ждал того дня, когда сможет уйти в горы, сам будет участвовать в походах и сражениях.

Однажды осенью, когда лес возле Любичева пламенел оранжевой медью листьев, в село вошли партизаны. Перед этим они побывали на сыроварне, отобрали там весь сыр и брынзу у хозяина-богача и принесли все это крестьянам. Пусть и крестьяне поедят — хватит обжираться фашистам!

Среди партизан был и высокий, тонконогий Иван. Он

шел рядом со своим старшим братом Ангелом и тащил огромный круг сыра. Партизаны распределили между крестьянами брынзу и сыр, а те только улыбались и не могли поверить, что им досталось такое богатство.

Потом отряд ушел обратно в горы, а Иван вернулся домой и с волнением рассказал обо всем матери и отцу. Рассказ насторожил отца. Было решено, что Иван, как и старший брат, тоже должен уйти в горы к партизанам, потому что жандармы непременно будут искать его.

Отец Ивана, лесничий Стефан Василев, нагрузил телегу мешками с удобрением и тронулся в путь на свое поле. Добравшись до леса, он остановил телегу, и из-под мешков вылез Иван. Отец и сын крепко, по-мужски пожали друг другу руки, обнялись, и Иван исчез в лесу.

Так для Ивана началась новая, неизведанная жизнь, о которой он давно мечтал, жизнь, полная трудностей и лишений. Часто приходилось за ночь преодолевать десятки километров, идти по непроходимым местам с рюкзаком за плечами. Иногда не хватало еды, по два-три дня люди ничего не ели — тогда все отправлялись на поиски крапивы и утоляли ею голод. Ничего, что крапива обжигала губы и язык, зато она хоть на немного поддерживала силы.

Иван не жаловался — терпел как все. К тому же в отряде были девушки. Вот Наза, например. Она относилась к Ивану внимательно и ласково, а он любил и уважал ее как сестру. Он догадывался об отношениях между Назой и братом Ангелом — часто видел их вдвоем на стволе какого-нибудь сваленного дерева. Они сидели рядышком, тихо разговаривали и как-то особенно смотрели друг на друга. Ивану не нравилось, когда кто-нибудь из партизан нарушал их уединение.

— Брат,— сказал он однажды Ангелу,— когда мы победим и спустимся с гор, ты приведешь к нам в дом Назу, правда?

— Приведу, Иванчо... и она останется с нами навсегда...

Как саранча расползались по Омуртагскому краю жандармы. Началась жестокая карательная операция против партизан. Фашисты решили раз и навсегда покончить с бунтарями.

По холмам у села Любичева двигались войска. Они шли к Присойне.

Затаились люди, закрыли ворота, спустили занавески.

Маленькое село Присойна, всего шестьдесят дворов. В этот черный день семь из них были обречены.

Сначала пришли к Василевым. Хозяин дома был арестован еще в тот день, когда отвез сына к партизанам. Остались его жена Мира и самый младший сын Наско-Атанас.

Крепкая, волевая женщина была Мира. Два сына ее воевали в горах, и не знала она, вернутся ли сыновья живыми. Но у нее хватало сил скрывать свои муки от людей. Глотала втайне слезы и ни перед кем не выдавала себя. Только однажды не сдержалась. Как-то ночью услышала знакомый звук — кто-то тихо царапал ногтем по стеклу. Вскочила, побежала к двери — так и есть, пришли оба ее сына: и Ангел и Иван. Она обняла их, ввела в дом, а сама побежала на кухню приготовить поесть. А когда вернулась в комнату, увидела — все трое сыновей обнявшись сидели у стола. Маленький Атанасчо проснулся и бросился к братьям. И тогда она не выдержала — долгие годы не плакала на людях, а сейчас слезы хлынули, и она их не сдерживала...

— Можно мне хоть одежонку для ребенка взять? — обратилась Мира к одному из полицаев.

— Нельзя! — заорал он.

Ее с Атанасчо выгнали во двор, вывели и скот из хлева. Дом был большой и крепкий, его нелегко было поджечь. Хозяин строил, когда еще был мастером-каменщиком. Но полицаи научились делать свое дело с толком — прежде чем поджечь, они облили дом керосином, а когда показался огонь — бросили туда несколько

ко гранат. Взлетели на воздух кирпичи, деревянные балки, куски разломанной мебели. Пламя взметнулось и запылало с остервенением...

Мира стояла в углу двора, прижимая к себе двухлетнего сына, и смотрела, как огонь пожирал добро, нажитое за годы тяжелого труда. Сердце разрывалось от боли, но она стояла молча, как каменная. Она думала о муже и двух своих старших сыновьях. Лишь бы ничего худого не случилось с ними. А когда вернутся, построят новый дом, еще больше этого, еще краше. Лишь бы они вернулись... А в это время Ангел влез на высокое дерево, чтобы поглядеть на родную Присойну.

— Село горит! — закричал он. — Подожгли, гады!

Семь домов в тот день были уничтожены. Семь огней, похожих на острые копья, проткнули насквозь ночь.

Почуввав однажды кровь, волки становятся ненасытными — они гонятся за своей жертвой до конца.

Отряд перебрался в Эленские (Оленьи) отроги. Но и тут не мог укрыться от преследования. Пришлось возвращаться в свой Омуртагский край.

Падая от усталости, голода, недосыпания, партизаны однажды ночью прибились в Стойнове к крестьянину Стамену Кысето. Он приютил их в сарае и накормил мамалыгой.

Вдруг за стенами сарая замелькала какая-то черная тень. Кто-то остановился, прислушался...

«Они! Да, они!..»

И побежал в общину.

Предатели были везде. Но на них всегда падало самое тяжелое проклятие — народная ненависть и презрение.

Поняв, что их выследили, партизаны быстро ушли из села. Но в горах лежал глубокий снег. На нем отпечатывался каждый шаг. И партизаны спустились в овраг к речке.

У жандармов было много средств для преследования. Над белыми холмами появился самолет. Он как хищник кружил над лесами и склонами гор, высматривал добычу. Рокот его моторов слышали в Присойне, сердца женщин сжимались от волнения за своих отцов, мужей, братьев.

А внизу, в овраге, застыли партизаны. Самолет спустился ниже и ниже. Вот он уже над их головами — партизаны залегли в кусты, скрылись за острые утесы... Только бы пролетел мимо, только бы не обнаружил их!

Но отряд заметили.

Жандармы, потерявшие было следы партизан, снова объявились — злобная птица привела их сюда.

Стреляют. Стреляют и падают с пробитой грудью, с простреленным виском, с остановившимися навеки глазами.

Стреляют и падают...

Лес гудит от выстрелов и стонов. Снег окропился кровью.

Стреляют и падают герои. Сколько их? Всего один отряд.

А вокруг хищники — за каждым кустом, за каждым камнем.

Посерело небо от порохового дыма, выскочили из своих нор испуганные звери, вспугнутые птицы в страхе хлопают крыльями, старый лес вздрагивает от боли, с ветвей сыплются вниз и покрывают израненную землю редкие пушистые снежинки.

Долго бредут они по дну речки, стараясь скрыть следы, которые остаются на предательском снегу... Ноги сводит от ледяной воды, руки дрожат от усталости.

Кто-то, не выдержав, падает. Его подхватывают и идут дальше. И когда появляется надежда, что враг обманут и потерял их след, — лишь тогда снова выходят на снег. На мокрой одежде вода замерзает и превращается в поблескивающую ледяную корку. Но партизаны идут и идут вперед, насквозь промерзшие, го-

лодные, изможденные. Остановиться — значит совсем замерзнуть. Да и кто знает, оторвались ли они от жандармов или те все еще преследуют отряд...

Откуда-то спереди доносятся автоматные очереди.

— Залечь! — командует Ангел.

Все бросаются в снег и тоже начинают стрелять. Но у них мало патронов, почти все боеприпасы израсходованы.

Иван лежит бок о бок с братом. Сколько раз он ходил на явки и приносил партизанам еду, сколько раз спасал их от голода... А теперь бессилен им помочь...

Стреляют уже совсем близко, пули ударяются в заледенелые стволы деревьев, взрывают пушистый снег.

Их осталось в живых только трое. И три патрона в пистолете Ангела. Неужели они попадут в лапы к извергам-фашистам?..

Ангел поднимается во весь рост, обнимает Иванчо, целует его и стреляет. Иван с грустной нежностью смотрит на брата, раскидывает руки, будто хочет взлететь, и опускается на заснеженную землю. Ангел подходит к Назе, обнимает, целует ее и снова стреляет. Последний патрон Ангел оставляет для себя.

Первый день нового, 1944 года. До победы революции 9 сентября остается всего восемь месяцев...

РАССКАЖИТЕ, СЕДЫЕ БАЛКАНЫ...

Митко Палаузов родился 8 ноября 1930 года в селе Шумата. В годы минувшей войны участвовал в партизанском движении. Погиб 1 апреля 1944 года. Посмертно награжден орденом «Народная свобода».

По горной тропинке взбирается юркий, худенький мальчик. Его зовут Митко. Он в белой рубашке с расстегнутым воротничком. В руке — школьный портфель.

На минуту мальчик останавливается. Уж очень красиво вокруг! Вековые пихты стоят не шелохнувшись. В светлой дымке тают остроконечные вершины гор. Всеми цветами радуги сверкают на солнце прозрачные горные ручейки. Митко знает, как вкусна их вода. Она холодная-прехолодная, выпьешь глоток — и жажда пропадает.

Митко подошел к ручейку и, набрав воды в пригоршню, стал пить. Капли попали за ворот рубашки, и Митко запрыгал на месте: «Брр... Холодно!» — И замер, с опаской оглядываясь по сторонам.

Тропинка привела на поляну, сплошь усеянную цветами. Сбегая с гор, поляну теснил густой лес.

Хрустнул сучок. На поляне появились люди с винтовками. Впереди всех шел высокий плечистый человек — командир партизанского отряда Стефан.

— Здравствуй, здравствуй, Митко.— Стефан протянул руку мальчику.— Чем порадуешь?

Митко улыбнулся.

— Гостинцы принес, бай* Стефан.

— Показывай.

Митко раскрыл портфель. В нем лежали... пистолеты и патроны.

— Молодец,— похвалил командир.— Такие подарки нам пригодятся. На словах отец что-нибудь велел передать?

— Да. Полицейские идут в горы. Хотят устроить заставы на перевалах и тропах.

— Выслеживают,— хмуро заключил Стефан. И, обращаясь к Тодору, худощавому партизану в лихо сдвинутой на затылок кепке, приказал: — Усилить наблюдение за перевалом!

Солнце склонялось к горизонту. Казалось, оно село на горную вершину и никогда уже с нее не скатится.

* Бай — уважительное обращение младших к старшим в Болгарии.

Но вот минута, другая, и солнце поплыло вниз. И сразу на окрестности поползла серая мгла.

Митко вернулся домой, когда темная ночь окутала улицы Габрова. Ганка бросилась к сыну:

— Наконец-то... Уж мы с отцом места себе не находим.

— Зря волнуетесь. Не первый раз в горах.

Трифон, отец Митко, подмигнул сыну и негромко спросил:

— Ну, связной, докладывай все по порядку. Как там Стефан?

— Передавал привет. Подарки похвалил.— И добавил: — Папа, к нам завтра вечером придут партизаны...

Отец прошелся по комнате, обнял сына за плечи.

— Завтра у тебя будет работа, сынок. Назначаю тебя часовым. Внимательно поглядывай по сторонам. Увидишь подозрительное — дашь знать.

На следующее утро Митко с неохотой отправился в школу. Он плохо слушал объяснения учителя, смотрел в окно и думал только о партизанах.

В семь часов вечера Митко был на своем боевом посту. Он зорко наблюдал за улицей, за всеми прохожими. Вот к дому подошли трое мужчин.

— Привет, Митко! — раздался знакомый голос.

— Бай Стефан! — обрадовался мальчик.— Неужели это вы?

Командира отряда на самом деле трудно узнать. Одет он как крестьянин: в шароварах и абу — пиджаке из грубого сукна. Черные очки скрывают глаза.

Вышли они через час и быстро скрылись в конце улицы...

В Габрове стало беспокойно. Полицейские устраивали облавы, обыски. Не давали покоя и семье Палаузовых. Трифону грозила опасность. Тогда он ушел к партизанам. Долгое время от него не было вестей. Но однажды к вечеру Трифон тихонько постучался в оконце. Пришел обросший, усталый.

— Папа! — вскрикнул Митко и повис у отца на шее. В этот момент во дворе раздался топот кованых сапог. Полицейские!

Трифон мигом скрылся в тайнике.

От сильного удара распахнулась дверь. В комнату ворвались солдаты и офицер.

— Обыскать! — приказал офицер.

Солдаты обшарили все углы, перевернули все вверх дном. Один из них подошел к очагу, заглянул в него. Митко весь напрягся, следя за каждым движением солдата. Тот пошарил в очаге рукой: пусто.

— Где отец? — спросил офицер.

Митко спокойно ответил:

— Уехал искать работу в Тракию.

— Врешь! — Офицер наставил на мальчика револьвер. — Его сегодня видели на улице. Если не скажешь, где отец, застрелю тебя! Понял? Считаю до трех.

Офицер прицелился.

— Раз, два...

Митко закрыл глаза. Сейчас прозвучит выстрел — и... Но он ни за что не выдаст отца. Ни за что!

— Три!..

Офицер спрятал пистолет в кобуру, сказал солдатам:

— Мальчишка, пожалуй, действительно ничего не знает.

Как только полицейские ушли, отец выбрался из укрытия, бросился к Митко и крепко обнял сына.

— Спасибо, Митко...

Утром к Палаузовым явился полицейский.

— Отлучаться вам никуда не велено, — объявил он.

— А как же школа? — забеспокоился Митко.

— Какая еще школа? — проворчал полицейский.

— Та, в которой я учусь, — ответил Митко. — Если я не пойду в школу, господин учитель мне поставит двойку.

— Ладно, в школу ходи, — разрешил полицейский. —

Только после занятий сразу домой. Я буду проверять.— И, больно шелкнув мальчика по лбу, вышел.

Прошла неделя. Полиция по-прежнему следила за домом Палаузовых.

— Что с нами будет, Митко? — горевала Ганка.— Как бы связаться с отцом?

Митко успокаивал мать:

— Вот увидишь — отец не оставит нас в беде.

Ганка качала головой:

— А чем он поможет? К дому ведь не подойти.

Однажды, возвращаясь из школы, Митко услышал за спиной негромкий оклик. Мальчик обернулся. К нему приближался сгорбленный, опирающийся на палку человек.

— Что вам? — спросил Митко.

— Я Тодор, из отряда Стефана, — шепнул тот.— Помнишь?

— Еще бы не помнить! — Митко от радости чуть не подпрыгнул.

— Беги домой и приведи сюда мать.

— Мать? — удивился Митко.— Зачем?

— Я вас отведу к партизанам: Так решил Трифон.

— Как здорово! — обрадовался Митко.— Только как ее привести? За нашим домом ведь наблюдает полицейский.

— Скажи, что твою мать вызывает учитель, — предложил Тодор.— Мол, ты сегодня напроказничал в школе.

— А он поверит?

— Наверняка. Только надо по-настоящему разыграть его...

Подойдя к своему дому, Митко заметил знакомую фигуру полицейского, который стоял у продуктовой лавки и разговаривал с немецким солдатом.

Мальчик влетел в дом.

— Мама! Нас зовет к себе отец, в партизанский отряд.

— Как зовет? Где он? — всполошилась Ганка.

— Связной Тодор ждет нас, — ответил Митко. — Он отведет к отцу.

Мать развела руками:

— Ничего не выйдет, сынок. Полицейский пойдет за нами.

— Мама, мы с Тодором кое-что придумали...

В три часа, как всегда, в комнату ввалился полицейский. Митко громко плакал, а мать сердито его ругала:

— Что ты натворил, негодник? Почему меня вызывает учитель?

— Не знаю, мама, — всхлипывал Митко. — Ребята разбили стекло, а все свалили на меня!

— Горе ты мое, горе, — причитала мать. — Я же не могу выйти из дома.

— Если ты не придешь, меня исключат из школы! — вторил ей Митко.

— Да прекратите же наконец! — заорал полицейский. — Голова разболелась от вашего крика!

— А-а, у тебя голова болит! — бросилась к нему Ганка. — А если моего сына исключат из школы?

— Я здесь при чем? — огрызнулся полицейский.

— Вы посмотрите, люди добрые! — возмутилась Ганка. — Да ты же не даешь мне шага сделать за порог!

Полицейский, не ожидавший такого напора, сдался:

— Ладно, к учителю сходи, узнай, что там натворил твой щенок. И быстро возвращайся домой.

Полицейский так и не дождался Ганки и Митко. Они ушли в горы к партизанам.

Сердечно их встретили в отряде. Стефан, обращаясь к Митко, сказал:

— Отныне ты будешь воином народно-освободительной партизанской армии. Это большая честь для болгарина!

А вскоре перед строем бойцов Митко давал клятву партизана: «С гордостью и радостью я принимаю зва-

ние солдата народно-освободительного движения. Обещаю товарищам, народу отдать все свои силы и жизнь за освобождение родины от гитлеровских захватчиков и их болгарских слуг... Суровое наказание и позор мне, если я изменю клятве...»

Каждый партизан имел кличку. Получил ее и Митко. Теперь его стали называть Мефодием.

Однажды командир сказал:

— У нас кончаются запасы хлеба. И оружия маловато. Все это мы можем достать в селе Купен. Наши разведчики донесли, что там находятся примерно двести гитлеровцев и полицейских. Предлагаю село атаковать.

Под покровом ночи отряд спустился в долину. Недалеко от села Стефан позвал Митко:

— Тебе задание: незаметно проберись к околице и посмотри, где стоят часовые.

Глухая ночь. Сквозь облака кралась луна, поглядывая на прижавшегося к земле Митко.

Время от времени Митко останавливался, прислушивался. И снова полз. Вот луна осветила село. Мальчик увидел троих часовых. Они курили и тихо переговаривались. Потом разошлись в разные стороны, обошли деревню и вернулись на старое место...

Под утро партизаны атаковали и разгромили фашистов.

Встречать партизан высыпали все жители Купен. Со слезами на глазах обнимали их, рассказывали о зверствах фашистов и их прихвостней. Высокий старик с седой бородой показывал в сторону пленных:

— Вон тот, рыжий, убил мою внучку.

И, прикрыв глаза ладонью, зарыдал.

Стефан приказал подвести пленного:

— Болгарин?

— Болгарин, болгарин,— подобострастно залепетал рыжий.— Я не хотел убивать, мне приказали немцы.

Стефан вынул пистолет и направил на палача. Полицейский упал на колени.

— Это все немцы...

— Встать! — приказал Стефан.

Рыжий, моргая глазами, вскочил.

— За измену родине, за убийство ребенка...

Раздался выстрел. Палач рухнул на землю.

— Так будет со всеми, кто предаст свою родину, — сказал Стефан.

Митко затаив дыхание смотрел на Стефана. Он знал, как партизаны, в том числе и их командир, трогательно относятся друг к другу, заботятся о тех, кто попал в беду, кого преследуют фашисты... Сейчас он увидел, как партизаны непримиримы к врагам.

Незаметно наступила осень. Черные тучи окутали горные вершины Балкан. Каждый день хлестали дожди. В ущельях было сыро, неприветливо.

Фашисты блокировали все дороги и тропинки, ведущие в горы. Отряд Стефана вынужден был постоянно менять стоянки. Переходы по горным кручам изматывали людей. Особенно страдали раненые. Каждый переход был большим риском для их жизни. «Что делать? Что делать? — ломал голову Стефан. — Скоро будет еще труднее». И он принимает решение, которое в тех условиях было единственно правильным...

Отряд остановился в местечке Осенниковая Поляна. Здесь для раненых вырыли землянку и оставили их на зиму. Для охраны командир назначил пятерых партизан. Остался с ними и Митко. Командовать этой группой поручили Трифону.

Печальным было расставание партизан. Они жали друг другу руки, а взгляды их говорили: «Встретимся ли еще?..»

За три дня вырыли еще две землянки. В них разместилось прикрытие раненых — группа партизан во главе с Трифоном.

Теперь Митко разведчик. Он целыми днями бродит по окрестностям, высматривая, не появились ли где фашисты. Но пока все спокойно. Когда выдаются свобод-

ные часы, мальчик с помощью партизанки Магды, бывшей учительницы, решает задачи, учит историю. Он, как и раньше, старается быть прилежным учеником.

Осень сменилась зимой. Тропинки замело снегом. Жутко было в эти дни. Снаружи гудел ветер и доносился вой голодных волков. Здоровье некоторых раненых ухудшилось. Да еще вдобавок съестные припасы кончались. Трифон думал, что бы предпринять. В ближайшее село не пойдешь. Его заняли немцы и полицейские. Отряд Стефана не подавал о себе вестей. И тогда Трифон решил разыскать партизан. Он ушел, не зная, что в последний раз видит своих товарищей, жену, сына...

Как-то, выйдя из землянки, Митко увидел, что снег начал темнеть. Заканчивался февраль, и уже чувствовалось дыхание весны. Так хотелось тепла, солнца! После такой тяжелой зимы верилось: весной все беды пройдут. Весной придет победа!

Но Митко не дожид до победы. 1 апреля 1944 года партизанский тайник окружили немцы и полицаи.

— Сдавайтесь! — закричали они.

В ответ раздались выстрелы. Фашисты подтащили пулемет. Длинная очередь хлестнула по укрытию. Упала Ганка. Митко перестал стрелять. Мальчик видел, что мать умирает, что он ничем не сможет ей помочь...

— Прощай, сынок! — с трудом прошептала мать.

Тогда Митко поднялся во весь рост и с пистолетом в руке пошел навстречу врагам.

Замолкли выстрелы. Немцы и полицаи удивленно смотрели на приближающуюся фигуру мальчика. Он шел с гордо поднятой головой, глядя прямо перед собой.

Фашистский офицер не выдержал этой молчаливой атаки и швырнул в Митко гранату...

В городе Габрове стоит памятник Митко Палаузову. У его подножия всегда живые цветы.

...Балканы, Балканы! Вечно храните легенду о подвиге Митко, о болгарском орленке, который не допел свою песню в четырнадцать лет.

СМЕРТИ НАВСТРЕЧУ

Элени Папагеоргиу родилась в Афинах. В годы фашистской оккупации вступила в молодежную организацию движения Сопротивления, помогала подпольщикам Афин. Погибла 25 июня 1944 года во время расстрела фашистами мирной демонстрации.

Утром Афины тихи и чисты. Прохладный ветер летит с моря. Мягкое солнце золотит его волны.

Элени любила вставать пораньше, чтобы выйти на балкон и, раздвинув руками тугие виноградные листья, ждать, когда вспыхнет солнце ярко и сильно.

Но это мгновение еще не наступило. И Элени немного сонными глазами смотрела на тихие Афины, на горы, на древние колонны, стоящие далеко-далеко: кажется, что они вот-вот растворятся в чистом воздухе. Элени смотрела на нежные утренние краски города, на высокое небо и ясное лазурное море. Как хорошо!

Солнце вспыхнуло неожиданно. Сразу обожгло город, растревожило, разбудило.

Элени радостно рассмеялась и побежала вниз. Во дворе ждут подружки, чтобы бежать к морю...

Как хорошо жить! Как здорово, что твой родной город Афины — город у моря, солнечный город. А рядом с загорелыми сапожниками, носильщиками, продавцами, рядом с цветастой толпой афинцев вечно живут сказки и легенды, боги и богини. Рядом всегда живет детство!

...Весной сорок первого года, когда только-только начало прогреваться море, в Афины вошли фашисты. Они чувствовали себя властителями мира. И белые камни афинских улиц крошились под их сапогами.

Элени Папагеоргиу недолго думала. В ее жизни всегда все решали мгновения. Так вышло и сейчас...

Элени сидела под сводами чудесного Акрополя. Ветер с моря шевелил волосы, а тени от строгих колонн были легки и прозрачны.

Вечное солнце, вечное море, вечный Акрополь... Вдруг Элени пронзила мысль: «Если не я, то кто защитит мой Акрополь, мои Афины от фашистов?»

Элени решила вступить в молодежную организацию движения Сопротивления.

...Корзинка с фруктами — что может быть проще? Что может быть безобидней? Трутся яблоки золотыми боками, лежит сочный виноград — солнце вспыхивает в его ягодах, — синие сливы с матовыми боками так и просятся в рот.

Идет Элени по светлым улицам, дерзко улыбается направо и налево. Улыбка эта обжигает врагов, обезоруживает их. И никому не приходит в голову подойти к Элени и высыпать фрукты из корзинки. Тогда бы враги увидели, что под яблоками, сливами и виноградом лежат патроны.

Что может быть проще корзинки с фруктами?..

Элени была смелой девчонкой. Она не боялась трудностей, всегда готова была пойти на любое дело: клеить листовки, переносить оружие. Недаром родилась и выросла в Афинах, в городе богов. Наверное, вместе с сухим афинским воздухом вдохнула она смелость и решимость, а с молоком матери испила любовь к родине. А бессмертное солнце Эллады подарило Элени решительность...

25 июня 1944 года. Советская Армия уже погнала фашистов с Балкан... Чистое утро. В каждом доме готовятся сегодня выйти на демонстрацию. Надо показать фашистам, что народ ненавидит войну, завоевателей, смерть. Надо показать, что греки не покорились, что близок час расплаты.

25 июня 1944 года... Люди вышли на демонстрацию. Элени шагает вместе со всеми. И сердце ее ликует.

Поворот, поворот, еще поворот. Виноград свешивается с балконов, а небо как тугой парус на корабле.

На одной из улиц фашисты открыли по демонстрантам пулеметный огонь. Дрогнули ряды...

25 июня 1944 года.... Элени поняла, что вся ее жизнь сейчас в одном мгновении. Люди в замешательстве хлынули кто куда, колонна демонстрантов разломилась, как гнилая хворостина... Кто остановит вас? Кто бросится навстречу пулемету и поднимет ваш дух?

— Убийцы! Труссы! Долой фашистов! — крикнула Элени и шагнула вперед.

Это были последние слова бесстрашной афинской девочки.

ПОГИБ ЗА СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

Рубен Ибаррури — сын известной испанской коммунистки Долорес Ибаррури — с юных лет участвовал в борьбе против власти капиталистов и помещиков, за права трудящихся. В 1939 году в числе других детей испанских республиканцев он приезжает в СССР. Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, Рубен уходит на фронт.

Рубен Ибаррури погиб под Сталинградом в возрасте двадцати двух лет. За мужество и героизм в борьбе с фашистами ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На высокой артековской скале стоит паренек. Ветер шевелит его черные как смоль волосы. Он смотрит на море. Он смотрит на Медведь-гору, окутанную мохнатой шапкой облаков. Как непривычна лагерная жизнь, как ласковы волны... А где-то далеко за морем его родина — Испания. Там его мать. Губы невольно шепчут недавно заученные русские слова:

Он пел, умирая
За эти края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя».

Это Рубен Ибаррури, сын отважной Пасионарии — вожака испанских коммунистов.

...Рубен не носил красного галстука. Но уже два года вместе с друзьями-пионерами из шахтерского поселения Саморростро он ходил на митинги, расклеивал листовки. Шахтеры забастовали. Тогда хозяин хлебной лавки решил не продавать хлеб рабочим. Об этом узнали Рубен и его друзья. Рано утром они устроили на дороге

засаду. Возница хлебного фургона, ничего не подозревая, насвистывал веселую песенку. Лошади медленно плелись, еле вытаскивая ноги из вязкой глины. Когда фургон поравнялся с домом, Рубен взмахнул рукой. Угловатый, неповоротливый сын лавочника не успел опомниться, как пионеры ловко накинули на его голову мешок. Через несколько минут ребята наполнили четыре мешка свежее испеченным хлебом. А через час в каждой шахтерской семье на столе лежал хлеб.

Мать Рубена переехала в Мадрид. Так нужно было для дела партии. Вместе с ней приехал в столицу и Рубен. Он сразу же подружился с мадридскими пионерами. Рубен вместе с ними собирал деньги для политзаключенных, был связным. Каждое утро пионеры приходили на улицу Галилея и получали в типографии пачки свежих газет. Рубен бежал по улицам города, и его голос звучал звонко и смело:

— Покупайте рабочую газету «Мундо обреро»! Читайте правду о революции!

Однажды Рубен пришел на демонстрацию рабочих и там роздал свою пачку газет. Она таяла на глазах. И когда не осталось ни одной, Рубен встал в одну шеренгу с демонстрантами и запел вместе со всеми:

Это есть наш последний
И решительный бой!

И вдруг треск. Сухой, отрывистый. Шахтер, шагавший рядом с Рубеном, упал на мостовую, сраженный полицейской пулей.

...Многие дети республиканцев во время войны были отправлены в Советский Союз, который стал для них второй родиной. А когда грянула война с гитлеровцами, Рубен, уже возмужавший, ушел на фронт.

В те дни мать Рубена получила письмо:

«Этот народ изумителен. Скажу тебе, что иногда я потрясен до глубины души. Такой народ невозможно победить».

Шли бои под Сталинградом.

Пять раз поднимались фашисты в атаку на позицию пулеметной роты, в которой сражался Рубен Ибаррури. И пять раз откатывались назад. Погиб комбат, и старший лейтенант Ибаррури заменил боевого командира. В разгар боя вражеская пуля смертельно ранила Рубена...

...В «Артеке», на берегу моря, установлена мемориальная доска. На ней высечены имена героев-артековцев. Среди них — имя Рубена Ибаррури. Каждый пионер, проходя мимо, отдает салют. А 3 сентября, в день гибели героя, здесь звучат стихи:

...Он пел, умирая
За эти края:
«Россия, Россия,
Россия моя».

ЛЮБИМЫЕ ПЕСНИ ФРАНКО ЧЕЗАНЫ

Франко Чезана с одиннадцати лет вступил в борьбу с фашизмом. Сначала помогал подпольщикам Рима, затем ушел в горы к партизанам. Франко знали и любили многие итальянские партизаны. Он храбро сражался в бою и пел задушевные песни у партизанского костра. Франко погиб от фашистской пули в тринадцать лет.

Море любимое,
Прекрасное море,
Что может быть роднее тебя?
Соленый пот на губах,
Тяжелый парус,
Гладкое от рук весло.
Ты — моя жизнь,
Ты — моя радость,
Ты — моя печаль,
Море!

Плывет нежный детский голос над костром, над головами усталых притихших партизан, над угрюмыми скалами и мохнатыми верхушками сосен и уносится далеко-далеко в ночь, к морю.

Франко любит петь о море. И море он любит, так сильно любит, как ничто другое на свете.

А самая-самая мечта у Франко — выйти на баркасе в море с рыбаками. Если бы не война, он бы давно уже ходил на промысел. Недаром же старый Ментано обещал взять с собой, когда племяннику исполнится двенадцать лет. Вот исполнилось, но ни баркаса, ни моря, ни Ментано... Проклятые фашисты! Когда-то теперь вновь придется увидеть белые барашки волн, прибой, слизывающий с берега бумажные обрывки, золотистый песок пляжа...

— Спой еще, Франко! — просят партизаны. — Про новый баркас и старую плоскодонку спой!

Франко поет давнюю веселую песню итальянских рыбаков. О том, как поспорили новый Баркас и старая Лодка-плоскодонка, кто поборет Море. Баркас не выдержал напора волн, подставил свой бок, и Море его перевернуло. А старая Лодка смело разрезала своим острым носом волны, шла наперекор злобному шипению Моря и победила!

«Вот так и человек в бою, — думал Франко, — подставит врагу спину — и пропал. А если смело двинется на врага, лоб в лоб, штык в штык, то даже грозный и могучий враг не выдержит напора...»

Под утро его разбудили.

— Вставай, Франко, командир зовет!

Молочная дымка зависла над партизанской стоянкой. На востоке над горами ширилась, расталкивала ночную тьму светлая полоска — рассвет брал свое.

Костер догорал небойким, но все еще жарким пламенем, потрескивал и изредка стрелял искрами и тепловой золой.

У костра сидел на корточках командир, курил. Франко сначала показалось, что командир спит, но, приглядевшись, понял: командир прикрыл глаза, передвигая из одного уголка рта в другой папиросу, о чем-то думал.

О чем?

Может, о том, что в отряде кончаются патроны, а скоро предстоит тяжелый бой? Или о раненых — их с каждым днем прибывает, а медикаментов нет. И фельдшер погиб на прошлой неделе, единственный человек, понимающий по медицинской части...

Не осмелившись прервать думы командира, Франко негромко кашлянул. Командир приоткрыл глаза и тихо сказал:

— Приходили крестьяне, Франко. Сообщили, что фашисты и чернорубашечники готовят карательную экспедицию. И первый их удар будет по нашему отряду.

Франко слушал внимательно. Ему нравилось, что командир так доверительно, серьезно разговаривает с ним, с мальчишкой. Как со взрослым разговаривает. Значит, верит Франко, надеется на него.

— Твоя задача: спуститься в долину и разузнать численность карателей. В разведку пойдешь с оружием. В случае опасности возвращаясь в отряд немедленно!

Командир взглянул на Франко.

— Ясно?

— Так точно! — бодро ответил Франко.

Командир пристально посмотрел на разведчика, словно примериваясь, справится ли с заданием мальчик, кивнул:

— Удачи тебе.

...Франко вернулся через день. Едва доложил обстановку в долине и сведения о карателях, как снова очутился в кругу партизан.

Новая песня потянулась над партизанской поляной. И невдомек партизанам, что сутки Франко не смыкал глаз...

А Франко поет, словно в помине не было трудного перехода по горным тропам, опасностей, поджидающих разведчиков за каждым кустом, за каждым камнем, и стычки с патрулем на обратном пути из долины... Да много еще чего было, только об усталости забываешь, когда думаешь и мечтаешь о море. Хотя бы в песне...

Та песня была последней в жизни Франко. Ночью каратели пошли на приступ. Они не застали партизан врасплох — их встретили дружные залпы.

Ночной бой партизаны выиграли. Но погиб Франко. Фашистская пуля сразила юного разведчика.

ГЕНЕРАЛ

Мирек Бернацкий родился в Варшаве в семье ремесленника. В тринадцать лет стал подпольщиком. Участвовал в вооруженной борьбе против фашистов. Во время Варшавского восстания 1944 года сражался на баррикадах. Погиб от пули немецкого снайпера.

Мирек присел на вывороченную из стены деревянную балку, вытер горячий лоб. На ладони остались красно-бурые полосы. «Неужели кровь?» Нет, не кровь. Пыль. Красная кирпичная пыль. Она уже который день висит над домами, густым облаком расползаясь над городом.

Третий день фашисты обстреливают дома из тяжелых орудий, крошат авиабомбами древние кирпичные стены, с тупой жестокостью разрушая квартал за кварталом. Дома погибают, но повстанцы продолжают сражаться, снова и снова встречают огнем наступающие эсэсовские части.

Мирек сбросил с плеча автомат, привалился к стене. Надо поспать. Хоть немного. Ночью дремали по очереди, а он, Мирек, рассказывал дозорным веселые истории, насвистывал тихонько песенки, старые, еще довоенные, чтобы не смыкали глаз, чтобы смогли перебороть сон. А сейчас ему хоть чуть-чуть надо вздремнуть.

Немцы, по всему видно, готовят решающий штурм: вчера низко кружили самолеты, высматривали позиции, а ночью, ближе к рассвету, оттуда, из глубины улиц, занятых врагом, ясно доносился шум моторов. Значит, подтягивают танки. Это уже хуже. Против танков у ребят только гранаты и бутылки с горючей смесью. Пушку бы, пусть самую маленькую, пусть одну на всю позицию.

Командование приказало драться до последнего... Как? Как, против танков?.. Здесь, на улице Товаровой, на площадке, прозванной «Кужа Стопка» — «Пыльная Подошва», узел обороны всего квартала. Отдать его — и фашисты рассекут отряды повстанцев... Невозможно... С гранатами и бутылками... Но ведь он — Генерал... Должен придумать.

...В их дворе каждый мальчик понимал, что с Миреком драться не стоит. Потому что он очень упрямый. Пусть кое-кто из ребят и выглядит здоровее, он их все равно отлупит. Если пристанут. И никакая сила тут уж не спасет.

Вообще-то сам Мирек драться не любил. Не любил обижать слабых. Ему больше нравились мальчишеские игры: на узких каменистых улочках старого города, среди лабиринтов зданий ребята становились отважными рыцарями и ловкими мушкетерами, лихими гусарами и суровыми борцами за свободу угнетенных.

Заводилой в этих играх всегда был Мирек. С толпой мальчишек он вваливался в обойную мастерскую, где работал его отец Ян Бернацкий, и с невозмутимым видом принимался копаться в обрезках дерева и цветастых тканей, выбирал материал для рыцарских шлемов, мечей и щитов.

В теплых варшавских сумерках звучал боевой клич, носились растрепанные, разгоряченные мальчишки и, казалось, оживали для Мирека легенды его семьи.

Вот он вместе с отцом в дни первой мировой войны вступает во Второй корпус Восточного легиона и марширует по брусчатке мостовой, отправляясь защищать родину от кайзеровской Германии. Вот рядом с дедом поднимает знамя восстания против царя и бьется на баррикадах, укрываясь от пуль за днищами толстых дубовых бочек. А после разгрома повстанцев уходит на лошадях от погони жандармов.

Героические предки, приходя из семейных легенд в детские игры, становились верными, добрыми друзьями.

Под темными крепостными стенами слышался Миреку глухой голос деда:

— Пока мы живы — нас не победят.

Может быть, в словах этих и заключался тот самый важный секрет, что позволял мальчишке не теряться в самые трудные моменты.

...Крепкие шипастые каштаны срывались с веток деревьев и лопались, шлепаясь на тротуары. Мирек набивал ими карманы и, шагая по улицам, ощупывал пальцами колющие шарики. Ему хотелось, чтобы они превратились в гранаты, настоящие, разлетающиеся сотнями стальных смертоносных шипов. Тогда их можно будет кидать из-за чугунной ограды сквера прямо под ноги фашистам. Фашисты ворвались в Польшу в сентябре тридцать девятого года и установили «порядок». Разгуливают по городу как хозяева! И под их сапогами щелкают крепкие скорлупки каштанов.

«Серые шеренги»... Такое подпольное название взяла себе организация польских пионеров — харцеров в годы гитлеровской оккупации. Мирек вступил в нее вскоре после начала войны. Ребята из «Серых шеренг» расклеивали листовки, писали лозунги на стенах домов, вели разведку и изучали оружие. Принимали в отряды самых надежных, самых крепких и ловких.

Следом за Миреком пошли в «Серые шеренги» многие мальчишки с его улицы. По правилам конспирации новичкам придумывали подпольную кличку. Каждый старался выбрать себе что-нибудь звучное и красивое. Мирек не знал, на чем остановиться, да и не особо над этим задумывался.

Вдруг кто-то из мальчишек подсказал: «Генерал! Пусть будет Генералом». Все замерли от неожиданности — действительно подходит! В самую точку! Да и не было больше такой клички ни у кого в Варшаве.

Мирек не возражал: «Генерал так Генерал». Он еще не догадывался тогда, как трудно быть генералом..

Ян Бернацкий потихоньку наблюдал за сыном, замечал, что тот меняется с каждым месяцем. Скрытен стал, все больше молчит, часто пропадает из дома. Притащил во двор чугунные колеса, утром поднимает их по многу раз, так что и взрослый надорвется. А этому хоть бы что! Боксом занялся, гимнастикой, пружины какие-то приспособился растягивать. Тренируется. Да не один: целую ораву мальчишек с улицы приводит.

Хорошо, конечно, что сын серьезным становится, но только куда это его приведет? К подпольщикам?

Однажды спросил об этом прямо. Но сын лишь посмотрел внимательно, ответил туманно:

— Солдат должен быть сильным! Иначе какая от него польза.

Вздыхнул Ян Бернацкий, понял: не может сын сказать ему всей правды, но и обманывать не хочет.

Опасения отца подтвердились случайно. Искал какую-то книжку среди учебников сына, и вдруг под листом бумаги тускло блеснула вороненая сталь. Пистолет! Осторожно взял в руки, оттянул затвор — на стол выскочил патрон.

— Мирек... это... твое?

— Да, папа. Я вступил в харцеры. Мы будем сражаться с фашистами.

Его арестовали на улице. Двое полицейских схватили за руки, третий отобрал сумку, быстро обшарил карманы.

— Что уставился, гаденыш? Сейчас заговоришь. В участок его.

Ни пистолета, ни других вещей, указывающих на связь с подпольщиками, у Мирека не было. Но в сумке нашли железную цепь и длинный нож для разрезания бумаги, которые насторожили гестаповцев.

Допрашивали долго, настойчиво. Мирек молчал. Цепь и нож он использовал для обучения ребят рукопашному бою. Но ведь эти вещи могли оказаться в сумке любого прохожего. Из вопросов пытался понять, что же произошло: случайность или предательство? Сообразил — знают о нем фашисты очень мало, сомневаются, но просто так не выпустят. Надо терпеть и ждать.

Как-то утром следователь вошел в камеру к мальчику необычно веселый.

— Собирайся. Твоя очередь настала. Предупреждал ведь я тебя.

Мирека отвезли в Павияк, страшную варшавскую тюрьму, где были замучены тысячи поляков. Здесь не любили много разговаривать — просто били, били и требовали признаться.

После таких допросов очень болела спина, даже доползти до кружки с водой, что стояла на столе в углу камеры, было трудно. Порой силы кончались, хотелось крикнуть палачам в лицо проклятья, плюнуть в мерзкие рожи, а там — пусть расстреливают. Но в эти минуты слабости вспоминались слова деда:

— Пока мы живы — нас не победят!

И боль отступала, сменялась надеждой.

Гестаповцы устали возиться с упрямым мальчишкой, засомневались: может, действительно никакой он не подпольщик?

— Надоел ты нам. Скажи хотя бы, зачем тебе нужен был нож?

Мирек понял, что настал решительный момент. Сейчас его либо расстреляют, либо отпустят.

— Это же инструмент. Из мастерской отца. Сунул нечаянно в сумку и забыл.

Вскоре Мирека выпустили из зловещего Павияка.

В конце июля сорок четвертого года Мирек, уходя из дома, попрощался с отцом и матерью, сказал, что

вернется не раньше чем через неделю. Но оказалось, попрощался с ними навсегда.

Первого августа вспыхнуло Варшавское восстание. Город поднялся на неравный бой с оккупантами. И вместе со взрослыми в бой вступили харцеры «Серых шеренг».

Отряд Генерала должен был поддерживать связь между кварталами Охота и Средместья, рассылая связанных на укрепленные пункты повстанцев. Однако вышло по-другому. Лишь только раздались первые взрывы на улицах и немецкие солдаты стали стрелять в безоружных жителей, мальчишки достали из тайников пистолеты, автоматы и гранаты.

...Мирек вздрогнул и наконец проснулся. Кругом было необычно тихо. Красноватое облако кирпичной пыли постепенно оседало на развалины домов. Лишь от центра города доносились редкие очереди немецких пулеметов. И почему-то именно они, эти отдаленные выстрелы среди наступившей тишины особенно насторожили.

— Это ты, Виктор?

— Я. Там, кажется, начинается, Генерал.

— Идем. Пора.

Ребята укрывались за толстой каменной кладкой уцелевших от огня артиллерии подвалов, припав к узким окошкам, наблюдали за позициями немцев. Те не спешили. Из боковой улочки выполз огромный неуклюжий танк. Прячась за ним, шли эсэсовцы.

Харцеры ударили дружно, пули забарабанили по броне и, отскакивая, жалили солдат в касках. Гитлеровцы не выдержали, прижались к стенам, хлестнули из автоматов и пулеметов по окнам подвалов. Очереди высекали острую крошку из каменной мостовой, поднимали фонтаны пыли, и эта растревоженная пыль укрывала фашистов, заслоняла их от огня мальчишек. Эсэсовцы усилили огонь, кинули на мостовую несколько гранат

и, уже не прячась, побежали вперед. Из подвала их нельзя было разглядеть.

— Живо наверх! — скомандовал Генерал, выскочил первым и, опережая эсэсовцев, дал длинную, в полдиска, очередь по цепи атакующих.

Трое или четверо упали, остальные залегли в развалины, грохнула пушка танка. Вскрикнув, схватился за плечо Темный, кто-то застонал слева от Мирека. Выскочив наверх, мальчишки оказались на хорошо простреливаемом пространстве. Пули и осколки носились рядом.

Пришлось снова спуститься в подвал. Но теперь выглянуть наружу было невозможно: гитлеровцы обрушили на окна весь огонь, не давая поднять головы.

Пули обсыпали штукатурку над головой. Мирек метнулся в сторону, споткнулся. Что это, лестница? Зачем она здесь?

Эсэсовцы уже ползли на их позицию, прячась за камнями, непрерывно паля по окнам. Танки — их было уже четыре — тянулись следом. Все ближе и ближе гитлеровцы. Они совсем рядом, они поднимаются для последнего броска...

И тут откуда-то сверху, прямо с неба, на них обрушиваются гранаты. Одна за одной. Волна разрывов сметает наступающих.

Ребят спасли... лестницы. Генерал приказал подставить их к стенам, прячась за которыми можно было залезть высоко и оттуда закидать врагов гранатами. Гитлеровцы ожидали удара из подвала и не думали, что будут атакованы таким необычным образом.

Вдруг низко над землей, чуть не задевая крылом башни костела, мелькнули самолеты.

— Бомбардировщики!

Крик заглушил рев моторов. Мальчишки вжались в стены, зажмурились, ожидая взрывов. Мирек слышал, как тяжелыми толчками бьется его сердце. Он знал, что бомбы — самое страшное сейчас, потому что бомба про-

бывает насквозь перекрытия дома, разрывается внизу, в подвале, уничтожая все живое.

Бомбы падали рядом. С грохотом рухнул соседний дом, широкая кривая трещина чиркнула по потолку подвала. Бомбардировщики разворачивались для нового захода.

Не было сил ждать новых взрывов и видеть напряженные и беспомощные лица ребят. «Сделай что-нибудь, сделай, ты ведь командир», — твердил сам себе. И вдруг вспомнил. Вспомнил, что в сумке лежит трофейная немецкая ракетница.

Мирек рванулся к сумке, выхватил ракетницу. Какого же цвета ракетой немцы указывают цели для бомбежки? Кажется, зеленой. Так, готово — выстрел. Ракета зеленой звездочкой скользнула в небо и повисла над позицией эсэсовцев.

Вереница бомбардировщиков сделала крутой разворот и посыпала бомбы... на своих! Гигантские кусты взрывов встали над развалинами, где скапливались фашисты. Атака немцев захлебнулась. Позиция осталась в руках «Серых шеренг».

...Мирек погиб на следующий день. Его выследил вражеский снайпер, и когда Мирек поднял в атаку своих бойцов, первая же пуля пронзила грудь Генерала.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Цезаря Леженского в детстве ласково звали Чареком. В годы фашистской оккупации он вступил в ряды Сопротивления. Выполнял различные задания подпольщиков. За мужество и героизм награжден семью орденами и медалями.

Декабрь 1943 года. По улицам Варшавы вышагивают немецкие патрули. Бесцеремонно останавливают прохожих, проверяют документы.

В один из морозных дней в подъезд одного из домов по улице Хожа юркнул подросток. Поднялся на третий этаж и остановился у двери с дощечкой: «Леженские». Нажал кнопку звонка.

Открылась дверь. На пороге показался высокий стройный мальчик с серыми задумчивыми глазами. Хотел было спросить: «Вам кого?», но осекся, увидев знакомое лицо.

— Збышек!

— Тише, Чарек! — предостерег гость.— Ты один?

— Да.

— Есть дело.

Ребята прошли по длинному коридору и оказались в просторной комнате, заставленной книжными шкафами. Збышек сел в кресло, сказал в раздумье:

— Насколько я знаю, ты харцер, верно?

— Ну и что?

— То, что я тебе скажу, никому не передавай. Понял?

— Клянусь словом харцера.

— Скажи, ты хотел бы бороться с фашистами? — спросил Збышек и пристально посмотрел на друга.

У Чарека загорелись глаза.

— Конечно. А как?

— Есть верные люди, подпольщики. Они научат. Я познакомлю с ними. У тебя будет подпольная кличка, тебе дадут задание... Ты будешь не один — нас уже много, целый отряд!

— Вот здорово! — обрадовался Чарек. О подпольщиках он уже слышал, но чтобы самому стать подпольщиком... Что может быть почетнее, когда родная Варшава под пятой фашистов! Чарек давно мечтал бороться с фашистами. Но в одиночку разве можешь сделать что-то толковое?

Вечером того же дня Збышек зашел за Чарekom. Они вышли на улицу.

Мороз крепчал. Прохожие шли с высоко поднятыми

воротниками. Зима в этом году выдалась особенно холодная.

— Нам на Львовскую,— шепнул Збышек и добавил: — Иди спокойно, не оглядываясь по сторонам.

Вот и Львовская улица. Серый дом с колоннами, обшарпанный козырек над подъездом.

Вошли в подъезд. Явочная квартира на первом этаже.

Их встретил человек со шрамом на правой щеке. Это был инструктор харцеров по кличке Куропатка.

Пришли еще несколько мальчиков. Собрались в комнате с зашторенными окнами, уселись за длинный стол.

— Харцеры,— сказал инструктор,— наша родина в беде. Ее священную землю топчут сапоги гитлеровских солдат. Патриотов преследуют, бросают в тюрьмы, истязают, расстреливают. Фашисты хотят запугать народ. Но им это не удастся. Сейчас в движении Сопrotивления участвуют и взрослые и дети. Тысячи поляков! Харцеры уже показали, что могут быть грозной силой для врага...

Инструктор внимательно посмотрел на ребят.

— Вы, конечно, еще малы для серьезной вооруженной борьбы. Но вы — харцеры и, верю, ненавидите фашистов. Верно?

— Верно! — раздались голоса.

— Так вот, предлагаю организовать отряд юных мстителей и тоже бороться с фашистами своими средствами. Отряд назовем «Завиши».

— Почему «Завиши»? — спросил Чарек.

— Давным-давно жил в Польше рыцарь по имени Завиша Чарны. Он не жалел своей жизни — боролся против зла и защищал обездоленных. Его боялись враги. Завиша стал нашим героем. Его имя воспевают в легендах. В честь него и предлагаю назвать отряд...

С того вечера каждую неделю ребята собирались на квартире у инструктора Куропатки. Инструктор расска-

зывал им о положении на фронте, о всех событиях, что удавалось узнать подпольщикам по радио.

...Чарек крепко подружился со всеми членами отряда. Разные это были ребята. Зых — круглолицый озорной парень. У него никогда не сходила с лица улыбка. Дзидек носил очки, которые придавали ему взрослый вид. Он то и дело их поправлял, когда говорил. Дзидек был начитанным, помнил наизусть много стихов и песен. Ребята прозвали его «профессором». Гжиб — светловолосый, с голубыми глазами и вздернутым носом. Очень застенчивый. Чарека прозвали «почемучкой», потому что он все время задавал инструктору вопросы. У Ганзаги был приятный голос. Он хорошо пел... Разные лица, разные характеры, но всех ребят роднило одно чувство — ненависть к фашистским оккупантам.

Приближалась годовщина победы польских рыцарей над Тевтонским орденом под Грюнвальдом. Историческая битва состоялась 15 июля 1410 года. Эту дату всегда отмечали в Польше до войны. Но с приходом фашистов национальные праздники были отменены, праздновать их запрещалось под угрозой смерти.

«Завиши» решили по-своему отметить годовщину Грюнвальдской битвы.

Раннее утро. По одному выходят из подъезда мальчишки. Первым идет Чарек. В руках у него ведро, в ведре банка с краской и кисть. Держится непринужденно, даже что-то насвистывает. Посмотреть со стороны, так вышел парень подработать — сколько таких сейчас слоняется по улицам Варшавы. И все ищут заработок.

Сначала Чарек направляется на Аллею Независимости. Но там слишком много немцев. Свернул на улицу Нарбутта. За ним цепочкой шагают ребята. Охраняют.

Вот и подходящее место.

Только окунул кисть в банку, услышал условный свист. Чарек сунул руку в карман, надвинул на лоб

кепку. Мимо прошел немецкий офицер. Взглянул на Чарека, но не остановился.

Как только гитлеровец скрылся из виду, Чарек вынул кисть и быстро написал на стене: «1410 — ГРЮНВАЛЬД — 1944». Прошел вдоль стены несколько метров, снова написал.

Охрана наготове, зорко посматривает по сторонам. Збышек поторапливает:

— Скорее, скорее...

За спиной взвизгнул тормозами автомобиль. Чарек вздрогнул. Руки стали тяжелыми. Сейчас раздастся: «Хенде хох!» — и тогда...

Но машина помчалась дальше. Водитель не заметил надписи на стене.

После Нарбутта Чарек благополучно прошелся кистью по стенам домов улицы Фалата. Но вот на следующей улице — Ходкевича — вышла осечка. Только Чарек приготовился писать, как откуда ни возьмись выскочил сторож дома, возле которого остановился Чарек.

— Убирайтесь отсюда, щенки! — закричал сторож, размахивая руками. — Я вам покажу, как марать стены!

В руках у Зыха блеснул пистолет — единственное оружие на весь отряд.

— Спокойно, пан. Идите своей дорогой, а нам не мешайте.

Сторож испуганно попятился.

В тот день на многих домах Варшавы появились надписи «1410 — ГРЮНВАЛЬД — 1944». Гестаповцы сбились с ног, разыскивая «злоумышленников». Но так никого и не нашли.

А ребята, возвращаясь с первого в их жизни подпольного задания, наткнулись на телефонный кабель. Его заметил Зых. Кабель казался змеей, ползущей в траве. Мальчишки даже испугались — сходство со змеей было поразительным.

Недолго думая, Чарек наклонился и стал резать кабель перочинным ножом.

Не так-то легко было резать, но Чарек не отступал. Есть, готово! В руках — кусок кабеля. Непросто будет теперь фашистам восстановить повреждение.

«Патруль!» — как выстрел громыхнул над головой голос Зыха.

Мальчишки бросились врассыпную.

Чарек выскочил на Раковецкую улицу. На счастье, по улице в этот момент шел трамвай. Чарек догнал трамвай и вскочил на подножку.

Патруль отстал.

Чарек протиснулся в салон и вдруг поймал на себе испуганный взгляд кондуктора. Он осмотрел себя и только сейчас заметил, что в руках держал кусок того самого кабеля...

Полчаса спустя группа «Завиши» отчитывалась за первую боевую операцию.

Я живу для ЧЕХОСЛОВАКИИ

Франтишек Томек по прозвищу Тонда-трубочист — юный герой Чехословакии. В конце сентября 1944 года мальчик пробрался в городскую школу в Вельких Карловицах и заложил в камин взрывчатку. В городской школе в те дни жили шестьдесят фашистских офицеров. В результате взрыва многие из них были убиты. Франтишек погиб 8 февраля 1945 года.

...Дорога усыпана острыми камнями. Они то и дело попадают Франтишеку под ноги. Он босой, и ему очень больно идти. А до школы еще далеко. Почти шесть километров. Значит, час времени.

В сумке у мальчика болтаются тетрадки и карандаш, а еще — кусок хлеба и луковица. Это обед Франтишека, и он съест его на перемене. Еще меньшая луковица и совсем маленький кусок хлеба остались для бабушки на столе в бедной хижине. Бабушка всегда со вздохом говорит: «Бери, бери, внучек, побольше. Я совсем не хочу есть».

Она мало ест с тех пор, как не стало родителей Франтишека. Мальчик не помнит, какие они были. Иногда только всплывает в памяти жилистая, крепкая рука отца и мягкая щека матери. Она часто прижималась к лицу сына нежной щекой...

Бабушка боится, что у нее не хватит сил выучить Франтишека, вывести его в люди. Все труднее ей работать на богачей. Все тяжелее вздыхает она вечерами. Но у Франтишека есть мечта — пойти работать, помогать бабушке. Этой весной он закончит последний класс и летом пойдет к кому-нибудь в ученики.

Франтишек и бабушка живут дружно. Раньше она в свободную минуту рассказывала внуку сказки, а те-

пёрь он ей читает. Читает уже быстро и учится на одни пятачки. Любое дело старается выполнять на совесть.

...Сбылась его мечта. Франтишек теперь не просто Франтишек Томек и внук своей бабушки. Он — Тонда-трубочист. Такое прозвище дали ему в городе.

Каждое утро Тонда-трубочист идет по улицам Грозенкова вместе с Мастером-трубочистом, и прохожие приветливо им улыбаются. Ведь трубочисты приносят счастье. Так говорят в народе.

Раньше Франтишек не обращал внимания на трубы. Пыхтят и пыхтят себе. Дым у всех одинаковый. А теперь понял, что все трубы разные.

Вон труба из темного красного кирпича. Она — Упрямец. Так прозвал ее Франтишек, потому что изрядно пришлось с ней повозиться, пока вычистили трубу. А хозяин трубы — жадный человек. Он хотел обмануть трубочистов, не заплатить за работу.

Вон труба длинная и легкая. Франтишек назвал ее Стрелой.

А там, за деревьями, труба Большая Каминная. Она на крыше дома богатого Йозефа. А в доме его — старинный камин с резной решеткой. Тонда-трубочист легко теперь представляет себе, как богатый Йозеф греется у своего камина длинными зимними вечерами, вытянув к огню ноги в шерстяных носках.

А вон самая любимая труба Тонды. Назвал он ее Синие Глазки. Конечно, у этой трубы глаз нет. Но она загораживает окно, в котором живет девочка с синими глазами. Как-то Франтишек с Мастером чистили эту трубу, а девочка смотрела на них восхищенно и на прощание помахала рукой.

Каждая труба имеет свой запах и свою сажу. У богатых людей — она густая и жирная. Конечно, впитала в себя дым от сытных обедов и ужинов.

У бедных в трубах сажа сухая и легкая, как пепел. Какие там обеды у бедняков: постный суп и невкусный салат.

Тонда-трубочист особенно любит чистить трубы бедных. После работы в их печах веселее горит огонь, и кажется, теплее становится в доме. Мальчик доволен, что хоть такую малую радость приносит своей работой людям.

Франтишек с бабушкой теперь меньше голодают. Все-таки мальчик стал зарабатывать. И еще иногда добрые люди дают ему кусок хлеба или горсть муки.

Как-то бабушка налепила в воскресенье кнедлики со сливами. Франтишек глотал их один за другим, такие они были вкусные. «Ешь,—приговаривала бабушка,— ешь. Кнедлики любил и дед твой, и отец». Говорила и почему-то плакала. Конечно, обидно бабушке, что они с Франтишком могут позволить себе делать кнедлики всего несколько раз в году, хотя другие едят их каждую неделю.

...Мирным трудовым будням Франтишека и тихим радостям бабушки пришел конец. Началась война с фашистами.

Однажды Франтишек сказал себе: «Теперь я живу не для себя и даже не для моей любимой бабушки. Я живу для Чехословакии. По ее городам и полям ходят фашисты. Они убивают людей, мучают их в застенках, угоняют в рабство в Германию. Не буду на них работать! Буду партизаном!»

У Тонды-трубочиста теперь появились новые друзья — партизаны. Незримая сильная нить — любовь к родине — связывала их всех воедино. Они часто встречались с Тондой у орешника на дороге и давали маленькие, но очень нужные задания: связаться с кем-то, предупредить об опасности, передать записку от партизан.

Бабушка начала серьезно опасаться за внука. Она видела: он смел, решителен, ненавидит фашистов. И теперь, когда Франтишек, насвистывая, уходил из дома, она складывала руки на груди и смотрела ему вслед глазами, полными слез.

Однажды бабушка не выдержала и громко заплакала, начала уговаривать Франтишека, чтобы он не рисковал, перестал встречаться с партизанами. Франтишек сказал ей: «Бабушка, мое самое сильное желание — чтобы ты была счастлива. Чтобы ты не голодала. Но сейчас я и мои силы нужны родине». Бабушка ответила: «Я поняла: ты теперь никогда не станешь трубочистом и не будешь приносить радость людям». Но Франтишек возразил: «Как ты думаешь, Чехословакии сейчас больше нужен еще один трубочист или еще один смелый партизан?» — «Бог с тобой, — тихо сказала бабушка, — раз решил связать судьбу с партизанами — значит быть тому».

...Борьба с фашистами крепла день ото дня. Уже много партизанских отрядов действовало по всей стране. Хорошие вести летели с востока: советские войска гнали гитлеровцев со своей земли, а те, прижав хвосты, мчались в волчье логово, в Берлин.

Тонда-трубочист все чаще стал появляться в Вельких Карловицах, где сосредоточились крупные фашистские подразделения. Фашисты стали другими, не бравыми вояками, как в начале войны. Они всего боялись. А на ночь так укрепляли дома, где спали, будто ждали осады.

Тонда-трубочист все высматривал, что делается в городе, и докладывал партизанам.

Однажды Тонду вызвали в партизанский отряд к командиру. Командир сказал:

— Тонда, для тебя есть ответственная работа.

— Что с собой брать? — не задумываясь, спросил мальчик. — Пулемет, автомат, десяток гранат?

— Нет, — сказал командир, — ничего, кроме своих трубочистских инструментов. Надень одежду трубочиста. Помажь лицо сажей. Пойдешь чистить камин в городской школе.

— Oго! — вырвалось у Тонды. — Чтобы огонь фашистов жарче горел?

— Конечно,— отозвался командир.— А чтобы огонь действительно пожарче разгорелся, положи в камин вот эту штуку.

И он протянул Тонде мину. Глаза мальчика радостно блеснули — наконец-то получил боевое, настоящее задание!

Шестьдесят фашистских офицеров поселились в городской школе. Каждый вечер укрепляли все ходы-выходы. Каждый вечер громыхали пулеметами, таскали ящики со снарядами и гранатами в здание. Школа стала неприступной крепостью.

Прежде чем отправиться чистить камин, Тонда-трубочист решил поближе подобраться к школе и понаблюдать за ней. Фашисты то входили, то выходили из школы, играли на губной гармошке. Рыжий тощий офицер без кителя брился прямо во дворе. Не думали не гадали враги, что завтра им будет жарко, что такое укрепленное гнездышко может взлететь на воздух.

И вот Тонда отправился на задание.

Сначала он нервничал, держал правую руку в кармане и все ощупывал мину. Рука быстро потела. Тогда Тонда остановился, совладал со своими нервами. Пошел не торопясь, как привык идти на трудную, ответственную работу. И потом ему не надо разыгрывать роль трубочиста. Он же настоящий.

Тонду пропустили в школу. В коридорах пахло сапогами и табаком. «Эй, мальчик! Иди сюда! — крикнул жирный комендант.— Здесь камин!»

Тонда и без него знал, где камин и где какая комната. Он знал эту школу как свои пять пальцев. Но ради дела пришлось сделать вид, что попал сюда впервые.

Около камина лежали пустые бутылки и сидел, положив ноги на холодную решетку, молодой офицер с блеклыми злыми глазами.

— О! — сказал он.— Кто пришел?! Трубочист приносит счастье! Я посижу посмотрю, как ты работаешь. Может, стану счастливым!

У Тонды похолодело в груди. Если этот со злыми глазами будет здесь сидеть, то ничего не выйдет. Мину Тонда не сможет заложить.

— Как хотите,— сказал Тонда.— Хотите — сидите. Только весь мундир будет в саже. У трубочистов — грязная работа.

Молодой офицер посмеялся, посидел немного, а потом решил не рисковать, встал и вышел из комнаты.

Тонда-трубочист быстро сделал свое дело. Заложил мину. Измазал лицо и одежду в саже и пошел искать жирного коменданта.

Тот стоял в коридоре и глядел в окно, наблюдая, как офицеры внизу играли на губной гармошке.

— Все сделал, платите. Грязи было много, но зато теперь погреетесь на славу,— спокойно сказал Тонда. А у самого сердце напряженно билось: если коменданту взбредет в голову его задержать, то он взлетит на воздух вместе с фашистами.

Но все обошлось — комендант сунул Тонде несколько монеток и даже потрепал по плечу: «Хороший мальчик».

Тонда вышел из школы, медленно прошел по улице, завернул за угол, а там побежал что было силы. В каком-то глухом переулке отдышался, прислушался. И вдруг — рвануло...

Домой уже Тонда не пришел — теперь его повсюду разыскивали гестаповцы. Оставался один путь — в лес, к партизанам.

МАЛЕНЬКИЙ СТРАЖ ОРЛИЦКОГО КРАЯ

Олда Долечек родился в семье лесника в Восточной Чехии. В годы войны вся семья Долечеков помогала партизанам. Олда стал разведчиком. Он проникал в немецкие гарнизоны и приносил партизанам ценные сведения. В марте 1943 года семья лесника была аре-

стована гестаповцами. Отца расстреляли, мать и младшую сестру заточили в тюрьму, а Олду отправили в концлагерь. В его сопроводительных документах стояла пометка: «Возвращение нежелательно». Олда не вернулся...

Олда лежал на жесткой больничной койке. От малейшего движения поскрипывали пружины. Он давно привык к этой «скрипучей музыке». И к торопливым шагам нянечки в коридоре больничного барака давно привык. Не мог свыкнуться только с мыслью, что он инвалид, что никогда уже не увидит родную Орлицу...

На улице с утра до вечера не умолкает громкоговоритель. В форточку врываются веселые песни, медное гроыхание оркестров и нежный наигрыш скрипки — третий месяц ликуют люди, празднуя победу над фашизмом. А он, слепой, скованный страшным недугом, может только догадываться, что творится за окном. Лишь одна мысль согревает: ты тоже бил фашистов. Значит, праздник победы — это и твой праздник!..

Не спеша несет меж холмов и перелесков сонные воды Орлица. Невелика река, но для Олды нет реки прекраснее. И край, названный в ее честь Орлицким, тоже самый прекрасный. Где еще сыщешь такие величественные дубы, густые, полные тайн леса, еловые рощицы на гребнях оврагов, будто гусеницы, греющиеся на солнце, зеленый холм Чигак, с которого, кажется, видно полмира...

Тихий летний день. Теплая пыльная дорога приятно греет ноги. Олда возвращается с уроков домой.

Неблизкий это путь. Шесть километров приходится отмахать от лесной сторожки до городского училища в Усти-над-Орлицей. Но Олда не думает об усталости, ведь он — «страж Орлицкого края», как прозвали сына лесника в округе. А страж должен иметь крепкие ноги.

Дома встретила встревоженная мать: «Беда, сынок! Гитлер напал на Россию!»

В комнате Олда висела во всю стену географическая карта. Олда часто садился с сестрой Ганкой возле карты и рассматривал Советский Союз. В их богом забытый уголок все же доходили вести о далекой Советской России, о стране, где люди свободны и равны, где нет капиталистов и где не надо все лето гнуть спину на помещичьих полях, чтобы к осени скопить денег на учебники. Олда с Ганкой часами вглядывались в незнакомые названия городов, рек, озер, мечтая когда-нибудь побывать в этой удивительной стране. И вот на Советскую Россию напали фашисты...

Однажды, возвращаясь с дальней просеки, Олда заметил отца и незнакомого мужчину, притаившихся в кустах орешника. Олда подкрался к орешнику.

— Я — советский парашютист, — говорил незнакомец и показывал на небо. — Со мной мои товарищи. Скажите, далеко ли от вас немцы? И где можно укрыться?

Незнакомый мужчина был одет в комбинезон защитного цвета и вооружен автоматом. Говорил он тихо и торопливо, перемежая русскую речь чешскими словами.

Отец опасливо косился по сторонам и твердил:

— Не понимаю, пан! Не понимаю!

Олда догадался, о чем спрашивает парашютист, вышел из укрытия.

— Я знаю место, где можно спрятаться...

Два дня спустя на дне глубокого оврага, затянутого колючим боярышником и черемухой, выросла землянка. Строить и маскировать ее парашютистам помогли Долечеки.

Полетели в Москву донесения. У лесной сторожки между Усти- и Брандис-над-Орлицей заработал советский передатчик.

К парашютистам потянулись люди, все, кто с ору-

жием в руках хотел бороться с фашистами. В Орлицком крае начал действовать партизанский отряд.

Олда стал помогать партизанам. Он приносил еду — семья лесника делилась с партизанами всем, что имела. Часто Олду можно было встретить на улицах Устинад-Орлицей. Немецким патрулям и в голову не приходило, что худенький светловолосый паренек в грубой крестьянской рубаше — партизанский разведчик. А радист после «рейдов» Олды передавал:

— В Устинад-Орлицей прибыл мотопехотный полк СС... В Градец-Кралоуе проследовала колонна танков... Начато строительство оборонительных сооружений...

От разведки партизаны перешли к диверсиям. Но чтобы незаметно подбираться к немецким объектам, вести наблюдение за фашистами, партизанам приходилось переодеваться в крестьянскую одежду. Крестьяне вызывали у оккупантов меньше подозрений. Олда ходил теперь по хуторам и менял на картошку и хлеб одежду. Дело это, с виду простое, оказалось совсем непростым. Однажды его жестоко избил немецкий патруль, заподозрив в маленьком оборванце вора. В другой раз Олда попал под облаву и только чудом ускользнул от полицаев.

Наступил март 1943 года. Советские войска разгромили фашистов под Сталинградом и погнали их к западной границе. Ободренные успехами Красной Армии, партизаны Орлицкого края усилили борьбу с фашистами. Шли под откос поезда, подорванные партизанскими минами, взлетали на воздух мосты и автомашины...

В мартовские дни прибавилось работы Олде. Дома он не бывал по два-три дня... Однажды, вернувшись после задания, Олда забрался отсыпаться на чердак. Не успел задремать, как послышался рокот моторов. К дому лесника подъехали две машины с немецкими солдатами.

Из передней выскочил офицер в черной гестаповской форме.

— Окружить дом! — приказал гестаповец. — Взять всех живыми!

У Олды был припрятан пистолет, подарок партизан — вот он, рядом, протяни только руку. Восемь патронов в пистолете... «Семь — по фашистам, последний — себе!» — решил Олда. Но вспомнил про Ганку, мать... и передумал. Если начнет отстреливаться, фашисты расстреляют всю семью на месте.

...Холодная тюремная камера. Грязный тюремный двор... Комната для допросов... Вот отныне его маршрут.

Он давно потерял счет дням и только по тому, как наливаются соком и распускает листья тополь во дворе, догадывается: март на исходе.

— Где партизанская база? Кто командир? Кто участвовал в акции на железной дороге? Как имя радиста? Сколько человек в отряде?..

Вопросы, вопросы, вопросы... Им нет конца. Олда догадывается, что гестаповцы что-то выведали о нем. Теперь, если сознается в связях с партизанами, подпишет себе смертный приговор. И Олда упрямо твердит:

— Ничего не знаю, пан! Отпустите домой...

— Если будешь молчать, расстреляем тебя, как отца! — угрожает палач.

Олда глотает слезы. Отца расстреляли у него на глазах в первый же день ареста...

Ничего не добившись, гестаповцы отправили Олду в концлагерь, что недалеко от западногерманского городка Моринген-Солинг. Олда попал в барак для особо опасных преступников. Молодой организм и горячее желание вернуться на родину помогли ему выстоять в фашистском аду.

1945 год узники лагеря встретили в приподнятом настроении. Фашистов громили на всех фронтах. Победа была близка.

— Закончится война, — говорил Олда своему другу

Карелу,— и я разыщу нашего радиста Костю. Он живет в русском городе Смоленске. Костя обещал мне показать Смоленск... А еще обещал выучить на радиста...

— А какой он, Костя? — спрашивал Карел.

И Олда начинал рассказывать о своем любимце радисте из Орлицкого отряда. Часами мог рассказывать...

Воспоминания отогревали сердце. Уже не казался таким страшным надсмотрщик Казимир, истязавший узников за малейшую провинность, и не саднило ноги, в кровь натертые деревянными арестантскими башмаками, и барак не казался таким унылым, а лай овчарок за стеной таким грозным...

В лагере появились листовки. Их переписывали от руки на клочках бумаги и передавали по баракам. Подпольный лагерный комитет призывал узников готовиться к восстанию.

В барак, где жил Олда, пришли с обыском. Накануне Олде передали листовку подпольного комитета. Он не успел ее надежно спрятать и теперь со страхом наблюдал, как фашисты перетряхивали его тюфяк.

К Олде подскочил надсмотрщик.

— Откуда у тебя это? — Надсмотрщик совал в лицо листовку. — Кто дал?

Олду увели на допрос.

На допросе мальчик ничего не сказал. Разъяренные фашисты так избили его, что сломали позвоночник. Пять дней после этого Олда не приходил в себя. И все эти дни рядом с ним был Карел...

Пришла победа и в Моринген-Солинг. Оставшиеся в живых узники отправлялись домой.

Уезжал и Карел в свою Прагу. Перед отъездом пришел проститься с Олдой.

Тяжелым было расставание. Олда долго не отпускал руку товарища, грустно нашептывал:

— Ничего, все будет хорошо... Я поправлюсь...

Карел плакал, говорил сквозь слезы:

— Я обязательно к тебе приеду. Мы еще вместе в Орлице покупаемся...

Им не суждено было встретиться. Спустя неделю после отъезда Карела, 24 августа 1945 года, Олда умер.

Живет память о юном партизане Олде Долечеке. Каждой весной к лесной сторожке в местечке с романтическим названием На Лугу приходят пионеры Усти- и Брандис-над-Орлицей. К обелиску, воздвигнутому в честь Олды, ложатся цветы. Здесь ребят принимают в пионеры. Здесь мальчики и девочки в красных галстуках клянутся быть похожими на маленького стража Орлицкого края.

ГОЙКО-ЛИЧАНИН

Гойко Парипович родился в местечке Косинье в многодетной крестьянской семье. В двенадцать лет он стал бойцом Первой личанской бригады Народно-освободительной армии Югославии. За боевые заслуги награжден партизанской медалью. После войны учился на военную стипендию — такие стипендии государство выдавало юным партизанам. Закончил университет. Сейчас живет и работает в Белграде.

По берегу Савы медленно идет седоволосый высокий мужчина. Не торопясь катятся ему навстречу речные волны. И река и волны совсем такие же, как и сорок лет назад. А вот берега Савы изменились. Нелегко отыскать среди новых домов, мостов и молодой зелени места, опаленные войной, партизанские тропы, по которым прошагал он и его товарищи... «Где-то здесь ранили брата... — пытается вспомнить седоволосый. — Вон там, за насыпью, кажется... Да нет, не было тогда никакой насыпи. У моста ранили. А где тот мост?..»

Не первый раз идет мужчина дорогой вдоль Савы. Впервые прошагал он здесь в далеком сорок четвертом, когда в составе Первой личанской бригады освобождал Белград. И вот с тех пор каждый год приходит вновь. Память возвращает его сюда, возвращает в юность, в те незабываемые дни, когда он, Гойко Парипович, сражался с фашистами.

Легко идти по берегу Савы, слушать плеск волн, пение птиц, свистки и гудки теплоходов. А в память врываються иные звуки — рев снарядов и грохот взрывов... Звуки войны.

— Гойко, ты ли это?! — удивленно вскрикивает мо-

лодой партизан, заметив у костра худенького паренька с сумой через плечо и пастушеским посохом в руках.

— Трифун, брат! — обнимает Гойко партизана.

— Откуда ты? Как нас нашел?

— Как откуда — из нашего села.

— Из села? Да ведь до него сто с лишком километров! Как же ты дошел? Фашисты везде, шпики...

Гойко улыбается.

— Дошел. Месяц вас искал, а все-таки нашел.

Трифун качает головой: не сон ли это? Вот не ду- мал не гадал, что Гойко вырастет таким отчаянным парнем. Не каждый мальчишка рискнет в двенадцать лет уйти из дому на поиски партизан.

Гойко окружают партизаны.

— Трифун, это в самом деле твой брат? Ну и хра- брец! А худой, в чем только душонка держится...

Так в Первой личанской бригаде появился еще один боец, самый юный. Семь братьев в семье Париповичей. Два брата Гойко давно партизанят. Теперь вот третий пришел.

Гойко определили в связисты, выдали ему две гра- наты и винтовку.

Нелегко приходилось поначалу, номышленый Гой- ко успешно освоил науку связи, уверенно пользовался полевым телефоном и в считанные минуты мог испра- вить повреждение на линии. Скоро он стал любимцем бригады, а его сообразительность и усидчивость на за- нятиях по связному делу поражали даже бывалых пар- тизан.

Но не только за связь отвечал Гойко в бригаде. Ког- да бывало трудно, он брал в руки винтовку и отражал атаки фашистов вместе со всеми партизанами. Так было в бою под Дрваром.

Однажды гитлеровцы узнали от своих агентов, что в районе Дрвара расположился Верховный штаб На- родно-освободительной армии во главе с Иосипом Броз

Тито. Фашисты выбросили парашютный десант и попытались уничтожить разом все руководство армии.

Атаки немецких парашютистов отражал и Гойко. От его метких пуль пал не один фашист. А еще под обстрелом врага ему приходилось налаживать связь между Верховным штабом и подразделениями армии. И он справился с этим ответственным поручением: все приказы штаба вовремя дошли до бойцов.

После разгрома немецкого десанта бригада Гойко Париповича освобождала Сербию, а затем столицу Югославии Белград. Здесь юный партизан впервые встретился с бойцами Красной Армии. И с какими бойцами — гвардейцами-минометчиками знаменитых «катюш»! А случилось это вот как.

Штаб Первой личанской бригады стоял в пригороде Белграда. Однажды Гойко получил приказ доставить пакет в одну из наступавших на город частей. Он вскочил на коня — коня подарили ему партизаны, — тронул поводья:

— Ну, Чалый, вперед!

По крутым дорогам и горным тропам не было у партизан иного транспорта передвигаться, чем лошади.

Резво бежит Чалый. Торопится Гойко. «Быстрее, быстрее!» — нашептывает Чалому на ухо.

Вдруг впереди вздыбилась земля, сверкнуло пламя. Взрыв, другой, третий... Чалый дико заржал, встал на дыбы и скинул седока на землю. В следующий миг он уже мчался в ближайший распадок.

Гойко заметил развалины какого-то дома и под взрывами немецких снарядов пополз к этому укрытию.

— Эй, парень, ты откуда? — услышал он над собой чей-то голос.

Оглянулся. Шагах в пяти от него стоял боец в форме Красной Армии.

— Не бойся, — сказал красноармеец, — когда мы ударим из «катюш», немцы одуреют от страха. Пойдем, посмотришь.

Солдат повел Гойко к стоявшим неподалеку каким-то странным орудиям — никогда еще таких орудий Гойко не видел.

Красноармеец долго объяснял, что такое «катюша» и как она стреляет. Но лучше всяких объяснений был залп орудий. Когда они ударили по фашистам, Гойко от восторга не мог вымолвить и слова.

Залпы «катюш» заставили замолчать немецкую батарею. Гойко тотчас отправился в путь — задание надо выполнять, хотя так не хотелось уходить от гостеприимных советских солдат.

На прощание советские гвардейцы-минометчики подарили Гойко автомат ППШ.

С этим автоматом Гойко и закончил войну.

ДОМ НА ДЕДИНЬЕ

С л о б о д а н А н д у н о в и ч родился и вырос в Белграде в семье ученого. Во время фашистской оккупации был инициатором создания подпольной группы гимназистов. Участвовал во многих боевых операциях. В четырнадцать лет был схвачен и зверски замучен фашистскими прихвостнями.

Теплая южная ночь. Ее плотная чернильная темнота будто покрывало заслоняет две тени от постороннего взгляда. От дерева к дереву метр за метром скользят тени, мгновенно замирают, услышав топот немецкого патруля. Слившись со стволом платана, долго-долго стоят, пока вновь не воцаряется тишина.

— Пошли, Бата! — раздается тихий шепот.

Тени неслышно плывут вдоль оград Дединье, мимо домов с затемненными окнами. Ни огонька, ни звука. Лишь с другого конца города доносится лай овчарок да неразборчивые команды: там концлагерь и по ночам со всего Белграда свозят туда людей.

— Слободан, сюда! — зовет тонкий мальчишеский голосок.

Казавшаяся неприступной кирпичная стена проглатывает тени.

Мучительно тянется ожидание. Наконец легкий шорох, и из пролома в стене показывается сначала одна голова, за ней другая. Две тени идут теперь рядом, нога в ногу — несут что-то тяжелое. Осторожно, как бы ступая по краю пропасти, шагают от угла до угла, прислушиваясь к тишине. После пятого поворота останавливаются и сползают по склону в кусты. Минута, вторая, и вот уже ветерок доносит шелест велосипедных шин по песку...

Было это много лет назад в оккупированном фашистами Белграде. Два друга, два однокашника — Слободан Андуневич и Бата Савичевич — создали из гимназистов Второй столичной гимназии группу помощи партизанам. Собирали для партизан медикаменты, одежду, оружие, боеприпасы. С легкой руки Слободана — он жил на Дединье — удалось обнаружить по соседству склад оружия, о котором оккупанты и не подозревали. Склад этот когда-то принадлежал королевской армии Югославии.

Юные подпольщики почти каждую ночь вывозили со склада винтовки, патроны, а порой и пулеметы. Дом Слободана стал перевалочным пунктом.

Аресты, повальные обыски, расстрелы патриотов — такой была обстановка в Белграде в те дни. Вместе с захватчиками свирепствовали предатели народа. И когда одни в страхе отсиживались в своих домах, другие искали любую возможность бороться против гитлеровцев и их пособников. Для гимназистов группы Слободана операция с оружием стала первым боевым заданием.

...Вялый, будто спросонья, крик птицы. Ему отвечает другой.

Из темноты к огаде со стороны Крупаньской под-

катывают два велосипедиста. Калитка открывается, и несколько рук подхватывают увесистые тюки.

— Все спокойно? — спрашивает чей-то голос.

Бата кивает.

Крадучись идут ребята к дому. Бесшумно открывается дверь. Ребята спускаются по лестнице в подвал. На последней ступеньке остановка.

— Подождем, — говорит Слободан. — Вдруг денщик не спит?

Но за дверью все мирно. Ловким движением ребята снимают облицовочные панели и в глубокую нишу складывают свою добычу — патронные ящики и винтовки.

...Красив дом Андуновичей. Пожалуй, равных ему мало найдется на Дединье. Потому и не ускользнул он от внимания фашистов. На третий день оккупации Белграда в доме появились постояльцы — майор вермахта и его денщик. Майор занял второй этаж, а денщик разместился в подвальной комнатке рядом с водяной помпой. Пряча оружие в своем доме, Слободан, конечно, рисковал. Но, с другой стороны, можно было не бояться случайного обыска. Какой патруль заподозрит хозяев дома, где живет немецкий майор, в связях с партизанами. Тем более в укрывании оружия!

Дом на Дединье стал надежной, хорошо замаскированной явкой для подпольщиков. Правда, знали об этом немногие. Тайну дома мог раскрыть лишь его хозяин — известный ученый-геодезист Драгомир Андунович. Еще в конце прошлого века Драгомир вступил в ряды социалистов и остался верен их идеалам до конца своих дней. Он и его жена Эма в трудных условиях подполья сумели превратить свой дом в надежную крышу для многих руководителей партизанского движения. Так получилось, что о связях отца с партизанами не знал даже Слободан. И родители Слободана даже не подозревали о подпольной группе гимназистов, обосновавшихся в их доме.

Слободан и его друзья сумели наладить контакты с партизанами Хомолья. Они решили переправить оружие в горы.

Нелегкий путь от Белграда до Хомолья. Более полутора сотен километров надо отшагать, перейти полноводную Южную Мораву, обмануть фашистов, насадивших свои гарнизоны в каждом городке, в каждом селении, ускользнуть от глаз предателей!

Рискуя жизнью, ребята отправлялись в такой путь. Смелость и находчивость помогли им миновать все препятствия. Оружие было доставлено.

Эта операция укрепила веру ребят в свои силы. Целью их дальнейших боевых действий становится гараж, который оккупанты устроили на Гробленской улице. Обнесенный колючей проволокой, с пулеметными вышками по углам, на которых день и ночь торчали часовые, он походил на крепость.

— Трудный орешек,— сказал Слободан друзьям, когда составил план гаража и описал его охрану.— Надо искать слабые места в обороне. Думаю, мы должны связаться с рабочими гаража. Без их помощи не обойтись.

Спустя неделю Слободан познакомился с молодым рабочим Миодрагом. Миодраг согласился помочь гимназистам. В назначенное время он скрытно пронес в гараж мину и заложил ее под склад с горючим.

Мина сработала поздно ночью. Гитлеровцы пытались погасить огонь, но от детонации вспыхивали все новые и новые баки, а затем пламя перекинулось на автомашины. Гараж превратился в гигантский костер.

Новый успех окрылил юных подпольщиков. Ребята осмелели и с каждым днем пускались на все более рискованные операции. Но и оккупанты не дремали. Пытаясь нащупать след подпольной группы, они участвовали в облавах и обысках. Людей хватали прямо на улицах

и по малейшему подозрению расстреливали на месте. В такой обстановке было принято решение уходить из города в горы, к партизанам Хомолья.

Как давних и желанных друзей встретили партизаны гимназистов-подпольщиков.

— Гимназисты — значит грамотные! — рассудил комиссар Печо. — А раз грамотные, то быть вам агитаторами. Пойдете в народ, понесете нашу, партизанскую, правду!

И отправились Слободан, Бата и их товарищи по горам и долинам Хомолья поднимать крестьян на борьбу с захватчиками.

Трудным был этот путь. Ребята забирались в самые дальние уголки Хомольских гор.

Партизанские агитаторы не на шутку встревожили фашистов. Они устроили охоту на юных партизан. И однажды подстерегли всю группу.

Партизаны мужественно оборонялись. Но силы были слишком неравными. Пронзенный пулей, упал Бата, погибли все товарищи Слободана. Самого его, тяжело раненного, схватили.

...Плеснув воды на бесчувственное тело, над Слободаном склонился бородатый четник*.

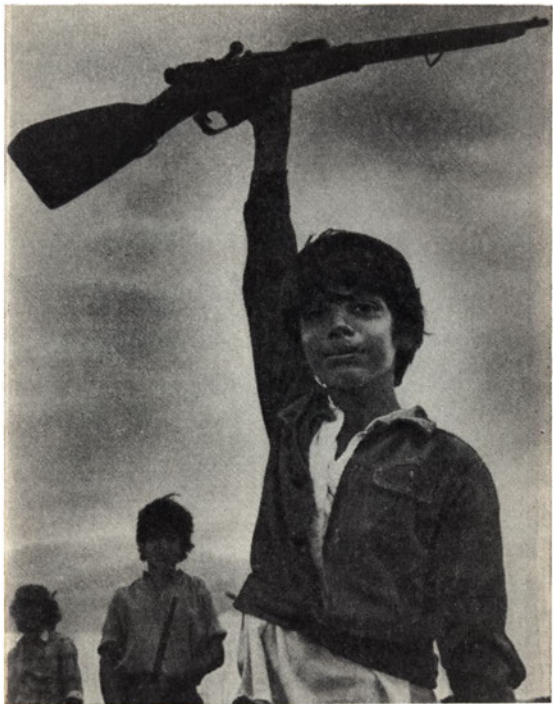
— Жив, змееныш! — хрипло бормочет бородач. — Что будем делать, воевода?

— Что делать? Допросить! И как следует! Пока не скажет, где их отряд.

Целый день четники пытали юного партизана. Но Слободан не произнес ни слова. Ни издевательства, ни пытки не сломили его волю. Ничего не добившись, озверевшие четники вырезали на спине Слободана звезду, а потом привязали к лошади и поволокли по горным дорогам.

Спустя два дня в отряде узнали о случившемся. Те-

* Так называли в Югославии предателей народа. Четники сотрудничали с фашистами.

Защитим счастливое детство!

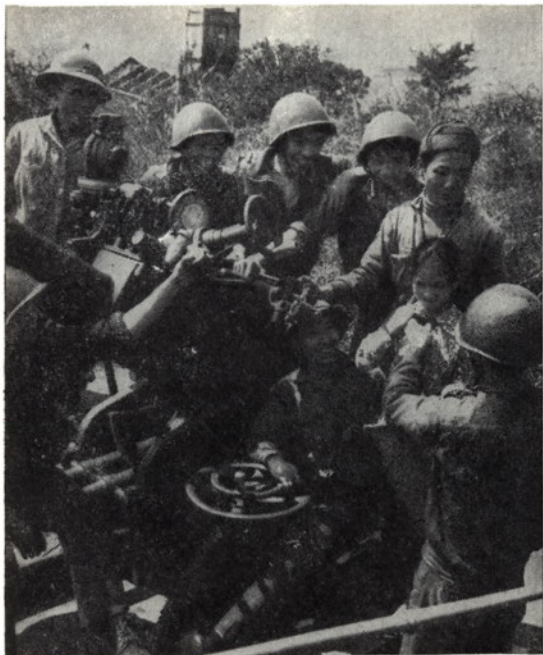

«Школы вместо расет!» — требуют американские дети.

Этим афганским ребятам счастливое детство дала революция.
А защищать их от врагов помогают советские воины.

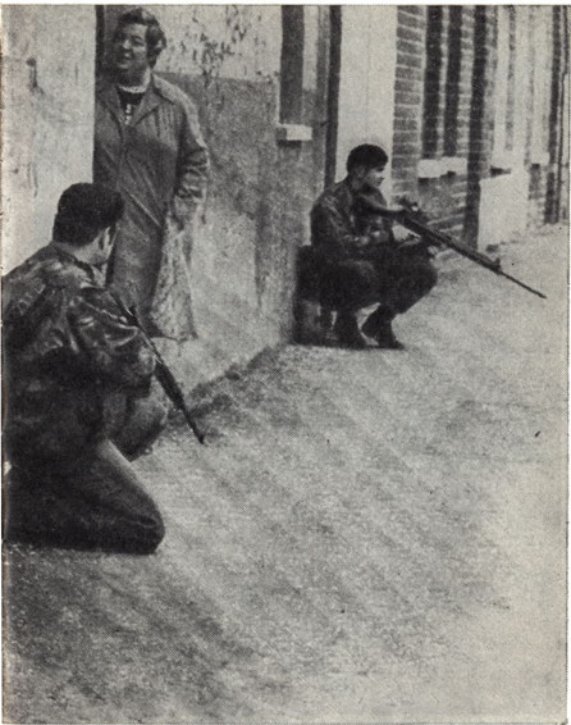

Вьетнамское небо и сегодня приходится охранять. Пока взрослые на посту, пионеры заботятся о младших братишках и сестренках.

Выходить из дому
небезопасно:
на улицах Ольстера —
английские солдаты.

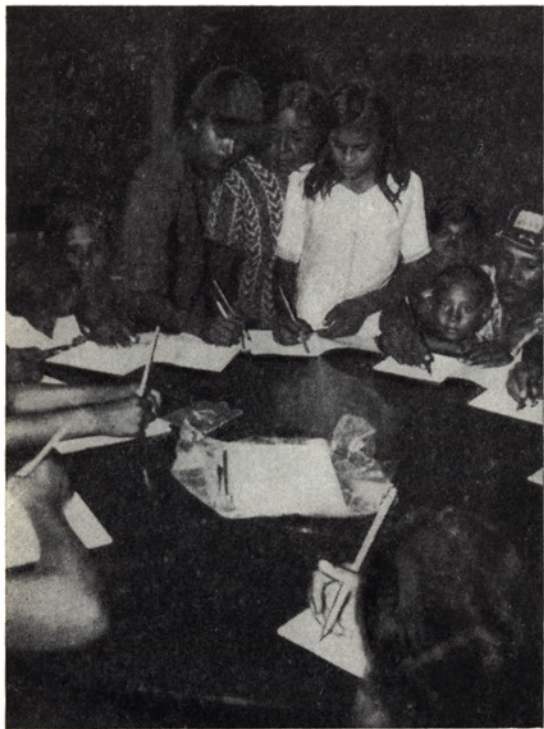

Пионерский салют героям кубинской революции.

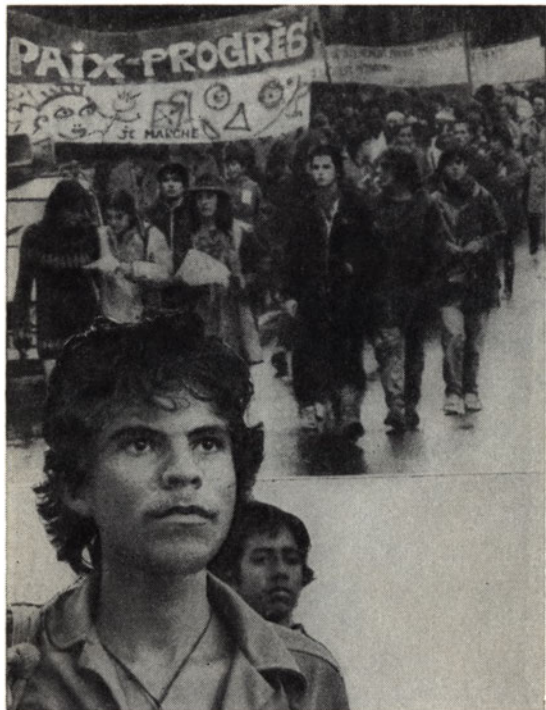
Никарагуа воюет и учится. За партией взрослые и дети.

Почетный караул харцеров у могил советских воинов в г. Родоме.

Свято чтут пионеры-тельмановцы память о советских
воинах-освободителях.

Юность планеты требует мира!

ла юных героев-партизан разыскали и похоронили в братской могиле с воинскими почестями.

В Белград на Дединье весть о смерти Слободана пришла спустя полгода, весной 1944-го. Но к тому времени на место погибшего уже встали другие два брата — Часлав и Милан. И по-прежнему в дом Драгомира и Эмы приходили тайком подпольщики, а ребята собирали в округе оружие, медикаменты... Каждый из Андуновичей делал свое дело, не ведая, что делают другие в семье.

Только после освобождения Белграда раскрылась тайна дома на Дединье. Ныне сюда приходят люди со всей Югославии. Все те, кого укрывали Андуновичи в годы войны, друзья по оружию Слободана и его братьев.

ЮНАЯ САНИТАРКА

Лепа Радич в годы войны с фашистами вместе со своей семьей ушла в партизанский отряд. Младшая в семье, Лепа стала санитаркой. Не раз, рискуя жизнью, она вытаскивала раненых из боя. В отряде Лепа научилась стрелять и в трудные минуты боя шла в атаку на врага вместе с другими бойцами.

Лепа Радич погибла от рук фашистских палачей в пятнадцать лет.

Вот уже несколько дней передовые отряды ведут тяжелый бой с гитлеровцами. Фашистские самолеты бомбят партизанские базы. Эхо взрывов сотрясает ущелья. Стонут горы. Но не стонут люди. Не стонут даже раненые.

Покачиваются ели, о чем-то тихо переговариваются между собой. Потрескивает хворост партизанского костра.

Вместе с партизанами греется Лепа Радич. Целую ночь она перевязывала раненых, кормила их, напевала

колыбельные. Хочется лечь на хвойную подстилку, уснуть и увидеть сон. Давно ли она вместе с подругами Секой Зарич, Десей и Милицей Бамбурач бегала в школу, уходила в горы за первыми весенними подснежниками? Самый красивый букет она дарила маме.

Лепа проснулась неожиданно, как и уснула. Так же потрескивал хворост, так же высоко в ночном небе мерцали крупные звезды. Но по настороженным лицам партизан она поняла: что-то случилось.

— Немцы прорвали нашу оборону. Объявляю боевую тревогу. Все, кто может передвигаться и держать оружие, через десять минут выступают в район расположения передовых отрядов.

Командир говорил громко, чтобы слышали все:

— Женщины, дети и тяжелораненые отойдут в Босанскую Крупу.

Он подошел к Лепе, по-отцовски обнял ее и сказал:

— А ты, Лепа, будешь старшей. Выступать надо немедленно.

Они отправились еще ночью. Впереди шла Лепа. Уже вставало солнце, просыпались птицы. До Босанской Крупы оставалось несколько километров. И вдруг автоматная очередь разрежала предрассветную тишину. Засада! Лепа вместе с ранеными залегла за выступом скалы. Она отчетливо видела, как мелькали среди стволов елей гитлеровские каски. Все ближе, ближе, ближе...

— Огонь! — скомандовала Лепа и выстрелила из парабеллума.

Они отстреливались несколько часов. Но силы были неравны, и кольцо окружения сжималось.

Лепу схватили. Несколько дней пытали. Хотели узнать, сколько партизан в отряде, сколько у них оружия. Ничего не добившись, фашисты казнили Лепу Радич.

ЮНЫЙ ПАРТИЗАН ЗИНЬ

Вы А Зинь родился в крестьянской семье в селе Пунюнг. Когда во Вьетнаме разгорелась война против французских колонизаторов, Вы А Зинь стал бойцом партизанского отряда, сражавшегося в провинции Лайтяу. Принимал участие в засадах на обозы карателей, совершал налеты на вражеские гарнизоны. Часто Вы А Зиня можно было видеть с нищенской сумой за плечами, бредущего по дорогам провинции. Никому и в голову не приходило, что босоногий оборванец — партизанский разведчик. Вы А Зинь героически погиб в тринадцать лет. Правительство Социалистической Республики Вьетнам посмертно наградило его орденом «За военные заслуги».

...Вы А Зинь отстреливался до последнего патрона. Каратели наседали. Они окружили село Пунюнг, где засели партизаны, и открыли огонь из пулеметов и автоматов.

В ожесточенном бою мальчик не услышал приказа отходить и не заметил, как партизаны выскользнули из кольца карателей. Когда же Вы А Зинь понял, что остался один, решил живым не сдаваться.

Закончились патроны. Оставалась одна граната...

Вы А Зинь не успел выдернуть чеку — обойдя маленького бойца с тыла, каратели схватили юного партизана.

Командир французского отряда был очень удивлен, увидев перед собой пленного. Мальчика стали допрашивать:

— В каком направлении отступил отряд? Кто связной? Как зовут командира? Где размещена партизанская база?..

Вы А Зинь молчал.

— Бейте его до тех пор, пока не заговорит! — приказал офицер.

Каратели жестоко избили мальчика, сломали ему ногу. Вы А Зинь не проронил ни единого слова.

Два дня пытали мальчика. Не давали ни есть, ни пить. На ночь раздевали и привязывали к дереву — истязали холодом.

— Не скажешь — умрешь! — не уставал повторять офицер. — А если обо всем расскажешь, мы залечим твои раны, дадим много денег и хорошую одежду...

На третий день Вы А Зинь едва слышно прохрипел:

— Принесите воды... и носилки. Я покажу, где партизанская база...

Все дальше и дальше в горы идет отряд карателей. Впереди солдаты несут носилки с Вы А Зинем. Рядом идет офицер.

Миновали перевал, рошу, перешли вброд ручей, снова показалась роща... Колонна солдат растянулась на сотни метров.

— Скоро прибудем? — не выдержал офицер.

— Нужно идти еще... дальше.

Когда солнце уже клонилось к закату, каратели поняли, что мальчик их просто обманывает. Разъяренный офицер приказал повесить Вы А Зиня к дереву и расстрелять.

Выстрелы карателей предупредили партизан. В ночном бою через два часа вражеский отряд был уничтожен. Так Вы А Зинь повторил подвиг русского крестьянина Ивана Сусанина, подвиг многих советских людей, взрослых и детей, героев Великой Отечественной войны, отдавших свою жизнь ради спасения товарищей по борьбе.

ГЕРОИ-БОЙЦЫ, ВЫНИМАЙТЕ СВОИ САБЛИ...

Во Тхи Шау родилась в деревне Датдо в семье крестьянина. С одиннадцати лет начала сражаться против французских колонизаторов. Во время выполнения задания попала в засаду. Отбиваясь от врагов, уничтожила предателя народа Тонга и несколько французских солдат. Враги схватили Во Тхи Шау и отправили в Сайгон. Три месяца ее пытали, но она не сказала ни слова. Тогда французские власти отправили ее в концентрационный лагерь на страшный остров Пуло-Кондор.

Расстреляна 23 декабря 1952 года в возрасте семнадцати лет.

Ночь надвинулась быстро и незаметно. Ее густой иссиня-черный свет потянулся сквозь узкое оконце, заполняя камеру. Сразу стало холодно. И крысы завозились в углу.

Где-то в коридоре гроыхнули двери и щелкнули затворы винтовок. Так, помнится, щелкало ружье отца — рано утром, когда семья еще спала, он собирался на охоту. Но тогда они, дети, проснувшись, тут же засыпали снова. А здесь каждый звук, каждый шаг топающих мимо тяжелых сапог разлетается на сотни отголосков, и никуда не спрячешься от этого раскатистого эха.

Шау вздрогнула. Который час? Неужели уже сегодня? Или, может быть, завтра?

Холодок пробежал по телу. Страшно умирать.

Страшно умирать было в Сайгоне, где три месяца ее пытали палачи. Но тогда перед лицом стоял враг. Он хотел твоей слабости, жаждал слез, желал услышать хоть самую маленькую мольбу о пощаде... И это придавало силы. Нет, убийцы, я не боюсь вас!

Когда же это было? Кажется, семь лет назад... Шау тогда исполнилось десять.

Крохотная деревушка Датдо, наполненная ночной прохладой, просыпается медленно. Только в доме Во Тхи Шау уже шумно. Приехали гости. Они принесли подарки и, не утерпев, вытаскивают сонную Шау из постели, принимаются поздравлять.

Ну и соня! Так и солнышко проспийшь — спрячется за горы!

Шау выскакивает на улицу. Нет, неправда, солнышко едва показалось. Ему еще долго плавать по небу, день только-только начинается.

Больше всего на свете Шау любит солнце. Даже когда оно жарит из всех сил, не давая никому спасения. Когда выглядывает солнце, кажется, все люди счастливы. И здесь, на родине, и там, вдалеке, где живут незнакомые совсем люди. Как хорошо, когда они замечают солнышко, радуются ему, и ничто не омрачает эту радость. Люди улыбаются, становятся добрее. Вот и в этот тихо рождающийся день в доме улыбаются широко и открыто. Значит, день будет солнечным. Он будет счастливым. День рождения Шау.

А потом просыпаются братья и сестры. Самому младшему из них обидно до слез, что он проспал приезд гостей. Малыш принимается было плакать, но сильные руки отца подхватывают его, поднимают высоко-высоко — и он улыбается. И гости улыбаются.

Сколько было тогда улыбок!

Праздничные наряды приготовлены заранее. Из недорогих пестрых тканей нашиты платья и рубашки. Разглядывая новую одежду, дети бегают по двору. Их проводила мать, чтобы не мешали стряпать праздничный пирог. И вскоре пахнущий душистым перцем баньтанг — пирог с рисом и фасолью — дымит на столе. А отец разливает в чашки зеленый чай. Как хорошо, когда семья собирается вместе за праздничным столом!

Младшему брату не сидится. Ему хочется показать гостям свои глиняные игрушки и подарить Шау любимого серого слона. И скорее, скорее бы зажигал отец

ароматные палочки! Все будут хлопать в ладоши и веселиться.

Но пока отец серьезен.

— Ты уже взрослая, дочка. Матери без тебя и не справиться. И хоть тебе только десять лет, растешь ты неплохой девочкой. Будь же честной и смелой и люби свою родину — только тогда будешь по-настоящему счастливой.

Кто знал тогда, что день рождения Шау станет в ее доме последним. Что через год он будет пахнуть не ароматными палочками, не душистым пирогом, а порохом и кровью.

Кто знал тогда, что отец — добрый, справедливейший человек, — защищая родину, погибнет от рук французских колонизаторов. А она встанет на его место.

И будет дорога. Дорога, знакомая до каждого куста, до малейшей тропинки, но чужая и опасная, потому что по ней ходят оккупанты.

Кто знал тогда, что их сосед Тонг станет предателем, будет выдавать партизан жандармам. И за ней следить. И выследит.

...Враги были обескуражены. Дорога, по которой не решался ходить ни один вьетнамец, оказалась непроходимой. Сообщения французскому командованию поступали одно за другим. «Присылайте помощь. Шесть человек ранены. Есть убитые».

Оккупанты трусливо прятались, выжидали. Им и в голову не могло прийти, что дорогу преградил не партизанский отряд, а всего-навсего девочка.

Во Тхи Шау целилась старательно. Рядом с ней лежала граната, а к гранате был привязан пакет. Этот пакет ни в коем случае не должен попасть к врагу...

Кончились патроны. Осталась одна граната. Для нее. А может, для Тонга? Разве может она умереть, а Тонг остаться безнаказанным за свои злодеяния... Нет, она не допустит, чтобы Тонг жил...

...Идут. Лязг ключей, хриплый бас конвоиров. И этот Жарди — толстый офицер с огромным носом.

— Встань, мерзавка! — Жарди схватил Шау за плечи и толкнул к двери.

Спокойствие, с каким Шау ожидала приговора, приводило Жарди в ярость. Он уже знал по донесениям, что в сайгонской тюрьме она так и не произнесла ни слова. Но здесь, на Пуло-Кондор, Жарди не сомневался: заговорит как миленькая! И не таких обламывали.

Но вот не обломали. От сознания своей беспомощности Жарди готов был разорвать эту девчонку на куски.

Он сильно стиснул ее руки, надевая наручники. Будто проверяя их на прочность. И вновь его охватил приступ бешенства — заключенная пела. Негромко. Но слова можно было разобрать. Она пела песню вьетнамских революционеров.

«Герои-бойцы, вынимайте свои сабли, идите в бой...»

Голос ее креп. Все громче и громче звучала песня в тюремном коридоре. Шау и не догадывалась, что из камер ей подпевали товарищи по борьбе.

— Долой убийц! Долой колонизаторов! — неслось вслед Шау. — Они боятся нас! Боятся! Слышите?..

Только бы скорее выглянуло солнце. Только бы еще хоть раз взглянуть на него.

Стадион, где было приготовлено место казни, забит заключенными. Кто вы, люди? Вы пришли пожалеть меня? Спасибо вам. Но жалости мне не надо. Я счастлива, что умираю за вас, за отца и мать, за родину. Я мечтала, чтобы все люди всегда были счастливы, улыбались солнцу... И не боюсь умереть...

— Ты будешь жить. Мы отменим казнь. Но ты расскажешь о партизанах... Или умрешь сейчас же...

Шау лишь усмехнулась в ответ.

Жарди отодвинулся, уступив место священнику.

— Проси, дитя, господа бога, чтобы отпустил он тебе твои грехи.

И замолчал. Словно устыдился.

— У меня нет никаких грехов. Любить свою родину и спасать ее — разве это грех? — Шау пристально посмотрела на священника. — Преступники вон там.

Больно стало глазам. Их ослепило солнце. Шау хотелось притянуть к себе солнце и обнять его. Ведь никогда больше уже не будет этого ласкового золотого диска.

— Завяжите ей глаза! — приказал Жарди. — И стреляйте же наконец!

— Стреляйте! — крикнула Шау, отшвырнув повязку.

БЕССТРАШНЫЙ

Во Тхи Хыонг родился в 1955 году на юге Вьетнама в деревушке близ Дананга. С двенадцати лет с оружием в руках сражался против американских оккупантов. За боевые подвиги награжден двумя медалями.

Давно ли в этом местечке стояла его родная деревня, зеленели рисовые поля, цвели персиковые сады?! А теперь — разрушенные дома, выжженная земля. Ни одной живой души вокруг. Уж не сон ли это?

Мальчик закрыл глаза... Сейчас услышит знакомый голос закадычного друга Луена: «Привет, Хыонг! Какие новости?»

Но ни звука. Жуткая тишина...

Во Тхи Хыонгу тринадцать лет. Невысокий, юркий, он уже год как связной в партизанском отряде. За смелость партизаны дали ему имя Бесстрашный. Хыонг очень гордится этим именем. Он и в самом деле мало чего боится. Джунгли для него — родной дом. Хыонг знает все тропинки, не в первый раз пробирается через заросли.

Побежал. Надо спешить. Его ждут подпольщики Куангминя.

Деревня Куангминь подступала к самым джунглям. Прячась в кустах, Хыонг увидел шагающий по улице патруль. Как назло, солдаты остановились возле дома, где жил дядя Тиен, руководитель местного подполья.

Только в сумерках связной сумел незаметно пробраться к дому Тиена. Постучал в дверь шесть раз — условный знак. Дверь приоткрылась.

— Тебя никто не заметил? — шепотом спросил Тиен.

— Нет.

— Сегодня утром янки обыскивали все дома подряд на нашей улице — искали партизан и оружие.

Обняв Хыонга, дядюшка Тиен вздохнул:

— Вижу, что устал. Но оставаться тебе нельзя. Янки знают всех деревенских в лицо. Незнакомцев арестовывают. Вот записка для партизан. Беги и будь осторожен.

К утру связной был в отряде.

Командир прочитал записку, обрадовался.

— Добрые вести принес, сынок! Спасибо.

А на следующую ночь партизаны напали на деревню Куангминь и разгромили американский гарнизон. Выиграть бой помогло донесение, которое принес накануне Во Тхи Хыонг.

Мальчик рвался в бой. Конечно, почетно быть партизанским связным. Но хотелось самому уничтожить врагов.

Командир, однако, был непреклонен.

— Ты слишком мал для таких дел, — говорил он Хыонгу. — Вот подрастешь — тогда посмотрим.

«Ничего, — думал Хыонг, — я еще докажу, что могу быть бойцом».

Хыонга давно одолевала одна идея. Он знал, что по дороге из Дананга часто идут американские танки и бронетраспортеры. Вот бы, мечтал мальчик, подорвать какую-нибудь машину! Конечно, одному трудно справиться. Кого бы взять в помощники?

Хыонг перебрал всех мальчишек, которые были в

отряде. Выбор пал на Бао и Мина. И вот однажды Хыонг подкараулил ребят...

Собирались основательно и втайне от командира. В первую очередь приготовили самодельные мины. Дело это нелегкое, но ведь недаром они партизаны, кое-чему научились.

Как-то вечером ребята исчезли из отряда, оставив записку: «О нас не беспокойтесь. Скоро вернемся».

Беглецов искали, но не нашли.

А мальчишки тем временем укрылись у дороги в зарослях тростника. Место выбрали высокое, чтобы просматривались окрестности.

На дороге вырыли ямки, заложили мины и протянули к убежищу шнур. Залегли и стали ждать.

У Хыонга был с собой бинокль. Он то и дело подносил его к глазам. Но в первый день так никто и не появился на дороге. Мальчишки не спали всю ночь.

Следующий день тоже не принес никаких результатов. Кончились съестные припасы.

Прошла вторая ночь. Утром со стороны дороги донесся шум.

Ребята затаились. Хыонг поднял бинокль. По шоссе шла вражеская колонна: танки, грузовик с солдатами. Замыкали колонну два бронетранспортера!

Считанные секунды остались, когда первый танк подойдет к заминированному участку. Как долго тянется время! Только бы не пропустить! Только бы не пропустить!

— Зажигайте шнур! — приказал Хыонг ребятам.

Сильный взрыв всколыхнул окрестности. Эхо его долго гуляло над джунглями.

С первым танком столкнулся второй и тоже загорелся. На дороге начался переполох. Солдаты открыли беспорядочную стрельбу.

Звуки взрывов донеслись до партизанского отряда. Командир объявил тревогу и приказал готовиться к бою.

В это время в лагере появились радостные, возбужденные мальчишки.

Хыонг торжественно доложил:

— Товарищ командир, подожжены два танка!

Партизаны изумленно смотрели на ребят.

— Так вот где вы пропадали,— строго сказал командир.— За нарушение дисциплины вас бы стоило хорошенько наказать... Ну да ладно,— добавил мягче,— на первый раз прощаю. А за геройство спасибо.

Хыонг участвовал затем во многих сражениях. В одном из боев получил тяжелое ранение в грудь. Полгода пролежал в госпитале. Вылечился и снова вернулся в отряд.

Хыонг не только воевал, но и учился. Правда, условия для учебы были нелегкие. Чаше всего уроки проходили ночью, в землянках, при свете лучины. Но ребята не унывали. В партизанском отряде Хыонг научился писать и читать.

Однажды случилось несчастье. Американские самолеты совершили налет на лагерь партизан. Одна из бомб попала в партизанскую школу, где шел в это время урок. Много детей погибло. Хыонг чудом уцелел, но осколком бомбы у него оторвало правую руку. В тяжелом состоянии мальчика доставили в госпиталь. Врачи сделали все, чтобы спасти ему жизнь. Но рана заживала медленно. И тогда Хыонга переправили в Советский Союз. Здесь он окончательно поправился, окреп. Здесь у него появилось много новых друзей — ведь над юным вьетнамским партизаном шефствовали пионеры Москвы.

— У меня нет руки,— сказал однажды Хыонг,— но я готов снова бороться с врагами моей родины. А если потребуется, то и отдать свою жизнь.

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ ДЖОЭЛЯ

Джоэль Иглесиас родился в семье крестьянина. С ранних лет начал помогать партизанам Фиделя Кастро, а потом и сам стал партизаном. Был неоднократно ранен. В 15 лет за мужество и героизм получил самое высокое воинское звание революционной Кубы — команданте.

Невысокий, худенький паренек упорно шел вверх, в гору. Среди гигантских деревьев джунглей тропинка была едва заметна. Иногда она совсем пропадала. Джоэль останавливался, смотрел вокруг и опять шел вперед. Он не раз ходил здесь с отцом.

«Конечно, с отцом ходить легче, — думает Джоэль. — Отец лучше знает дорогу, и у него мачете. Он может рубить им лианы, а мне приходится перелезать через них».

Джоэль не хотел признаться даже самому себе, что главное, конечно, было не в этом. С отцом ему было не страшно в джунглях, а сейчас — одному — страшно. Джоэль прислушался. Тропический лес наполнен тысячами звуков. Кто-то свистит, кто-то грозно ухает, кто-то жалобно стонет. Джоэлю хотелось заткнуть уши, чтобы ничего не слышать, и бежать, бежать к самой вершине горы — туда, где скрываются партизаны.

«А что, если я выйду к дороге и там будут стоять солдаты Батисты? — вдруг подумал Джоэль. — Но если на дороге солдаты, то партизаны точно в горах. Может, они окружены, но все равно они там, в горах. А меня солдаты не заметят», — усмехнулся Джоэль.

Лес становился реже. Деревья будто расступались. Голубое небо стало проглядывать сквозь густую листву. Теперь тропинку уже не преграждали лианы. Они

стали шире. Но Джоэль шел более осторожно. Иногда он перебегал от одного дерева к другому и, прижавшись к стволу, подолгу стоял, прислушиваясь и разглядывая дорогу, которую ему предстояло перейти.

Дорога была пустынна. «Может, и партизан в горах нет?» — грустно подумал Джоэль. Он уже хотел было выйти из-за дерева, как вдруг услышал шум работающего мотора. По дороге мчалась машина, завивая позади себя клубы пыли. В кузове грузовика сидели солдаты, выставив перед собой карабины. Джоэль прижался поплотнее к дереву.

«Вот такая же машина приехала к нам в деревню», — вспоминал Джоэль. Солдаты оцепили дома. Офицер и еще двое ходили по домам и арестовывали людей за то, что в деревню приходили партизаны и жители давали им продукты и одежду. Отец тоже. Его арестовали. Мать тогда так плакала! Она обняла отца и не хотела расставаться с ним. «Убивайте нас вместе! Убивайте вместе!» — кричала мать.

Офицер оттолкнул мать, и солдаты увели отца. Потом всех арестованных посадили в машину и увезли в лес. Там отца расстреляли. И дядю Хосе тоже.

Джоэль с ненавистью посмотрел на машину, которая удалялась. «Я отомщу за отца!» — прошептал он.

Когда шум мотора смолк и пыль на дороге улеглась, Джоэль пополз. Иногда он приподнимал голову и осматривался вокруг. Никого не было. У края дороги мальчик остановился и опять посмотрел по сторонам. Потом он поднялся и быстро побежал через дорогу. Кажется, что сейчас кто-нибудь крикнет «стой!», раздастся выстрел... но все было тихо. Только сердце гулко стучало в груди...

Перебежав дорогу, Джоэль уже смелее зашагал по лесу.

Солнце клонилось к горизонту. Темнота понемногу окутывала лес. Но ему не было страшно. Где-то близко должны быть партизаны.

Джоэль добрался до ущелья, пошел по тропинке, которая пролегла вдоль небольшого горного ручья. Ручей бежал, весело перекатывая маленькие круглые камешки. Джоэль встал на колени, зачерпнул ладонями воду и стал жадно пить.

— Руки вверх!

Джоэль вздрогнул и обернулся. Над ним стоял повстанец с карабином в руках.

— Дяденька! Вот здорово! — обрадовался Джоэль. — А я вас ищу!

— Меня?

— Нет, вообще партизан. Отведите меня к командиру. Мне надо ему что-то сказать!

— Какой ты прыткий! А что тебе надо сказать?

— Ты же не командир. А я хочу сказать командиру! У меня важное сообщение.

— Важное сообщение? А оружие у тебя есть?

— Нет!

Повстанец на всякий случай похлопал Джоэля по карманам и приказал шагать вперед.

«Как этот парнишка добрался до нас? Непроходимые джунгли, горы! Может, его кто-нибудь привел? Надо быть настороже», — размышлял партизан, молча шагая позади Джоэля.

В лагере была тишина. Несколько дней повстанцы вели бой и только вчера, оторвавшись от преследования солдат Батисты, расположились в этих глухих местах, куда редко кто знает дорогу. Сейчас большинство партизан спали. Одни прямо на земле, обхватив руками винтовку, другие — подвесив гамаки между деревьями.

Около шалаша, выстроенного из больших разлапистых веток кедра и пальмы, повстанец остановил Джоэля. Когда он откинул кусок брезента, мальчик увидел в шалаше свет. На столе, сколоченном из досок, стояла керосиновая лампа, лежала коробка сигар и карта. За столом сидел человек с бородой, в очках и с карандашом в руке. По-видимому, командир. Он спросил:

— Что случилось?

— Парня задержал! — ответил повстанец. — Он хочет что-то тебе сказать.

— Иди-ка сюда! — позвал командир Джоэля и, сняв очки, внимательно посмотрел на него.

— Понимаете, в нашей деревне всех арестовали за то, что они давали вам еду, — сказал Джоэль. — Моего отца и дядю Хосе расстреляли... Мать плачет. Я ей сказал, чтобы она не плакала. Что я отомщу за отца. Возьмите меня в отряд.

— Сколько тебе лет?

— Скоро пятнадцать.

— Мал ты! — сказал командир после некоторого раздумья. — У нас в отряде жизнь не легкая. А за твоего отца мы сами отомстим.

— Все равно я от вас никуда не уйду! — упрямо сказал Джоэль и опустил голову. — Я хочу сам им отомстить!

— Ну ладно! Поживем — увидим. Хосе, найди ему местечко и уложи спать. Как тебя зовут?

— Джоэль!

— А меня Фидель, — сказал командир и протянул Джоэлю руку.

Долго не мог заснуть Джоэль. Он лежал среди партизан и чувствовал запах их просоленных гимнастеров, видел их карабины, лежащие рядом. Джоэль мечтал о том дне, когда и у него тоже будет карабин.

Во сне он целился из карабина, и радостная улыбка всю ночь не сходила с его лица.

...Джоэля оставили в отряде.

— Ты будешь помогать раненым и повару, — сказал ему командир.

Джоэль стоял, опустив глаза в землю.

— Что молчишь?

— Я пришел мстить за отца, — сказал Джоэль.

— Знаю! Когда будет бой и мы захватим у врага

оружие, ты получишь винтовку. А сейчас выполняй то, что тебе поручают.

Джозль помогал перевязывать раненых. Но чаще по поручению повара лазал по деревьям и собирал плоды. И это занятие совсем бы опостылело Джозлю, если бы он не знал, что скоро будет бой. Повстанцы решили во что бы то ни стало прорваться сквозь вражеское кольцо.

Однажды Джозль отметил в лагере оживление. Повстанцы чистили оружие, проверяли патроны, наполняли фляги водой.

Фидель был очень занят: с ним совещались его помощники — бородатый Камило Сьенфуэгос и безбородый Че Гевара.

Фидель, склоняясь над картой и водя по ней пальцем, что-то горячо доказывал своим друзьям. Джозль терпеливо ждал. Может, Фидель заметит его и скажет что-нибудь насчет его участия в бою?

И терпение Джозля было вознаграждено.

— Ну, бесстрашный солдат, — сказал ему Гевара, когда совещание окончилось. — Решили мы тебе дать особое поручение.

Глаза Джозля сверкнули радостью.

— Раненого Эрнесто знаешь?

— Знаю!

— Останешься с ним. Когда мы прорвемся через вражеское кольцо, мы придем за вами людей. Ну, до скорой встречи. — И Гевара похлопал Джозля по плечу.

Джозль поплелся к специально отрытой яме, на дне ее на подстилке из листьев лежал Эрнесто.

Эрнесто был очень храбрый. Джозль любил сидеть с ним. Всегда, но только не сейчас, когда все пойдут в бой. Однако приказ есть приказ.

Джозль спустился в яму и сел рядом с Эрнесто.

— Ты чего грустный? — спросил Эрнесто, взглянув на него.

— Да так...

— А у нас, у повстанцев, есть правило никогда не унывать,— сказал Эрнесто.— Хорошо тебе или плохо — держи выше голову!

— Я и так держу!

— Вот так-то... Хочешь, я тебе расскажу, как я стал повстанцем?

— Рассказывай.

— Это было в Мексике. Туда приехал Фидель и созвал кубинцев. Мы пришли в маленькое кафе, заказали себе по чашечке кофе и стали обсуждать свои дела. И все мы сошлись на том, что диктатора Батисту нужно свергнуть.

— Я ненавижу Батисту! — гневно воскликнул Джоэль.— Дали бы мне винтовку...

— Мы тоже ненавидим его,— сказал Эрнесто.— И мы поклялись там, в Мексике, свергнуть диктатора. Но для этого нам нужно было учиться военному делу. Однажды мы познакомились с испанским генералом Байо. Он воевал против Франко и ненавидел диктатуру. Недалеко от города Мехико в местечке Чалко было маленькое ранчо «Роза». Там генерал и учил нас воевать. А когда мы научились стрелять, скакать на лошади, управлять автомобилем, оказывать друг другу медицинскую помощь, мы стали готовить десант на Кубу.

Эрнесто положил свою раненую ногу поудобнее и продолжал:

— Потом мы собирали деньги. Собирали у всех, у кого могли. Затем купили старенькую шхуну «Гранма». Считали, что на такой шхуне могут отправиться в плавание не больше пятнадцати человек. А нас было восемьдесят два. И вышли мы в море в шторм, когда всем кораблям запрещено отчаливать от берега...

Где-то вдалеке раздался выстрел. Гулкое эхо откликнулось ему. И сразу же вслед за первым выстрелом, будто боясь опоздать, затрещали автоматы.

— Ну-ка, Джоэль, помоги мне подняться и выглянуть из этой проклятой ямы.

Джозель помог Эрнесто.

— Сейчас там наших горстка, а врагов сотни. А мы с тобой сидим здесь. Но, я знаю, наши прорвутся! Они смелые ребята.

Эрнесто снова лег и продолжил рассказ:

— Но вот мы подошли на шхуне к берегам Кубы. Ты знаешь, как мы пробивались в горы? Солдат было тысячи, а нас десятки. Мы все сражались до последнего патрона. Многие из наших тогда погибли.

Невдалеке послышался осторожный свист. Эрнесто приуныл.

— Неужели уже за нами пришли? — сказал Эрнесто. — Ну-ка, выгляни, Джозель.

Джозель высунул голову из ямы и тут же пригнулся.

— Дядя Эрнесто, там солдаты.

Эрнесто с помощью Джозеля торопливо привстал и выглянул из ямы.

— Они хотят прочесать ущелье и ударить нашим в тыл, — решил он. — Незаметно вылезти из ямы и ползи. Тут недалеко скала. В ней есть расщелины. Спрячься там и сиди. Тебя не найдут. Беги! Еще есть время...

— Нет! Я не оставлю тебя! — прошептал Джозель и задрожал от волнения. — Мы умрем вместе.

— Беги, говорю!

— Я останусь! — твердо сказал Джозель.

— Твоя храбрость сейчас не нужна.

— Не побегу! — еще раз сказал Джозель.

— Ты хоть стрелять умеешь?

— Умею! — ответил Джозель, вспомнив, что один раз он стрелял из охотничьего ружья. Но сколько раз мысленно он брал в руки винтовку и целился из нее!

— Бери мой автомат, — сказал Эрнесто. — Я стрелять все равно не смогу. Если солдаты подойдут близко, стреляй. Только целься лучше. У нас всего шесть патронов.

Джозель осторожно выглянул из ямы, группа солдат медленно поднималась в гору.

Джоэль положил автомат на левую руку, прижался щекой к прикладу и глянул в прорезь прицела. Сначала он не мог найти мушку, но вот глаз отыскал ее. Джоэль подвинул приклад, и мушка совпала с прорезью. «Только бы не промахнуться!» Джоэль целился в грудь сержанту, который шел чуть впереди, затаив дыхание и нажал на спусковой крючок. Прогредел выстрел, и приклад толкнул Джоэля в плечо.

Сержант упал, и солдаты тут же залегли. Джоэль видел, как они поворачивают головы в разные стороны, не понимая, откуда стреляли.

Эрнесто смотрел на Джоэля и не спрашивал его ни о чем. Он видел, что пуля достигла цели. Он слышал, как Джоэль прошептал: «Это тебе за отца...»

Через некоторое время солдаты поднялись и опять пошли вперед, но теперь более осторожно. И снова Джоэль поймал на мушку солдата и опять, затаив дыхание, выстрелил. Солдат упал...

— Второй! Дядя Эрнесто, второй!

— Молодец, Джоэль! — похвалил Эрнесто. — Живыми фашистам не сдадимся. У меня кинжал есть.

Солдаты, видимо, поняли, откуда стреляют. Дав несколько очередей в ту сторону, где находились Эрнесто и Джоэль, они быстро поднялись и пошли в атаку.

Джоэль снова поймал на мушку одного из солдат и снова нажал на спусковой крючок. Солдат упал. Шестеро солдат залегли и стали беспорядочно палить из автоматов.

Страх прошел, и Джоэль почувствовал себя сильным.

— Эй, вы! Сдавайтесь в плен! — вдруг громко крикнул Джоэль, когда пальба из автоматов затихла. — Мы вас не тронем. А не сдадитесь, перестреляем всех. Нас много!

Джоэль чувствовал, как бешено колотилось у него сердце.

— Молодец, Джоэль! — шепнул Эрнесто.

Солдаты были близко. Джоэль слышал их голоса. Один солдат убеждал других бросить оружие, сдаться в плен.

— Эй, вы! Выходите! Не тронем! На размышление — три минуты, — крикнул, приподнявшись, Эрнесто.

Один из солдат встал с руками, поднятыми вверх. Потом поднялся второй. За ним третий, четвертый...

— Там, за деревом, есть большая яма, — прошептал Эрнесто. — Ты, Джоэль, отведи их туда и скажи, чтобы сидели и не высовывались, а то стрелять будем.

Когда Джоэль вышел навстречу солдатам, кто-то из них сказал:

— Смотри! Совсем мальчишка!

— Не разговаривать! — строго сказал Джоэль, а сам подумал: «А вдруг они вырвут у меня из рук винтовку? У Эрнесто никакого оружия нет! Лучше к ним близко не подходить...»

— Где оружие? — спросил солдат Джоэль.

— Мы его там оставили, — ответил один из солдат.

— Шагайте прямо к тому большому дереву, — командовал Джоэль, — прыгайте в яму и не высовывайтесь. Иначе будем стрелять.

Солдаты попрыгали в яму. Джоэль, не теряя ни минуты, собрал их автоматы и побежал к Эрнесто.

— Дядя Эрнесто, смотри, сколько автоматов! Этот я возьму себе.

— Наши прорвались! Точно прорвались! — прислушавшись, сказал Эрнесто. — Скоро придут за нами. А это что у тебя? — спросил Эрнесто, увидев красное пятно на рубашке Джоэля.

— Пустяки! — сказал Джоэль. — Царапина! — Лицо его горело, глаза светились радостью.

— Потерпи, Джоэль! Потерпи! Скоро придут наши. Они прорвались...

ПАКИТО — ГАВАНСКИЙ ГАВРОШ

Паки́то Гонса́лес родился в Гаване, в бедной семье. С ранних лет он помогал кубинским революционерам бороться против тирании. Паки́то погиб 29 сентября 1933 года, когда ему было четырнадцать лет. Незадолго до гибели он вступил в Лигу пионеров — так называлась в те годы пионерская организация Кубы.

Кубинские пионеры свято чтут память о Паки́то Гонсалесе. В день его гибели они приносят на могилу юного героя цветы и встают в траурный караул. Во всех пионерских дружинах в этот день проходят митинги памяти Паки́то Гонсалеса, всех юных кубинцев; отдавших свою жизнь в борьбе за свободу и независимость родины!

Набережная Гаваны Малекон людное место. Когда с залива дует свежий ветер, прогуляться выходит и стар и млад.

Из близлежащих кварталов сбегаются на Малекон мальчишки. Подработать. Или выпросить у богатого янки монету.

Среди прогуливающихся гаванцев мелькают разносчики газет. Каждый настойчиво предлагает купить только свою газету.

Паки́то тоже с пачкой газет под мышкой. Суетится, бежит по каменистой набережной, звонко шлепая босыми ногами. С виду ничего особенного в нем нет. Обыкновенный уличный мальчишка. И газетами торгует обыкновенными. Так думает полицейский, которому надлежит присматривать за порядком на Малеконе. И невдомек полицейскому, что внутри правительственной «Ежедневной газеты» спрятаны газеты коммунистов — их мальчик тайком передает студентам, рабочим, ремесленникам. А неподалеку с пачками газет друзья Паки́то — Хорхе, Хесус и Георг. Они выполняют поручение коммунистов Гаваны.

Пакито так увлекся своим делом, так азартно носился по набережной, что налетел на какого-то важного толстяка в желтой соломенной шляпе, с сигарой во рту и тростью в руке. Газеты полетели на набережную...

— Ты куда мчишься, щенок?! Ослеп?.. — толстяк замахнулся тростью, чтобы ударить Пакито. Но в следующее мгновение лицо его брезгливо исказилось: — Полиция! Полиция! — завопил важный господин. — Здесь коммунист! Здесь продают коммунистические газеты!..

Кажется, весь Малекон замер. Десятки глаз устремились на Пакито. «Коммунист» — слово-проклятье у обывателей, у трусов, у добропорядочных буржуа, гуляющих сейчас по набережной в окружении домашних собачек и лакеев. «Коммунист» — слово-надежда у людей бедных, у всех, кто ненавидит тиранию.

Пакито не успел скрыться. Полицейский скрутил ему руки, подхватил газеты и потащил в полицейский участок.

Только отошли от людного Малекона и свернули на тихую улочку, откуда ни возьмись к ним подскочили трое мальчишек. Один что-то закричал, другой принялся прыгать и дурачиться, третий гоняться за ним вокруг полицейского... Такой подняли шум, такую карусель устроили, что в какой-то момент полицейский ослабил внимание. Пакито это почувствовал и — оказался на свободе!

Когда мальчишки встретились на условленном месте, Георг, а он был старшим из ребят, сказал:

— Я думаю, Пакито, тебе нельзя больше появляться с газетами. Хорошо, мы заметили, как поволок тебя в участок полисмен.

— Я все равно бы сбежал!

Он сказал это таким уверенным голосом, такая решимость была на его лице, что Георг только головой покачал.

— А с газетами я выйду,— подумав, добавил Паки-
то.— Не на Малекон, конечно. Гавана большая, найду
себе местечко!

29 сентября 1933 года жители Гаваны вышли на де-
монстрацию, чтобы почтить память революционера Ху-
лио Антонио Мельи. Хулио знали многие кубинцы. Его
пламенные призывы на борьбу с диктатурой звучали
в разных уголках Гаваны. Он был прекрасным орато-
ром и бесстрашным революционером. Простые люди
любили Хулио, а богачи ненавидели. По приказу дик-
татора Мачадо 29 сентября 1929 года Хулио был убит
агентами тайной полиции.

Пакито с утра побежал на базар. Мать послала ку-
пить немного фасоли и капусты.

Люди собирались кучками у лотков, обсуждали
страшное событие.

— Говорят, его нашли тогда с проломленной головой у,
причала. Где рыбаки улов сгружают со своих фе-
люг...— рассказывала толстая торговка, беспокойно ози-
раясь по сторонам.

— Не у причала, а у банка, что напротив часовни
святой Марии,— не соглашался старый негр с корзи-
ной овощей на плече.— Его полицейские застрели-
ли...

— Вовсе не полицейские, а ищейки Мачадо, из ох-
ранки. В Мексике убили. Их рук это дело,— заметил
кто-то, и все тотчас замолчали: трое полицейских пока-
зались у дальних лотков. И продавцы, и покупатели
стали поспешно расходиться. И только гневный шепот:
«Охранка постаралась! Ее это дело!» — долго еще но-
силась от лотка к лотку.

Когда Пакито возвращался домой, навстречу ему
шли сотни жителей Гаваны. Они направлялись к парку
Флатернидад. Многие несли красные флаги, транспа-
ранты.

— Пакито, а ты не идешь с нами? — окликнул мальчика Георг. Он и Хорхе шли в толпе, и Пакито не сразу их заметил. А заметил — уставился на плакат, что нес с собой Георг. На квадратном листе картона Георг нарисовал толстого американского капиталиста, заковывающего в мешок пирог. На пироге стояла надпись: «Куба». Во всю ширь плаката красной краской было выведено: «Долой империализм!»

— Ну, так как? — снова спросил Георг.

— Конечно, я с вами, только домой забегу.

— Тогда мы тебя подождем, — решили друзья.

Мать, заметив, что Пакито торопится на демонстрацию, заслонила дверь.

— Не пушу! Ты знаешь, что сейчас делается у Фла-тернидад?! Туда не только полицию, а и солдат согнали!

Но Пакито стоял на своем.

— Каждый мужчина сейчас там, мама! — говорил он взволнованно. — Когда-то же мы должны сбросить Мачадо! Должны же мы показать, что сильны и не боимся ни пуль, ни полицейских дубинок!

Мать давно догадывалась, что неспроста в последнее время Пакито исчезал из дому на день-два. Однажды нашла в кармане у сына красный галстук и листовку, испугалась. Поняла, что Пакито связан не только с пионерами, но, вероятно, и с коммунистами. А ведь и за теми, и за другими охотится полиция... Хотела она тогда серьезно поговорить с сыном, вымолить у него слово, что не будет он заниматься политикой. Но Пакито упрямо твердил: «Зря ты волнуешься, мама! Все будет хорошо. Только не волнуйся — тогда ни одна беда меня не зацепит!» И успокоилось было материнское сердце. Но ненадолго. И муж стал приносить и прятать от нее листовки, с сыном шептаться, вместе уходить куда-то... Нет, не будет видно покоя в доме, пока не сбросят с трона проклятого Мачадо...

Когда Пакито выскочил на улицу, мать все же по-

шла за ним. На перекрестке она заметила Георга и еще одного, незнакомого паренька. Они поджидали Пакито. Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Но нахлынувший людской поток увлек Пакито и его друзей, только плакат «Долой империализм!» колыхался над головами демонстрантов.

У парка Флатернидад демонстрацию поджидали полицейские и солдаты.

— Вы посмотрите, они с карабинами! — сказал Пакито друзьям. — Неужели в нас будут стрелять?!

Ни Георг, ни Хорхе не успели ответить. Грянул залп...

Люди растерялись, в панике бросились кто куда. Плакат выпал из рук Георга, и по нему застучали ботинки демонстрантов.

Пакито подхватил плакат и двинулся вперед.

— Куда ты! — закричал Георг. — Назад, они убьют тебя!

— Пусть убьют, — зло ответил Пакито. — Я не боюсь этих собак!

Полицейские опешили, завидев, как из толпы обезумевших, истекающих кровью людей выбрался шуплый невысокий мальчишка и смело двинулся на них. Дрогнули в руках палачей карабины...

Всего несколько секунд длилось замешательство. К шеренге полицейских подскочил офицер. «Пли-и!» — заорал что есть силы — и первым выстрелил в мальчишка...

РОВЕСНИК ГАВРОША

Даниэль Фери родился в Сен-Дени, пригороде Парижа. С ранних лет помогал парижским коммунистам и комсомольцам в их политической борьбе. Работал в типографии, распространял газету французских коммунистов «Юманите». Погиб 8 февраля 1962 года от полицейской пули.

Каждое утро Даниэль Фери поднимался по знакомым ступенькам в типографию. Запах, который бил мальчику в лицо, был так же прекрасен, как запах моря.

Даниэль останавливался на пороге цеха и делал глубокий вдох. Пахло типографской краской, влажной бумагой и станками, на которых печатали самую важную для французских рабочих газету — «Юманите».

Даниэль радостно улыбался и шел к старому мастеру с карандашом за ухом. Мастер давал пачки газет.

На Даниэля смотрели в типографии с надеждой и верой. Старый мастер часто говорил мальчику: «Ты думаешь, кто главнее всех в нашем деле?.. Корреспондент — без него не обойтись, но не он. Наборщик — нужен, но и это не он. Главный редактор — ну, конечно, без него нет газеты... Но без тебя, малыш, нашу газету никто не прочитает. Понял, кто самый главный?»

Даниэля в эти минуты переполняла гордость. Он брал свою пачку и бежал на улицы.

Париж был старым знакомым Даниэля. Дома, улицы, скверы, набережные — все было по сто раз хожено-перехожено; все было до мельчайших подробностей изучено.

Не только город был знаком Даниэлю, но и его люди, спешащие по утренним улицам. Это были рабочие. Металлисты, сапожники, электрики. Со многими из них

мальчик даже дружил. Этим людям доверял не только газету, но и важные новости.

— Сегодня демонстрация против войны в Алжире! Не забудьте! — говорил тихо Даниэль.

Ему кивали, и Даниэль бежал дальше:

— Свежий номер «Юманите»! «Юманите»!

...Так было и 8 февраля 1962 года.

В этот день парижские улицы заалели флагами и знаменами. Рабочий Париж протестовал: «Долой ОАС! Мир Алжиру!» Рабочие знали, что их протест может помочь прекращению войны. Не может не помочь.

Даниэль Фери шел гордый и счастливый в толпе демонстрантов. Ликование поднималось в его груди. Ликование от того, что идет он вместе с парижскими пролетариями, что люди борются за правое дело, что и его доля есть в этой борьбе. Ради этого стоит жить!..

Над колоннами демонстрантов взлетела могучая песня — «Интернационал». Она полетела высоко-высоко, к парижскому небу. Она была призывом честных и смелых к борьбе против несправедливости и насилия.

Даниэль Фери тоже пел. Ветер трепал его волосы, глаза сияли, в руке мальчик держал несколько номеров «Юманите»...

Даниэль не слышал предательских выстрелов. Он, наверное, не успел ничего подумать. Но когда упал на мостовую и люди окружили его, маленькая, уже мертвая, рука крепко держала газетные листы.

Парижские пролетарии похоронили Даниэля Фери на известном всему миру кладбище Пер-Лашез. Рядом с защитниками Парижской коммуны.

Каждый год 8 февраля к могиле Даниэля Фери приходят пионеры. Они клянутся быть преданными Франции, быть честными, смелыми и отважными, каким был Даниэль Фери — ровесник Гавроша.

А уходя, пионеры оставляют на скромной серой плитке цветы. Красные гвоздики.

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ТЕБЯ, ФАДЫЛ!

Фадыл Джамаль родился и вырос в Багдаде в семье коммуниста. С детства он связал свою судьбу с коммунистическим движением, распространял газеты коммунистов, участвовал в митингах и демонстрациях. В феврале 1963 года к власти в Ираке пришли реакционеры. Тысячи коммунистов были расстреляны или брошены в тюрьмы.

В те тревожные дни Фадыл метался по Багдаду, предупреждая товарищей о грозящей опасности. На одной из квартир его схватили.

Фадыл умер в тюрьме после нечеловеческих пыток 8 февраля. В память о нем для миллионов детей планеты 8 февраля стало Днем юного героя-антифашиста.

...О чем вспоминал Фадыл в тюрьме?

О доме. О персиковом дереве во дворе. Об очаге и огне очага. О родных. О том, что здорово лежать в душную багдадскую ночь на крыше родного дома и смотреть на тяжелые золотые звезды. Они, как сонные пчелы, сидят на шелковом черном небе. А рядом лежит мать — теплый бок, нежная рука, душистая прядь волос... Мать рассказывает сказку.

— В нашем благословенном Багдаде жил-был когда-то красивый юноша. Пришла ему пора жениться. Попросил юноша у аллаха самую прекрасную в мире девушку. Аллах усмехнулся и сказал: «Человек, ты сам не знаешь, что просишь у меня. Я подарю тебе прекраснейшую из прекрасных. Но ты вынужден будешь прятать ее от людских глаз. И запомни: если кому проговоришься, где ее прячешь, прекраснейшая из пре-

красных исчезнет навсегда, а ты умрешь». И юноша встретил на дороге девушку...

Тут мать обычно делала паузу, смотрела, спит ли Фадыл. Но он не спал и просил:

— Ну, дальше, мама? Дальше-то что?

— А дальше с прекраснейшей из прекрасных юноша пришел в город. И хотя его невеста была под покрывалом, золотое сияние исходило от нее. И все люди оглядывались на девушку и юношу.

Сыграли свадьбу. На свадьбе прекраснейшая сняла покрывало, а гости упали ниц: свет ее лица всех ослепил.

На пороге дома юноши появились стражники падишаха: «Отдай нам красавицу, иначе сгноим тебя в тюрьме». Юноша решил схитрить: «Хорошо, я отдам прекраснейшую из прекрасных падишаху, но только завтра. Ведь надо ей нарядиться и отдохнуть».

Стражники ушли.

А юноша ночью спрятал свою молодую жену в горах, и утром ему пришлось идти в тюрьму... Там, мой мальчик,— говорила со вздохом мать,— его долго, долго пытали...

Все же Фадыл засыпал до конца сказки. И что там, в тюрьме, случилось с юношей, не знал до сих пор.

...Каменный пол давил на Фадыла тяжелым холодом. Слезы закипали: нет теперь ни матери, ни брата с сестрой. И жив ли отец — он тоже не знает. Их схватили полицейские, потому что отец и мать Фадыла были коммунистами.

Громыкнула дверь. Охранник появился в дверном проеме:

— На допрос, щенки!

Длинные темные коридоры, мелькание дверей перед глазами, охранник, подталкивающий Фадыла в спину...

А потом какие-то люди долго пытаются его. Это страшно, Фадыл то и дело теряет сознание. Но его приводят в чувство, и все начинается снов»

Палачи требуют, чтобы Фадыл выдал адреса багдадских коммунистов. Но Фадыл никогда этого не сделает. Потому что предать друзей отца и матери — значит предать их самих.

...Фадыла волокут в камеру. Снова гроыхает дверь. Кто-то с размаху бросает его на пол.

Пол усыпан битым стеклом. Фадыл лежит на нем и не может шевельнуться. Не слезы, кровь течет из глаз — кажется Фадылу.

Сквозь толстую оконную решетку смотрят тяжелые золотые звезды. Глядеть на них больно. И мальчик медленно закрывает глаза.

Снова вспоминается мамина сказка: «...И утром ему пришлось идти в тюрьму. Там его долго, долго пытали...»

Теперь Фадыл знает, что произошло дальше с юношей. Знает, что такое пытаться человека. И если выживет, то обязательно расскажет людям обо всем, что пришлось выстрадать...

ВЕЛИКИЙ МАЛЫШ

Луис Альфонсо Веласкес Флорес родился 31 июля 1969 года в бедной семье в Манагуа, столице Никарагуа. В восемь лет стал членом подпольной группы. Великий Малыш — так называли его товарищи по борьбе. Погиб 29 апреля 1979 года.

После победы революции в Никарагуа народная власть учредила Ассоциацию сандинистских детей. Ассоциации присвоили имя Луиса Альфонсо Веласкеса Флореса.

Луис Флорес... Это имя стало легендой, навсегда вошло в историю героической борьбы никарагуанского народа против диктатуры Сомосы.

Не сохранилось фотографий Луиса. Мало осталось документов, свидетельствующих о его подвигах, и личных вещей героя, которые могли бы занять место в музее никарагуанской революции. Но остались люди, с которыми жил Луис и вместе с которыми он боролся за свободу своей родины. В их памяти он навсегда останется живым. Как сын. Как брат. Как единомышленник.

Вспоминает Хулио Лопес, один из руководителей Сандинистского фронта национального освобождения Никарагуа.

...21 февраля 1979 года на митинге в столичном университете собралась огромная толпа. Я стоял у микрофона и представлял выступающих. Когда выступили пять или шесть наших товарищей, на трибуну протиснулся мальчик.

— Дайте слово,— сказал он и потянулся к микрофону.— Я из «Движения учеников начальных классов». Мне нужно обязательно выступить.

Мы растерялись. Никогда еще не приходилось видеть такого юного оратора. Но в глазах малыша было столько решимости и так энергично он орудовал локтями, расталкивая людей, что я уступил.

— Подожди немного,— сказал ему.— У нас программа. Жди своей очереди. Выступишь в конце митинга.

— Я не могу задерживаться допоздна. Здесь «жабы». Они могут опознать меня.

«Жабами» мы называли шпионов сомосовской охраны.

— Товарищи,— обратился я к собравшимся,— с нами юный сандинист. Он не называет своего имени, но требует, чтобы ему дали слово.

— Сандино * жив! Да здравствует Сандино! — начали скандировать люди.

И вот, прерывая гул, заговорил мальчик. Он говорил о том, что нужно еще сильнее бороться с диктатурой Сомосы, надо объединить в этой борьбе всех людей: детей, стариков, женщин...

Буря ликований разразилась после его выступления. Пока гремели овации, мальчик незаметно скрылся.

Я был потрясен. Юный оратор так твердо и убежденно говорил, как не мог бы сказать и взрослый. Навсегда запомнилось его лицо в том момент: решительное, волевое, оно внушало уважение и доверие.

Луис родился в бедной многодетной семье. Семья Флоресов часто бедствовала. Детям приходилось подрабатывать у уличных торговцев или даже просить милостыню. Все же отец ухитрился скопить немного денег и послать Луиса в начальную школу.

В школе Луис получил первую закалку в политиче-

* Сесар Аугусто Сандино — национальный герой Никарагуа. Погиб в 1934 году.

ской борьбе. Он стал одним из организаторов подпольной группы учеников. Группа называлась «Движение учеников начальных классов». Мальчики и девочки из «Движения» распространяли листовки, писали антиправительственные лозунги на зданиях, бойкотировали уроки учителей-реакционеров.

В восемь лет Луис оставил школу — нечем было платить за учебу. Мальчик стал агитатором.

Горячее слово Флореса звучит на митингах и собраниях сандинистов. «Сверчок» — дали Луису подпольную кличку.

— Товарищи, пришло время подниматься на борьбу с тиранией! — призывал мальчик. — Посмотрите на крестьянских детей, которые спят на деревянных нарах и едят одни лепешки с солью. Я призываю вас на баррикады! Долой Сомосу!

В 1977 году знакомая фигурка Луиса Флореса мелькает в уличных перестрелках сандинистов с сомосовцами. Его пули метко разят врага. Он становится живой легендой.

Вспоминает мать Луиса — Валентина Флорес.

...Из пяти детей я потеряла двоих. Первым погиб старший — Энрике. Он выступил на похоронах революционера Педро Чаморро и очень хорошо сказал о нем. Через два дня Энрике нашли мертвым в придорожной канаве.

Второй — Луис, самый младший... Трое других тоже сражались с сомосовцами, были ранены...

Луис рос славным мальчуганом, ласковым и чутким. Однажды в день моего рождения подошел ко мне и протянул цветок и стихи. Стихи сочинил сам... Когда к нашему дому приходили нищие, Луис требовал у меня денег. Только деньги редко водились в доме. Тогда он собирал всю еду, что была у нас, и раздавал нищим.

Долгое время я не догадывалась о подпольной ра-

боте сына. Но как-то раз он до глубокой ночи что-то писал в своем углу. Я поднялась и украдкой подсмотрела, чем он так увлекся. Листовки!.. Помню, там было написано: «Мы живем, как свиньи, в условиях, не достойных человека. Пора кончать с такой жизнью! Родители не могут купить нам книги и тетради. В школе мы сидим на полу...» Это написал Луис.

Я испугалась, отобрала у него листовки.

— Тебя могут убить за это! — встревожилась я.

— Ну и пусть, — ответил Луис. — Убьют меня — другие останутся. Революция победит!

Я часто прятала от него одежду или давала такую плохую, чтобы он не мог улизнуть из дому. Но Луис убегал, просил рубашку и брюки у товарищей и даже завел смены одежды в разных домах. Или он уходил, надев две рубашки и двое брюк, а в каком-то доме снимал одну пару, оставляя ее в запас. Так обводил меня вокруг пальца...

Сметливость Луиса изумляла всех. Однажды к нам пришел с обыском полицейский. Сын написал углем на шкафу: «Да здравствует Сомоса!» и нарисовал портрет диктатора. Полицейский был сбит с толку...

Вспоминает брат Луиса — Роберто Веласкес Флорес.

...Поначалу я тоже ничего не знал о его революционной борьбе. Луис умел хранить тайну. Но однажды я встретил его на подпольном собрании...

— Что ты тут делаешь? — спросил я Луиса.

— То же, что и ты! — ответил он невозмутимо.

Долгое время мы были в подполье вместе. Я брал Луиса с собой, чтобы мать не тревожилась за него. Брал не только на собрания, но и на боевые операции. Но потом я ушел к партизанам и здесь узнал о гибели Луиса...

29 апреля 1979 года многие жители квартала Максимо Херес в Манагуа видели грузовичок «тойота». Гру-

зовичок кружил по улицам, словно кого-то выискивал.

У Луиса с утра разболелась рука, и мать решила показать мальчика знакомому врачу — тот не раз помогал подпольщикам. Врача дома не оказалось, и Валентина Флорес взяла сына с собой — она работала прислужкой в доме одного богача.

В шесть часов вечера Луис пошел снова к врачу. Пошел один. На улице его поджидал грузовичок... Из кабины гроыхнули выстрелы. «Тойота» сбила смертельно раненного мальчика и скрылась из виду. Так сомосовцы расправились с юным революционером.

Злодейское убийство Луиса Флореса всколыхнуло всю страну. В столичном университете на митинге памяти маленького подпольщика сандинисты включили магнитофонную запись одного из его выступлений.

Вновь звучал взволнованный голос Великого Малыша. Вновь призывал он на борьбу с тиранией.

МАСКОТА

Мануэль де Хесус Ривера родился в городке Дирьямба. С пяти лет батрачил на помещичьих полях. В десять лет стал бойцом партизанского отряда. Его партизанская кличка — Маскота. Участвовал в боях с сомосовскими карателями, распространял листовки, был связным. Погиб в июле 1979 года, не дожив несколько дней до победы сандинистской революции. Ему шел двенадцатый год...

Ныне в Ассоциации сандинистских детей Никарагуа есть организация, которая носит имя Маскоты. Маскотовцами называют мальчиков и девочек в возрасте от семи до одиннадцати лет. Они носят бело-голубой галстук.

Неистово палит солнце. Красноватая пыль обжигает ноги, будто шагаешь по золе неостывшего костра. Кач

жется, весь свой жар солнце бросило на дорогу, чтобы отогнать путников в тень.

По дороге быстро шагает босоногий сорванец. Взрослым не под силу такое пекло, а ему хоть бы что.

На мальчике рваные серые брюки и застиранная рубашка. В руках палка, чтобы от собак отбиваться, когда дорога поворачивает к селению. Деревенские собаки чужаков не любят, и стоит залаять одной, как целая свора вываливает невесть откуда.

Под кустом терновника отдыхают крестьяне. У ног — мотыги, в руках — маисовые лепешки и кружки с чичей*.

— Эй, парень, куда спешишь? — окликает мальчика пожилой крестьянин с иссеченным морщинами лицом. — Посиди с нами.

— Некогда, — серьезно отвечает мальчик.

Крестьяне дружно смеются: ишь ты, какой деловой!

— Откуда идешь? — спрашивает молодой негр с амулетом на шее.

— Из Чинандеги.

Смех обрывается. Крестьяне настороженно переглядываются. В Чинандеге вторую неделю зверствуют каратели. В прошлом месяце партизаны разгромили чинандегский гарнизон. В отместку Сомоса послал в Чинандегу гвардейцев.

— Как же ты улизнул от солдат?

Мальчик не отвечает, шагает дальше. Ему и в самом деле некогда. До захода солнца надо добраться до Фалькони, крохотного ранчо в окрестностях Леона. Значит, километров десять еще придется отмахать, никак не меньше.

Мальчика зовут Мануэлем. Мануэль де Хесус Риве-

* Чича — напиток, по вкусу напоминающий наш квас. Хорошо утоляет жажду. Чичу готовят из маисовой муки.

ра. Это его настоящее имя. Но сейчас он Хуан. Хуан Родригес. Идет из Эстели к тете в Леон. Зовут ее тетушка Марта. Она живет за часовней, возле почты. Кроме нее, у Мануэля никого нет. Отец уехал на заработки в Мексику, а мать умерла от туберкулеза... Все это Мануэль выучил наизусть. «Имей в виду, сынок, — напутствовал командир, посылая его на задание, — запомнить все слово в слово — это еще полдела. Надо и рассказать умело... чтобы тебе поверили. Не только враги поверили, но и свои...»

Кажется, ему верят. Пока верят. Недаром же так ловко он выскользнул из Чинандеги. Ни один патруль не заподозрил в маленьком бродяге партизанского связного. Правда, пришлось получить пинка от какого-то веселого сержанта. Но ради записки, что зашита в подкладке брюк, можно стерпеть все.

Записка была важной. Очень важной. Подпольщики сообщали партизанам сведения о карательном отряде в Чинандеге. Каратели вот-вот должны выступить на север, на прочесывание лесов вдоль реки Коко, и важно их перехватить по дороге, внезапно атаковать и разгромить. «Смотри, Мануэль, в этой бумажке жизни сотен наших товарищей! Не подведи!» — говорили подпольщики, отправляя его в путь. «Не подведи!» — эхом звенели в ушах слова дяди Ромуэля — подпольщики звали его команданте Ромуэль.

Вот и селение Санта Клара. Отсюда до Фалькони рукой подать.

Крестьянские дома утопают в кронах манговых деревьев и кустах шелковицы. Пышные пальмовые рощи обрамляют селение с севера и юга, а с востока и запада далеко за горизонт тянутся хлопковые поля. Красотища — глаз не оторвать! Только и здесь богатства благодатного края принадлежат кучке помещиков. А простые люди живут бедно. Вон и нищие на улице. Полуголые малыши с раздувшимися от голода животами гоняют в пыли скорлупу кокосового ореха...

Мануэль задержал взгляд на трескучем мяче, прыгающем у малышей под ногами, и сердце радостно забилося. словно после долгой разлуки встретил он старого доброго друга. У никарагуанских партизан кокосовые орехи в особом почете. Не из-за вкусного и приятного сока, конечно. В руках минеров орехи становились гранатами! Самодельными. Кокосовые орехи очищали от мякоти, сушили на солнце, засыпали внутрь порох, ставили фитиль — и готова граната! Перед атакой фитиль поджигали и швыряли гранатами в сомосовцев. Гранаты рвались со страшным треском и не раз обращали в бегство врагов.

Мануэль благополучно миновал сельскую площадь, где невесело гудел деревенский базар. Никто не обратил на него внимания — сколько таких бездомных оборвышей шляется сейчас по дорогам Никарагуа! — и свернул к шоссе. Вон уже и пальмовая роща обнажила свою лохматую гриву, и белые хлопковые поля надвинулись на крайние домишки Санта Клары... Вдруг впереди затарахтел мотор. Залаяла собака. Выстрел, еще один. Собака жалобно заскулила.

Навстречу Мануэлю выбежала испуганная женщина; за ней семенил старик, припадая на правую ногу.

— Солдаты! Облава!

Мануэль в нерешительности остановился.

— Беги, чего встал! — закричал на него старик. — Они хватают всех подряд и увозят в грузовиках!

В голове вихрем закружились мысли. Что может быть в теперешнем его положении страшнее облавы?! Если схватят и найдут записку, то расстрел на месте. Если не найдут, то увезут в полицейский участок или в казармы Манагуа. Пока разберутся, кто да что, сколько времени пройдет! А донесение подпольщиков ждут...

Мануэль рванулся назад. Обогнал и старика и женщину.

На площади, будто потревоженные пчелы, метались

люди. На них надвигалась цепь солдат с автоматами наперевес. Путь назад отрезан. Западня!

Что делать? Потная рука нащупала в брюки записку...

Мануэль осмотрелся. Слева от площади отходил тупичок. Он упирался в глухой забор, за которым виднелись кусты лимонника и красная черепичная крыша.

Мануэль бросился в переулок, перемахнул через забор и оказался в саду. К счастью, его не заметили.

С тыльной стороны сад упирался в шоссе, по которому шныряли армейские «джипы», а за шоссе начиналось хлопковое поле.

На поле работали батраки. Взрослые и подростки. Их соломенные шляпы и обнаженные шоколадные спины мерно покачивались меж рядков хлопчатника.

Решение созрело мгновенно. Мануэль швырнул в кусты свою палку, пересек шоссе и что есть силы побежал к батракам, на ходу скидывая рубашку. И вот... он уже бредет по полю вместе с батраками, собирает коробочки хлопка. А батраки... батраки и виду не подали, что среди них оказался чужак.

— Ты чей такой? — раздался над ухом грубый бас. Словно из-под земли рядом вырос огромный детина с рыжими усами, в длиннополой шляпе и белом костюме сафари.

«Хозяин!» — догадался Мануэль.

— Не прогоняйте меня, синьор! Я иду в Леон, к тетке. Два дня крошки во рту не держал — дайте заработать!

Мануэль так жалостливо запричитал, размазывая по лицу слезы, что хозяин плантации растерялся. Покрутил головой влево-вправо — насупившиеся батраки выжидающе поглядывали на него — и махнул рукой:

— Ладно, работай.

Хозяин ушел. Его огромная белая фигура появилась вскоре на шоссе в окружении солдат. Солдаты что-то спрашивали, хозяин размахивал руками и показывал то

на поле, то на крыши Санта Клары. Но Мануэлю казалось, что все солдаты сейчас смотрят только на него. А потом р-раз — и возьмут на мушку!

Мануль низко склонился над кустами. Руки его работали так, будто не человек собирал хлопок, а робот! Если бы только он сам сейчас мог превратиться в белый пушистый комочек! Если бы только мог!

Солдаты уехали. Хозяин не выдал Мануэля. Но и не заплатил за работу.

В сумерках, когда над Санта Кларой от дымящихся очагов повисло сиреневое облачко, Мануэль выбрался на шоссе. Нестерпимо ломило спину. От усталости подташнивало. Но надо было идти. Он и так порядочно задержался — полдня рыжеусый детина шлялся по кромке поля, будто караулил своего добровольного раба.

...Поздно ночью Мануэль добрался до отряда. Задание было выполнено.

ВЗОРВАННАЯ НОЧЬ

Фернандо Мендес родился в городе Матагальпа — втором по величине городе Никарагуа. В годы борьбы с диктатурой Сомосы выполнял задания подпольщиков. Погиб в одиннадцать лет.

Фернандо сидел в скудной тени пальмы. В руках — щетки, у ног — ящик с нехитрыми пожитками уличного чистильщика обуви. Время от времени он бодро выкрикивал:

— Почищу ботинки! Почищу ботинки!

Но никто к нему не подходил. Желающих почистить свои ботинки не было. Видно, сегодня уже не заработать. Таких, как он, в Матагальпе сотни. Надо быть здорово везучим, чтобы из этих сотен какой-нибудь господин набрел именно на тебя.

Весной 1977 года Фернандо осиротел. Сомосовцы рас-

стреляли его родителей, обвинив их в связях с партизанами. Расстреляли на глазах у Фернандо... Мальчик наверняка погиб бы голодной смертью, если бы о нем не позаботились друзья отца — рабочие из района Санта Тересита. В каждой бедняцкой хижине с ним делились последним куском хлеба. И Фернандо выстоял. Но горечь невозможной утраты так и осталась в его глазах — глаза у Фернандо большие, черные. И печальные, даже когда он улыбался.

В спину кто-то толкнул. Фернандо обернулся. Перед ним стоял Эден, сын дяди Хосе и тетушки Мильдианы, у которых в последние дни жил Фернандо.

— Что сегодня ночью будет... — загадочно произнес Эден.

— Что? — спросил Фернандо. — Будем рисовать Коротышку*?

— Нет, пойдем на улицы с кастрюлями. Протестовать!..

Наступила ночь. Около одиннадцати часов женщины — жены рабочих — стали выходить из своих жилищ. В руках они несли кастрюли. Многие вели с собой детей. Колонна двинулась к центру города, туда, где жили богачи.

Фернандо шел рядом с Эденом и его матерью Мильдианой. Обычно в это время, уставший от работы и жары, он спал как убитый. А сейчас не до сна.

Молча идут люди. Даже дети присмирели.

Женщин с кастрюлями становится все больше и больше. Словно гигантская волна выплеснула их на улицы и площади Матагальпы.

Необычную демонстрацию взяли в кольцо полицейские. Тогда женщины стали стучать крышками кастрюль, выкрикивая: «Мы не хотим умирать с голоду! Дайте

* Так презрительно прозвали в народе диктатора Сомосу.

нам работу! Накормите наших детей!» Шум поднялся невообразимый.

К женщинам подошел капитан национальной гвардии — высокий, широкоплечий детина. Размахивая автоматом, заорал:

— Вы что, с ума сошли?! Не даете людям спать! Сейчас же разойдитесь по домам!

Но женщины и не думали расходиться.

К Мильдiane — она шла во главе колонны — подскочил капитан.

— Убирайся отсюда, старая дура! — завизжал он. — Иначе ты и твои подружки получат пулю в лоб.

Мильдiana двинулась на офицера.

— Ты еще нам угрожаешь! Пьешь нашу кровь и рад! Кровопиец несчастный! Конец пришел нашему терпению!

Капитан отступил.

— Готовсь! — приказал солдатам.

Щелкнули затворы автоматов. Эден бросился к матери:

— Мама!

Ударили выстрелы. Упала на мостовую одна женщина, за ней еще одна... Вскрикнула Мильдiana: пуля пробила ей плечо.

Сомосовцы жестоко расправились с демонстрацией. Десятки женщин и детей погибли в ту ночь...

Однажды воскресным днем по радио, как обычно, бойкий диктор восхвалял Сомосу и сомосовский порядок в стране. Вдруг голос диктора оборвался на полуслове. Другой, суровый и взволнованный, голос объявил:

— Граждане Никарагуа! Граждане Никарагуа! К вам обращается Фронт национального освобождения имени Сандино!..

Мильдiana округлила глаза.

— Господи, наваждение какое-то... Уж не сон ли это?

Фернандо и Эден прильнули к приемнику. Голос призывал никарагуанцев дать последний, решительный бой диктатуре. «Лучше погибнуть в борьбе, чем жить рабом! Долой Сомосу! Свободу трудящимся!» — летел по всей стране призыв патриотов.

Уже позднее Фернандо узнал, что партизаны захватили в Манагуа радиостанцию и в течение двадцати минут удерживали ее.

В городах начались волнения. В Матагальпе появились баррикады. Рабочие с оружием в руках вступали в схватку с сомосовцами.

Фернандо тоже сражался на баррикадах. Он научился мастерить самодельные гранаты и стрелять из револьвера. Здесь он познакомился с дядей Хосе — одним из командиров восставшей Матагальпы.

— Энтузиазма у нас много, а вот оружия не хватает,— сетовал командир.

— Я знаю, где достать оружие,— сказал Фернандо.— В подвале муниципалитета.

— Откуда знаешь?

— Когда чистил обувь на улице, видел, как в подвал сгружали ящики. Неделю назад это было.

Командир задумался. За неделю много воды утекло. Оружие могли вывезти и в другое место. Или раздать солдатам...

Но Фернандо стоял на своем: там оружие, надо проверить.

— Дядя Хосе,— сказал Фернандо,— я знаю потайной ход в муниципалитет.

Хосе улыбнулся, потрепал мальчика по волосам.

— Все ты знаешь. Наверно, во сне приснился этот ход.

Фернандо хотел обидеться, но в этот момент раздался чей-то голос: «В укрытие!»

Сомосовские самолеты не первый день бомбили квар-

талы восставшей Матагальпы. Но на этот раз на баррикады посыпались не бомбы, а листовки. «Партизаны, сдавайтесь! Вы окружены. Тому, кто сдастся добровольно, будет дарована жизнь. Завтра начнем штурм», — предупреждали листовки.

Командир разыскал Фернандо.

— Так где, говоришь, потайной ход?

— Недалеко. Вон за тем домом, — Фернандо кивнул на разрушенный дом перед баррикадой. — В том потайном ходу мы играли с ребятами.

— А взрослые могут по нему пробраться?

— Нет, — твердо сказал Фернандо.

Ночью пятеро мальчишек во главе с Фернандо поползли в сторону разрушенного дома. Ползли осторожно. «В случае опасности, — шепнул Фернандо, — враспынную. Про потайной ход молчок!»

Лаз местами был завален булыжником. Пришлось его расчищать. Первым спустился Фернандо. За ним остальные. Ползли по-пластунски. Ползли долго. Натыкались друг на друга, обдирали о камни руки и колени, но молчали.

Выбрались наружу напротив подвала. Замок на двери сбили булыжником. Одного из ребят Фернандо оставил стеречь вход, с другими шмыгнул в подвал.

Когда вбежали в подвал, ахнули: в углу лежали двенадцать автоматов и ящики с патронами. Вот это по-везло!

А на баррикаде волновались. Времени прошло много, а ребята о себе знать не дают. Командир то и дело поглядывал на часы.

Но вот раздался свист — условный сигнал Фернандо. В следующий момент показался и он сам, увешанный автоматами...

Утром начался штурм баррикад. Фернандо защищал левый участок. Он старался стрелять метко. Когда

падал гвардеец, сраженный его пулей, Фернандо шептал:

— Это вам за отца, это — за мать, это — за моих товарищей.

Первая атака была отбита. Но через час началось новое наступление гвардейцев. Их теперь поддерживали танки и самолеты. Звуки боя слились в сплошной гул. Земля сотрясалась от взрывов. Кричали раненые. Ряды защитников баррикад редели. Когда кончались патроны, бойцы хватали топоры, мачете — что попадало под руку — и бросались на сомосовцев.

Силы были слишком неравными. Чтобы избежать новых жертв, штаб восставших принял решение отступить в горы.

Разрушенные здания, сожженные автомашины, зияющие глазницы окон, сотни трупов на улицах — так выглядела Матагальна, когда городом овладели гвардейцы Сомосы.

Фернандо предложили остаться в городе для подпольной работы.

Был конец августа. Фернандо поручили распространить на городском рынке листовки — их только что доставили из партизанской типографии.

Фернандо пришел на рынок в полдень. В руках он нес корзинку с цветами — с такими корзинками бродили по базару все продавцы цветов. На дне корзинки лежали листовки. Мальчик кружил по базару, выкрикивая: «Кому цветы? Кому цветы?», поглядывал по сторонам, нет ли слежки. В удобный момент клал на прилавок листовку и быстро уходил.

С утра на базаре дежурил переодетый в крестьянскую одежду агент секретной службы. Он заинтересовался маленьким продавцом цветов и незаметно пошел за ним. Спрятавшись за грудой ящиков, шпик увидел, как мальчик вынул из корзинки листовку и положил ее

рядом с продавцом овощей. Шпик бросился к Фернандо и больно схватил его за ухо.

— Попался! — прошипел он.

Мальчик попробовал вырваться, но не тут-то было.

Шпик привел юного подпольщика в полицейский участок.

— Кто тебе дал листовки? — спросил полицейский офицер.

— Никто. Нашел на улице.

— Кому врешь... — прикрикнул офицер, — так я тебе и поверил!

Офицер ударил Фернандо. Мальчик отлетел к стене. Из носа потекла кровь.

— Говори, щенок, ты партизан?! — кричал офицер.

Собрав силы, Фернандо поднялся с пола и двинулся на офицера.

— Да, я партизан. Я ненавижу вас! Вы убили отца и мать, вы мучаете народ. Вы ответите за все!

Изумленный офицер попятился, потом выхватил пистолет и в упор выстрелил в Фернандо.

ТАЛИСМАН

Жоао Луконго родился и вырос в семье ангольского крестьянина. Одним из первых в своей деревне надел пионерский галстук. В двенадцать лет стал бойцом народной самообороны. Летом 1981 года в схватке с отрядом южноафриканских диверсантов вышел победителем, уничтожив восемь бандитов.

Ветер уныло шелестел сухими банановыми листьями. Листья шевелились, как крылья большой серой птицы. Солнце стояло высоко над домами. Так высоко, что тени от деревьев съежились, сделались совсем маленькими. Улица была пустая и скучная.

Жоао недовольно поковырял ногтем глиняную стену дома. Смотри-ка, опять прутья вылезают, сколько их ни замазывал, они все равно вылезают. Облупилась хижина. Придется снова мазать.

Постоял немного, вздохнул. Отчего так получается: если не повезет, то уж сразу во всем? Целая куча несчастий. Стенка у хижины еще что, ерунда, хоть сейчас можно исправить. А вот нога... Вчера, во время занятий, бежал по бревну. Хотел быстрее, а оно оказалось скользкое, как маслом облитое... Ну и сорвался, грохнулся на землю. Подвернулась нога. Вроде не очень больно, даже вскочил и кинулся ребят догонять, а потом захромал. Боль вонзилась острым шипом, просypаясь при неосторожном движении.

Наплевать бы на нее, пройдет, но ведь из-за этой ноги его оставили сегодня дома. Все ушли на митинг в соседнее село. И взрослые ушли, и мальчишки. Только ему сидеть здесь с малышами и стариками. Кто-то даже посмеялся. Дескать, для охраны остаешься, Жоао. Посмеялся и ушел.

Сердито сопя и морщась от боли, Жоао вскинул на плечо автомат — у бойца самообороны оружие всегда при себе, — поковылял прочь из унылого и дремотного селения в ту сторону, где за пыльным провалом каменоломни высилось несколько огромных лиловых валунов. Сейчас добраться туда ему было непросто, но это все же интереснее, чем скучать дома. Митинг, наверное, уже начался. Вот выступает товарищ Сантули, высокий, худой мужчина. Он приехал из Луанды — каждый месяц к ним приезжает. Рассказывает, наверное, о положении в стране, о том, как патриоты Анголы строят новое, справедливое общество. О новых заводах, которые вырастают в Луанде и других городах. О новых тракторах и автомобилях. О народной армии, которая отбивает атаки южноафриканских расистов. Все хочется знать, все очень важно для него, Жоао. И, может быть, там, на митинге, сегодня скажут, как пионеры в красно-черных галстуках учат читать и писать своих родителей, и стариков, и женщин деревни. Ведь столько еще неграмотных в стране! И кому как не пионерам бороться с неграмотностью... Про Жоао и его друзей тоже, наверное, скажут на митинге, о том, как они работали на курсах ликбеза. И как успешно прошли военную подготовку все мальчишки из отряда самообороны.

Валун гладкий и теплый. Один край откололся, образовалось углубление вроде маленькой пещерки. Там уютно и прохладно. Жоао забирается туда, сбрасывает с плеча автомат, всматривается в кусок красного дерева — подобрал по дороге. Ножом можно вырезать какую-нибудь фигурку, он умеет, только вот какую?

Жоао еще не успел ничего придумать, а нож в его руке уже снимает первую тугую стружку.

Так его учил старик сосед. Говорил, что, если режешь фигурку, не следует долго прикидывать и выверять линии. Только подумай, представь ее, словно она тут перед тобой стоит, и сразу принимайся за работу.

Быстро ходит нож в руках Жоао. Он вдруг замеча-

ет, что из куска дерева выглядывает лицо колдуна Зиндунги. Глаза дикие, лесные. Пламя костра плещется в них. Рот сейчас откроется для заклинания. Вот, оказывается, кто затаился в куске дерева!

Колдун... Колдун — это надежда, это вера человека в свою удачу, в свое счастье.

Охотник надеялся на щедрую добычу — и рисовал на стене быка. Он верил, что стоит лишь подумать, изобразить свое желание в рисунке, танце, песне — и оно обязательно исполнится. Колдун приходил, чтобы оно исполнилось быстрее. Нужен был дождь — становился в танце дождем, требовалось вылечить больного — извлекал из тела страдальца злых духов и отшвыривал прочь. Колдун может все. И с колдуном люди могут все.

Жоао отодвигает фигурку Зиндунги и любуется ею. Осталось немного. Еще две-три линии — и готово. Только непонятно — зачем ему, пионеру, потребовался колдун? Ведь он-то не верит ни в колдунов, ни в колдовство.

Жоао поднимается, потягивается, разминая затекшую спину, и вдруг видит, как впереди по опушке леса шагают люди. Осторожно, гуськом. С автоматами и винтовками. В коричневых пятнистых комбинезонах. Таких комбинезонов нет у бойцов народной армии. Нет и у отрядов самообороны. Такая форма только у бандитов, южноафриканских наемников, что совершают набеги на мирных ангольских крестьян.

Жоао поднял автомат, как учили на занятиях по военной подготовке, в учебных боях. Он и ногу-то подвернул вчера во время учебного боя. А сейчас, кажется, предстоит первый его настоящий бой.

Бой?.. Он один, да еще с больной ногой, а бандитов больше двадцати. Ну и что же? Бандиты ведь идут, идут в деревню. Узнали, наверное, про митинг, догадались, что в селении остались лишь дети да старики. И отправились с ними воевать. Трусы! Жоао видел кое-где следы таких «сражений»: дома разрушены, посевы сож-

жены, жители убиты... Жоао поднимает автомат, щелкает затвором, досылая патрон в патронник. Помедлив, сует за пазуху недоконченную фигурку колдуна и сползает с темного лилового валуна.

Боль в ноге мешает быстро бежать. Жоао старается ставить ногу осторожно, отдыхает, пробираясь ползком среди обломков скал, и снова встает, торопится к тропе через каменоломни. Там, почти в самом конце подъема, проходя мимо глубокого грота, дорожка сужается, сжимается деревьями и завалами камней. Это лучший путь — бандиты обязательно выберут его. Удобнее всего их будет встретить огнем из грота.

Жоао добирается до пещеры первым, выбирает позицию за камнями, кладет под руку запасную обойму, острый нож и кусок красного дерева с фигуркой колдуна.

Вот и они — бандиты. Жоао вскидывает автомат, целится. Только бы не остановились, не свернули с тропы.

В узком проходе появился один бандит, потом другой, третий... Пусть подойдут поближе... пусть... подойдут...

Жоао даже не почувствовал, как плавно подался спуск, очередь вылетела в одно мгновение горстью пуль. Автомат подпрыгнул вверх и снова прижался к камням. Впереди на тропе остались лежать трое бандитов. Другие в растерянности кинулись за деревья, упали за обломки камней. Один замешкался, и его тут же догнала в спину новая очередь.

Враги опомнились быстро — они были все же опытными, хорошо подготовленными солдатами. С разных сторон по гроту ударили пули. Хотя наемники и не разглядели мальчика, но поняли, что опасность для них именно там.

Жоао переполз на другую позицию, нашел среди камней пятнистый комбинезон, прицелился. «Не спеши и не злись, — вспомнил он слова командира из отряда самообороны. — Злость затуманит тебе глаза, и промахнешь-

ся. Ненависть к врагу должна быть холодная и чистая, как вода в роднике». Мальчик выстрелил. Из-за камня донесся вскрик. Выстрелил еще раз и метнулся назад, на прежнюю позицию. Тут же десяток очередей разметали камни на том месте, где он только что лежал.

Под прикрытием огня бандиты вскочили и бросились к гроту, Жоао навскидку выстрелил по ним. Автомат выбросил последнюю гильзу и замолк. Осталась одна обойма, всего тридцать патронов.

Перезаряжая автомат, Жоао вдруг подумал, что, может быть, много лет назад вот так же отбивался от врагов его далекий предок. Другое было оружие, другие враги, но с такой же шакалей повадкой нападали они на ангольцев, стремились поставить на колени, превратить в рабов. Сколько его предков погибло в неравной этой борьбе! Но уже с первых шагов завоеватели получили крепкий отпор. Против ружей и пушек ангольцы шли с копьями и топорами, твердо веря в свою победу. Многие из них несли на груди амулет-телохранитель — фигурку идола, божества, который защитит их.

Жоао взглянул на неоконченную фигурку колдуна. Интересно, защитил бы Зиндунга от пули, обратиться сейчас он, Жоао, к нему за помощью?

Перезарядив автомат, Жоао стал бить по бандитам одиночными выстрелами — дорог был каждый патрон.

Наемники, наверное, поняли, что имеют дело лишь с одним бойцом. Осмелели, перебегая за деревьями, стали приближаться к гроту. Пули посвистывали над головой Жоао, словно крохотные птички колибри, ударялись в каменный свод за спиной и в бессилии рассыпались по камням гремучим треском. Жоао замирал, не отвечал на огонь, притворяясь убитым. Бандиты высывались из-за укрытия и тут же падали, сраженные точными выстрелами.

Жоао переползал за камнями, ловил стволом пятнистые комбинезоны, считал про себя патроны и старался не думать, что будет, когда они кончатся.

Выстрел — несколько очередей в ответ. Выстрел — снова очереди. Крохотные колибри посвистывают все ближе. И ближе подбираются наемники. Они почему-то спешат. Опять выстрел. Пятнистые комбинезоны выскакивают, пускаются бегом. Жоао бьет влево-вправо, почти уже не целясь, последними патронами и вот наконец из всех сил давит на спуск, но автомат больше не отзывается. Все. Он закончил свой бой.

Мальчик лежал, уткнувшись лицом в ладони и слушал топот и вскрики бандитов. Пусть бегут. Теперь — пусть. Он их не боится. Просто обидно. И не хочется смотреть в их шакальи морды. Ну, где вы там? Стреляйте скорее!

Но никто не стрелял. Вдруг Жоао понял, что уже несколько минут лежит в тишине. Один. Жоао поднял голову, вышел из грота, встал — ни души вокруг. Солнце висело все так же высоко в небе, но тени от деревьев, от гладких сизых валунов уже начали вытягиваться и густеть. Они тянулись через каменоломни в ту сторону, где шумел лес, словно указывая Жоао на что-то.

Мальчик взгляделся и увидел пятнистые комбинезоны. Бандиты уходили торопливо, опасливо озираясь, боясь получить в спину новую очередь, оставив на поле боя почти половину своего отряда. Они так и не узнали, что дорогу им преградил всего лишь мальчишка с красно-черным пионерским галстуком.

Снова острая боль пронзила ногу. Жоао поморщился, опустился на землю и наткнулся на кусок красного дерева. Колдун Зиндунга! Очевидно, одна из пуль попала в деревянную фигурку и расщепила ее. Старый колдун смотрел теперь лишь одним глазом, но взгляд его был уже не дикий и грозный, а торжествующий и веселый. Жоао улыбнулся ему и сунул свой счастливый талисман за пазуху.

От деревни послышались крики команд. Это спешили к месту сражения бойцы отряда самообороны.

ПИОНЕРСКИЙ ДОЛГ

Абдуль Ахад родился в семье учителя в маленькой афганской деревушке Султан-Хейль в окрестностях города Тогаба. Одним из первых в своей школе он вступил в пионеры. За мужество и находчивость, проявленные в борьбе с контрреволюционерами, Абдуль Ахад был награжден в 1982 году путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь имени В. И. Ленина «Артек».

Сладок утренний сон. Кажется, нет такой силы, чтобы смогла поднять в этот ранний час Абдуль Ахада. Да и не мудро так крепко спать — вчерашний день у него был трудным. Сначала уроки в школе — а до школы от селения почти пять километров ходу. После уроков — пионерский сбор. Принимали в пионеры друзей Абдуль Ахада: Джамиля, Акбара и Шамсуддина.

Закончился сбор, разошлись ребята по домам, а Абдуль Ахад еще остался посоветоваться с друзьями. Как самому опытному пионеру, сбор поручил ему взять шефство над новичками. Вот и думали сообща, как сделать это шефство полезным для всех.

А потом... потом гоняли мяч на опустевшей спортивной площадке. Так не хотелось уходить из школы!

Сон крепко держал Абдуль Ахада в своих объятиях. Потому и не услышал мальчик выстрелов, разбудивших селение, испуганного шепота матери: «Душманы! Душманы! *», ударов в дверь... Он проснулся, когда в дом ворвались бандиты и обрушились с кулаками на отца.

* Контрреволюционеры. Душманы ведут тайную войну против афганского народа и правительства Демократической Республики Афганистан. Душманам помогают США и другие капиталистические государства.

Абдуль Ахад соскочил с постели и бросился защищать отца. Но его отшвырнули в угол, связали и заткнули рот кляпом.

Над избитым до бесчувствия отцом склонился главарь банды.

— Это тебе урок, дорогой учитель! — процедил бандит. — Грехи твои воистину тяжки. Мы забираем сына — он поможет их искупить.

«Тяжким грехом» считали душманы то, что отец Абдуль Ахада учил крестьянских детей грамоте.

Ночь Ахад провел в пещере далеко от родного селения. Здесь, в логове бандитов, он встретил еще семерых ребят. И среди них Джамиля и Акбара. Они рассказали, что бандиты хотят переправить всех мальчиков за границу, в Пакистан. А вот зачем — никто не знает.

Ахаду удалось подслушать, о чем разговаривали душманы, и выведать, для чего понадобились ребята бандитам.

Он разбудил своих друзей.

— Из нас собираются сделать предателей! — зашептал оробевшим мальчикам. — Сначала научат стрелять, а потом отправят в душманскую банду.

— Я не пойду с ними, — твердо сказал Джамиль. — Лучше умру, чем стану душманом!

Его поддержал Акбар, но Абдуль Ахад не согласился:

— Вы забыли, о чем клялись на пионерском сборе? Помогать народной власти бороться с бандитами! Это наш долг, и выполнять его надо, где бы мы ни были. Даже в плену. Если мы умрем в этой пещере, наша смерть ничего не даст, не поможет выловить душманов... Я предлагаю подчиниться бандитам... А когда будем на родине, все расскажем царандою *.

Долго спорили ребята в ту ночь. Все же Абдуль Аха-

* Так называется народная милиция Афганистана.

ду удалось убедить друзей: сейчас важнее смириться, исполнять все приказы душманов. Делать вид, что согласны служить бандитам. И ждать удобного случая вернуться домой...

Бандиты переправили Абдуль Ахада и его товарищей в специальный лагерь по подготовке диверсантов и шпионов. Лагерь был недалеко от пакистанского города Пешавара.

В лагере ребят разделили. Лишь однажды Абдуль Ахаду удалось встретить одного из друзей — Акбара. «Держусь!» — успел шепнуть Акбар.

Первые две недели душманы запугивали мальчика. Это называлось «психологической обработкой». Ахада били, подолгу держали без воды и пищи, будили среди ночи и заставляли зубрить Коран... На Коран душманы особенно нажимали, полагая, что религия сделает из мальчика послушного фанатика. Каждый вечер лагерь оглашался пронзительным криком муэдзина: «Аллах велик!.. Идите на молитву! Идите к спасению!»

Абдуль Ахада гнали в мечеть.

Он стойко переносил побои и унижения. Когда было особенно тяжело, вспоминал родное село, мать и отца, свой пионерский отряд... Эти мысли согревали, придавали силы.

Однажды к Абдуль Ахаду пришел высокий, худой мужчина в костюме защитного цвета, с гладко выбритым лицом и аккуратным пробором на голове. Это был американский инструктор. Душманы его побаивались. Инструктор слыл специалистом по стрельбе и рукопашной борьбе. Звали его мистером Дейвом.

Американец долго вглядывался в Абдуль Ахада, словно хотел заморозить взглядом своих холодных совиных глаз. Потом щелкнул пальцами: «Гуд!» — и вышел из каморки, где жил мальчик.

Для Абдуль Ахада начались новые испытания. Душманы решили, что сломили его волю, сделали из мальчи-

ка послушную машину. Теперь дело за специальной подготовкой...

Четыре месяца Абдуль Ахада учили стрелять из различного оружия, закладывать мины на дорогах, записывать шифром донесения... Курс шпионской и диверсионной «науки» он проходил под руководством все того же мистера Дейва.

...Последние инструкции. Сегодня Ахада переправят через границу в Афганистан, в родной Тогаб...

В бараке, где расположился штаб душманов, собрались «наставники».

— Повтори задание, — приказывает бородач в богатой чалме и отутюженном френче. Бородача в лагере называли Хозяином. Он являлся только тогда, когда уходила на разбой очередная группа душманов.

— Где будет главный тайник?

— Назови пароль для связи?

— Адрес явочной квартиры? Имя связного?

— Как подойти к тайнику на базаре?..

Абдуль Ахад добросовестно выучил задание. Отвечал быстро и толково. В Тогабе ему надлежало связаться с местным контрреволюционным подпольем и выполнять его распоряжения.

Ярко светит мартовское солнце. В этом году особенно рано распустились персики и алыча. Розовато-белые деревья, будто букеты на столе, приукрасили улицы Тогаба. Два таких букета торжественно застыли у здания городского комитета партии. Абдуль Ахад с наслаждением вдыхает аромат алычи. Никогда в жизни, кажется ему, не вдыхал он аромата вкуснее!..

Три часа рассказывал мальчик о своих злоключениях. Рассказывал не спеша, стараясь не упустить ни одной мелочи. Вспомнил все явочные квартиры душманов в городе, пароль для связи, тайники с оружием, описал место, где обосновали душманы свой лагерь и тропу, по которой они переходили границу...

Когда закончил рассказ, из-за стола поднялся сек-

ретарь комитета — седой грузный человек с усталыми глазами и испещренным морщинами лицом. Обнял Ахада.

— Спасибо тебе, сынок! — сказал волнуясь. — Ты — настоящий пионер!

Контрреволюционная подпольная банда в Тогабе была разгромлена. За помощь народной власти в борьбе с душманами Абдуль Ахада наградили поездкой в Кабул, столицу Афганистана, где он никогда не бывал.

Многолюден Кабульский аэропорт в утренние часы. В толпе пассажиров мелькают торговцы сладостями, водой, орехами. Крестьяне с котомками и узлами бредут по залу, задевая за газетные киоски и лавки с сувенирами. Солдаты курят у распахнутого настежь окна...

Двое из солдат, стоявших особняком, показались Абдулю Ахаду знакомыми. Где-то он их видел... Где?

Вспомнил! Он встречал их в лагере под Пешаваром... Страшная догадка бросила в жар: неужели это переодетые душманы?!

О своих подозрениях Абдуль Ахад рассказал сотрудникам аэропорта. Солдат арестовали. Они оказались бандитами.

Судьба... Какие только испытания не преподносишь ты человеку! И как важно выстоять, остаться верным своему долгу.

НЕПОКОРЕННЫЕ

Хиям Вакид родилась в многодетной семье палестинского учителя. Ей рано пришлось узнать, что такое бедность и нужда. Судьба семьи Хиям похожа на судьбы тысяч других палестинских семей. Гонимые израильскими оккупантами, они долгое время жили в Ливии, потом в Ливане, в лагере палестинских беженцев. Одиннадцати лет Хиям вступила в ряды бойцов палестинского Сопротивления, стала медсестрой. В дни боев с израильскими войсками и правохристианскими фалангистами Хиям спасла десятки палестинских бойцов. Летом 1981 года была тяжело ранена. Находилась на излечении в Советском Союзе.

Хиям с матерью и младшей сестренкой шли мимо магазинных витрин. Магазины наперебой предлагали французские купальные костюмы, американские джинсы, часы, украшения... Лавочники просили зайти, купить... И только в булочной стояла угрюмая тишина. Люди ждали хлеба. Люди хотели есть.

Хиям взяла на руки сестру. Сегодня семья еще не завтракала, и малышка совсем ослабла. «Куда же подевался хлеб?» — твердила она удивленно. «У мельника жернова сломались, — отвечала мать, пряча под накидку мокрые от слез глаза. — Вот починит он жернова, наметет муки, и будет хлеб».

Сама того не зная, мать говорила правду. В те дни израильтяне бомбили и обстреливали самые плодородные районы Ливана. Их план был прост: не удастся запугать защитников Ливана снарядами и бомбами — замучить их голодом.

На базаре у заезжего феллаха удалось купить не-

много чечевицы. Мать обрадовалась — теперь хоть по хлебку можно сварить.

— Берите, берите,— приговаривал феллах, насыпая чечевицу в кулек,— скоро ничего не останется, все продукты сожгут. Поля сожгут, дом сожгут, меня сожгут!

— Что ты детей пугаешь?! — возмутилась мать.

— О несчастная, ты еще не знаешь, что они делают с детьми! — продолжал феллах.— У нас в Дамуре детей будто кобры искушали... Говорят, летчики ядовитые бомбы сбросили...

Феллах тянул ладони к небу. Мать тоже стала молиться. У Хиям от страха дрожали губы. Она хотела спросить, далеко ли Дамур, и не могла.

...Отец говорил, что израильтяне никогда не нападут на Бейрут. Слишком много в городе иностранных банков, торговых фирм, магазинов, выручка которых течет в карманы капиталистов. Отец полагал, что капиталисты не дадут Израилю разбойничать в столице Ливана.

Наивным был отец. Только в дни осады Бейрута он понял, что капиталисты сговорились. Деньги, которые они выудили из карманов арабов, пошли на производство самолетов и бомб. А бомбы посыпались на головы арабов. Капиталистам хотелось расчленив Ливан, уничтожить палестинцев, чтобы стать полновластными хозяевами Ближнего Востока. А ради этого они готовы были пойти на все, даже на уничтожение целого города.

...Вечером за ужином мама спросила отца, когда же он наконец получит зарплату. Отец опустил голову.

— На этот раз я принесу очень мало денег,— сказал глухо.— Родители не пускают детей в школу, боятся. Израильские диверсанты наклеили повсюду листовки, грозят и учителям и ученикам расправой.

Спать ложились молча. Только мать тихо шептала молитву.

Хиям прижалась к старшей сестре Эмэль, стараясь поскорее заснуть. Но сон никак не шел.

Среди ночи комнату осветило ярким слепящим светом, будто вкатилось сюда жаркое июньское солнце. За окном, как в сказочном видении, висели десятки оранжевых шаров. Из темноты выплыли крыши зданий. Можно было различить каждый дом, каждую лавчонку. И тут с восточных окраин Бейрута послышался нарастающий гул. Все затрещало, зазвенело вокруг. Над крышами домов взметнулись фонтаны из кирпича и пыли...

Танки и орудия стреляли до рассвета. Это разбойничали пособники израильтян — правохристианские фалангисты. Они не жалели снарядов. Снаряды им подбрасывали транспортные вертолеты, взлетающие с американских и израильских кораблей.

Спускаясь в подвал, Хиям заметила, что из их квартала по позициям фалангистов тоже стали бить орудия.

— Не стреляйте, что вы делаете! — закричал отец, угрожая кому-то кулаком. Но Эмэль схватила его за руку и резко сказала:

— Пусть стреляют! До каких пор стрелять будут только в нас?!

Шел первый день июня 1981 года. День, надолго разделивший Бейрут на два непримиримых лагеря: лагерь, защищавший право палестинцев на жизнь, и лагерь, сеющий смерть. В этот день Хиям впервые увидела лицо врага, его жестокость и кровожадность. И, сразу повзрослев, поняла: наступило время борьбы. Время страха прошло.

Наутро в школу пришли немногие. Радио оповестило о полном и длительном прекращении огня. Но люди, потрясенные случившимся, все еще прятались в подвалах.

В школе на партах были расставлены краски, флаконы с тушью. Ребята рисовали плакаты-протесты против израильской агрессии на ливанскую землю. Хиям тоже принялась за дело. Нарисовала увешанный раке-

тами пикирующий «фантом» с хищной, как спрут, шестипалой звездой и маленькую беззащитную девочку под ним. «Убийцы, вон из Ливана!» — вывела под рисунком.

Неожиданно громко хлопнули двери, застучали кованные ботинки по коридору.

— Это бандиты! Фалангисты! — крикнул учитель. И тут же по окнам хлестнула автоматная очередь.

Бандиты сбили учителя с ног и стали избивать его прикладами автоматов. Потом вывели во двор детей и приказали встать на колени. Хиям подняла свой плакат над головой и крикнула: «Убийцы! Вас настигнет кара!» Стоявший неподалеку фалангист ударил девочку и бил до тех пор, пока она не потеряла сознание.

Их спасли палестинские бойцы. Отступая, фалангисты открыли пулеметный огонь. Под пулями бандитов погибли двое учеников.

Как диверсанты могли проникнуть в лагерь палестинцев? На этот вопрос долго не находили ответа. Наконец вспомнили, что с утра было объявлено перемирие. Палестинские бойцы покинули свои посты, чтобы укрепить оборонительные позиции на побережье. Они никак не ожидали, что фалангисты отважатся на такую наглую коварную вылазку.

С первых дней агрессии в Ливане израильтяне шли на любые провокации. Они хотели запугать патриотов Ливана, сломить их решимость.

Первыми жертвами израильского разбоя стали дети. В Тель-Авиве решили: пусть дрогнут сердца матерей. Тогда волна беженцев покатится дальше, к границам Сирии, а ряды Сопротивления расколются.

Самоходные дальнобойные гаубицы врага стреляли каждую ночь. Мама с младшим братом и младшей сестрой почти не выходили из подвала. Там же стирали, готовили еду. Воду приходилось брать далеко. Все домашние хлопоты легли на плечи мамы и Хиям. Школа

не работала, и отец трудился теперь допоздна то грузчиком, то разносчиком газет.

Однажды утром мама встала перед отцом на колени и заплакала:

— Уедем отсюда! Пока не поздно, уедем!

— Я тоже думаю, надо ехать в Дамаск...— нерешительно сказал отец.

У Хиям, мывшей посуду, выпала тарелка из рук.

— Как вам не стыдно! — закричала она.— Если все уедут, кто будет сражаться с врагами?

— Ты мало понимаешь, Хиям,— сказал отец.— На их стороне США. А США — это ракеты и бомбы. Ливан для Америки — полигон. Я не хочу, чтобы мы были подопытными кроликами, на которых испытывают фосфорные бомбы... Ливан — это политика. Вы еще дети и в политике ничего не смыслите.

— Я не смыслю?! — возмутилась Хиям.— Врачи-буржуи сбежали вчера из госпиталя, увезли лекарства и инструменты! Люди умирают, а им лишь бы шкуры спасти. Ты, папа, за такую политику?

Пришла Эмэль, взволнованная, радостная.

— Я слушала Ясира Арафата! Он приехал из Дамаска. Знаете, что он сказал? Он сказал, что сейчас надо собрать в себе все мужество и сражаться. Только сражающийся народ непобедим!

Вечером Эмэль и Хиям пошли в кинозал клуба Организации освобождения Палестины. Зал был полон. Казалось, здесь собрался весь район Факхани. Сегодня демонстрировал свой фильм отважный палестинский кинооператор Абу Зариф. Вырубленные топорами виноградники, разрушенные школы, ученические тетради под гусеницами танков, автоматные очереди по безоружным демонстрантам... Кинокамера Зарифа показывала «новый порядок» израильтян на захваченных палестинских землях.

Сердце Хиям сжималось от гнева.

После фильма выступали палестинские бойцы. Они

призывали вступать в отряды народной помощи, помогать пожарным и спасательным командам, бойцам на позициях, медсестрам. Добровольцев записывали тут же.

Молодой командир в полевой форме строго посмотрел на Хиям.

— Школьница?.. Пожалуй, санитарная сумка тебе не по плечу. Учись пока.

Хиям пристально взглянула на командира.

— Нашу школу разгромили. Убили ребят. Что же нам, снова ждать, когда придут бандиты? Разве вам не тяжело в бою пулемет носить? Но вы ведь не требуете орудия полегче...

Командир, две ночи подряд отражавший со взводом пулеметчиков атаки фалангистов, опешил.

— Ну что же, раз ты такая смелая девчонка, придется записать тебя к нам в медчасть.

В госпитале Хиям познакомилась с медсестрой Сабхой, потерявшей мужа и пятерых детей. Сабха не боялась уже ничего и просила, чтобы ее почаще посылали на линию огня, к раненым. «Не хочу быть сиделкой, хочу быть бойцом!» — говорила Сабха.

Однажды их срочно вызвали на улицу Мазраа. На улице собралась огромная толпа. Увидев санитаров, люди расступились. Хиям заметила бойца, склонившегося над лежащей у песочницы девочкой. Лицо ее было обожжено, платье залито кровью. Вместо правой руки торчала страшная кровоточащая культя. Боец гладил девочку, а по щекам его текли слезы.

— Не умирай,— просил он,— не умирай!

Иногда он обводил людей растерянным взглядом и бормотал как в забытьи:

— Они подложили куклу со взрывчаткой, с виду безобидную детскую игрушку... А дочка ее подняла...

Во дворе соседнего дома эхом отозвались два взрыва. Это бойцы обнаружили еще две куклы, начиненные взрывчаткой, и расстреляли их.

Девочку положили на носилки.

— Скорей! — приказала Сабха.

Хиям взглянула на кровоточащую рану, и в глазах ее поплыли зеленые фонарики, ноги подкосились, носилки вырвались из рук.

Она очнулась в санитарном фургоне. Сабха перевязывала израненное лицо девочки. Хиям стала ей помогать. Потом они вместе сидели на донорском пункте, сдавали кровь. Хиям спокойно смотрела на сосуд, медленно наполняющийся ее кровью, и думала, что крови она уже не боится.

Снова стали стрелять по ночам орудия. Безопаснее было слушать их надрывный лай из подвала. Но Сабха сутками не уходила из госпиталя. Хиям была рядом с ней. Ночами они садились теперь за стол, писали листовки. Сотни листовок. Листовки предупреждали родителей и ребят об опасных «подарках» израильтян — игрушках со взрывчаткой. Листовки они расклеивали во дворах, у магазинов, на стенах домов.

В лагерях палестинских беженцев с каждым днем становилось все тяжелее. То не было электричества, то воды. Торговцы продовольствием перевозили свои магазинчики в восточную часть Бейрута. Там жили люди с достатком, пощедрее. А палестинские беженцы голодали.

Однажды ранним утром под прикрытием тумана израильские десантники попытались захватить на побережье плацдарм. Десантников перебили. Но и у командира, записавшего Хиям в санитары, poleg в бою чуть не весь взвод. Впервые Хиям увидела рваные, страшные штыковые ранения. Не хватало тампонов и бинтов, руки дрожали от усталости. Но командир подбадривал: «Держись, сестренка! Ты же смелая, смерти не боишься... Смерть только раз перешагнуть, на второй раз она сама напугается, стороной пройдет».

Многие из раненых бойцов перешагнули смерть. Не перешагнул ее в этот вечер командир, умер на руках Хиям.

На закате дня, когда яркое солнце и слепящее море светят обороняющимся в лицо, начался новый штурм.

Ракетный шквал в мгновение перепахал позиции. Один из бойцов оторвался от земли, бросился к медсестре:

— Живая?! Держись! На дно, в окоп ложись! — И побежал к пулемету.

Хиям не сразу поняла, в кого он стреляет. И вдруг, приподняв голову, увидела, как ткнулись в берег два израильских катера. С первого катера ударила пушка. Осколки снаряда сразили пулеметчика. Хиям подползла к пулемету и стала стрелять. Стреляла до тех пор, пока не кончились патроны. Потом подхватила санитарную сумку и поползла к раненым. Она бросалась то к одному, то к другому бойцу, строчила из автоматов убитых, спотыкалась о камни, падала... А в висках звенел голос убитого командира: «Держись, сестренка, смерть только раз перешагнуть...»

Вот уже больше недели в городе было спокойно. Сирийские, ливанские, палестинские бойцы ходили гурыбой в кино, собирались у зачехленных орудий покурить, поболтать. Над городом кружили «фантомы», будто прицеливались, принимались. Но к ним скоро привыкли и не обращали внимания.

— Бомбить не осмелятся, — говорили бойцы. — Иначе будет война. А на войну Израиль не решится.

У госпиталя, где работала Хиям, каждый день было много народу — жители Бейрута навещали родственников. Никому и в голову не могло прийти, что этот густонаселенный район будет вскоре под прицелом израильских орудий.

Хиям и Эмэль шли домой радостные. Только-только радиоузел госпиталя сообщил, что достигнуто перемирие. Как знать, может быть, в Бейрут придет наконец мир и спокойствие. Теперь уже навсегда.

Над головой послышалось какое-то шипение. Эмэль дернула сестру за руку, прижала к стене. Впереди взметнулся сноп огня. Хиям почувствовала, как руки сестры обмякли, на белой блузке выступили пятна крови. Вверху снова зашипело, стоящий поодаль фургон медицинской помощи разорвало на мелкие куски, и на Хиям полетели комья красной земли.

— Почему земля красная? — подумала Хиям, теряя сознание.— Ах да, в Бейруте ведь красный песок... Красный и горячий, как кровь...

НАСТОЯЩИЙ БОЕЦ

Палестинский мальчик Имад Хусейн в одиннадцать лет впервые вступил в бой с врагом, защищая родную деревню. Во время нападения израильских войск на Бейрут летом 1982 года был тяжело ранен. Лечился в Советском Союзе. По приглашению советских пионеров отдыхал в «Артеке».

В школе шел урок истории. Имад сидел за одной партой со своим закадычным другом Высимом. Впрочем, трудно назвать партой самодельный, сколоченный из бросовых брусьев и досок стол. Но у других ведь не было и этого. Многие мальчишки сидели на ржавых прохудившихся бочках. Сидели и слушали. Писать было нечем и не на чем. Каждый ждал, когда учитель вызовет к доске и можно будет взять в руки мелок.

Сегодня на уроке Имад с Высимом чувствовали себя на седьмом небе. У них была бумага, и, значит, можно записать слова учителя.

Учитель рассказывал о древней культуре арабов, о памятниках архитектуры, которые так важно сохранить в столь беспокойное время, о палестинском народе, трудолюбивом и талантливым.

Имад с наслаждением писал, переворачивая лист за листом, и даже не заметил, как учитель прищурился, потом нахмурился и направился к их парте.

— Скажи, Имад, где ты это взял?

— Листовки? Вчера вечером с вертолета сбросили, на поле, где крестьяне работали. Там мы их и нашли.

— «Арабы, пока не поздно, забирайте свою рухлядь и уходите вон. Эта земля принадлежит Великому Израилю!» — прочитал учитель тихо, но внятно.

Имад хмыкнул и уставился в окно. Потом сердито сказал:

— Мало ли чего они хотят!

— Листовки надо передать нашим бойцам, — сказал учитель. — Тревожная это весть. Вы просто еще не знаете, что означает подпись на листовке: «Ках». Это подпись бандитов Меира Кахане. Они идут впереди израильских войск и уничтожают всех, кто оказывается у них на пути...

Листовки Имад передал отцу. Отец у Имада — командир подразделения палестинских бойцов. Он тут же стал собираться в отряд.

— Имад, созови-ка ребят, — вспомнив о чем-то, сказал отец. — Возьмите лопаты и приходите к нам, можете. Людей не хватает, все в поле.

Мальчишкам дали задание вырыть два окопа на обочине дороги, ведущей в деревню, у моста через речку.

Земля была мягкой, податливой. Лопаты шли легко. Недаром завидовали крестьяне всех окрестных сел. Земля, говорили, у вас рождена для плуга. Урожайная земля!

Имад вспомнил эти слова, и у него даже голова закружилась: земля пахла хлебом. Невыносимо хотелось есть.

На позиции пришли бойцы, достали из походных сумок нехитрый солдатский паек, поделили с ребятами. Двое бойцов с пулеметом залегли в одном окопе, другие двое, с гранатометом, — во втором. Мальчишки по-

могли бойцам обложить окопы камнями и отправились в деревню.

Имад уснул сразу, будто провалился куда-то. Даже к ужину мать не смогла его разбудить.

Разбудили Имада разрывы гранат и пулеметные очереди. Они доносились то с одного, то с другого конца селения.

Матери дома не было. Наверно, ушла в медсанчасть перевязывать раненых. Младшие сестренка и братишка плакали.

Имад спустился с ними в подвал, зажег керосинку.

— Сидите здесь, я скоро приду!

И побежал к речке, туда, где рыл вчера с ребятами окопы.

На горке за речкой горели «джип» и бронетранспортер. На месте правого окопа зияла огромная воронка. Здесь в живых не осталось никого.

Имад пробрался к другому окопу, откуда доносились стоны пулеметчика.

Он достал из подсумка бойца индивидуальный пакет, перевязал ему рану. В свои одиннадцать лет Имад многое умел, ведь он был палестинцем. А палестинец с ранних лет готовит себя к защите своего народа. У палестинцев немало врагов. И главный враг — израильская военщина. Если бы не мужество палестинского народа, то израильтяне давно бы истребили их. А земли палестинцев забрали себе.

Имад торопился. В любой момент сюда могли нагрянуть бандиты Кахана.

С трудом мальчик перетаскил пулеметчика через мост, укрыл в кустах. «Пулемет! Его нельзя оставлять врагу!»

Имад бросился назад в окопчик.

Пулемет был тяжелый — мальчик волоком тащил его через мост.

Не успел миновать последние брусья настила, как за спиной разрезала воздух короткая автоматная оче-

редь. Имад упал, рывком кинулся к лежащим неподалеку камням.

По камням застучали пули.

Имад увидел невдалеке удобную лошину. Прыжок. Снова очередь.

Имаду стало страшно. Он был под прицелом. Конечно, можно затаиться и ждать, авось повезет и пуля не достанет тебя, лежать, не поднимая головы. А что потом? Бандиты перейдут мост, возьмут его в плен, станут пытать... А что будет с деревней? Ведь там остались одни женщины и дети!

Имад ползком вернулся к пулемету.

За рекой замолчали. Бандиты будто поняли, что мост будут оборонять, и приготовились к атаке.

Метрах в пятидесяти от моста раздалась всплески — бандиты решили перейти реку вброд и окружить пулеметчика. Имад прицелился и нажал на гашетку. Пулемет задержался в его руках, выпуская очередь за очередью, в такт ему задержалось худенькое тело Имада.

Имад стрелял до тех пор, пока не кончились патроны.

Когда пулемет замолчал и бандиты уже решили, что путь свободен, им в тыл ударили подоспевшие на помощь Имаду палестинские бойцы.

Раненого пулеметчика, которого спас Имад, отправили в госпиталь. Когда подошла за ним санитарная машина, он подозвал Имада, сказал:

— Не знаю, что тебе подарить, я ведь тебе жизнью обязан. Ничего нет подходящего под рукой... Вот разве это...— Боец показал на пуговицы своей куртки.— Срежь и пришей на свою рубашку.

Имад покачал головой.

— Разве можно... Это же солдатские пуговицы, для обмундирования бойцов.

Пулеметчик внимательно посмотрел на Имада, улыбнулся едва заметно.

— А ты и есть боец! Настоящий.

ГОЛУБОЙ ФАЗАН АО РЭНА

А о Рэн родился в уезде Чхук. В годы правления в Кампучии режима Пол Пота потерял отца и многих родных. После свержения правительства Пол Пота вступил в пионеры, помогал налаживать новую жизнь в уезде. В 1982 году Ао Рэн помог обезвредить в своем уезде сильную банду недобитых полпотовцев. Ему в то время исполнилось тринадцать лет.

Джунгли полны тайн. С каждым шагом здесь ждешь волшебства. Только голубой фазан не волшебство. Он настоящий. Ао Рэн верит, что он есть на самом деле. А живет голубой фазан в глубине джунглей.

Ао Рэну хотелось увидеть голубого фазана. Очень хотелось.

Затрещали над головой попугаи, встревоженно, громко. Ао Рэн остановился, проводил птиц глазами. Попугаи, крича, сорвались с ветки, мелькнули, как голубая и желтая звездочки, спрятались в зелени. Ао Рэн усмехнулся: «Глупые птицы!» Вечно они трещат, суется и мелькают на каждом шагу. Вот если бы промелькнул над тропинкой голубой фазан! Тогда бы Ао Рэн точно знал, что он смелый человек. А ему, пионеру, необходимо быть смелым, пока по его родной земле бродят недобитые враги...

Враги... Они бродят по джунглям, уничтожая не только птиц и зверей, но и людей. Они прогнали голубого фазана далеко-далеко, в чащу.

Зеленые голуби прохлопали над головой крыльями. Они легко пронеслись в петлях лиан. Ао Рэн на мгновение отвернулся: увидел яркий нежный цветок в солнечном луче, и голуби исчезли — то ли взмыли неслыш-

но вверх, растаяли в небе, то ли спрятались в ажурных листьях папоротника.

Джунгли были наполнены до краев веселым свистом, пением, шорохами и треском веток. Джунгли жили. Вернее, они оживали, возрождались, как возрождается сейчас Кампучия. И наверное, скоро, очень скоро голубой фазан прилетит к Ао Рэну... Фазан прилетит... Только отец, так увлеченно рассказывавший когда-то о голубом фазане, уж никогда не вернется.

...Сначала американские бомбардировщики носились в небе Кампучии. Семья Ао Рэна бросила дом, селение, ушла в джунгли. Отец Ао Рэна выкопал в джунглях нору. Нора была неудобной, душной, но зато спасала от дождей и бомбежек.

По вечерам, когда было еще светло, несколько семей собирались вокруг костра рядом с норой Ао Рэна; плели циновки и корзины из листьев пальмы, а отец рассказывал, что скоро, очень скоро придет счастливая жизнь, кхмерские патриоты освободят страну, и снова люди вернутся в свои селения. Отец говорил еще, что есть на востоке страна Вьетнам, где живут добрые, трудолюбивые люди, и они помогут кхмерам прогнать американцев.

Ао Рэн вечерами тоже плел корзины. И это получалось у него ловко и красиво. Может быть, легкие крылья какой-нибудь сказочной красивой птицы касались пальмовых листьев, которые теперь Ао Рэн мнет, сплетает. «Посмотрела бы эта птица, какая корзина получается,— думал Ао Рэн.— Я бы даже смог сплести для птицы крепкое гнездо».

У костра Ао Рэн засиживался дольше всех. Обхватив голову руками, он смотрел в тлеющие золотые угли и представлял красивую птицу, которая спит на высоком дереве, спрятав точеную голову под мягкое теплое крыло. И свет ярких звезд переливается на ее перьях.

Вскоре до уезда Чхук дошли радостные вести. Американцев прогнали с кхмерской земли. Вот тогда-то

отец и рассказал Ао Рэну о голубом фазане. Глаза отца горели. Он повторил несколько раз: «Если встретишь, сынок, голубого фазана, вырастешь ты храбрым, смелым и сильным!»

Ао Рэн видел, как все беженцы радовались и надеялись, что, прогнав американцев, заживут хорошо и счастливо. И вернутся в свои дома, у каждого будет доволь риса и рыбы.

А еще, думал Ао Рэн, можно будет учиться в школе, петь песни, бегать с мальчишками по берегам теплых речек, ловить рыбу, и однажды он обязательно соберется с духом — пойдет в джунгли, чтобы найти голубого фазана...

Отец начал собирать семью в обратную дорогу, домой, в селение...

Но день великой радости стал черным днем Кампучии. Бескрайняя ночь опустилась на кхмерскую землю.

Пол Пот вполз в страну, как змея в дом.

Ао Рэн помнит, как в землянку, где они жили семьей, вползла змея. Мать выбежала, стала кричать, звать на помощь. Отец вошел в землянку с палкой в руках и долго не выходил. А мать, испуганная, бледная, все время приговаривала: «Коварная змея его укусила... Коварная змея его укусила...» Но отец показался наконец, неся на палке убитую змею. «Если такое случится еще раз, не поступай как мать, — сказал отец Ао Рэну. — Не выбегай из дома, а бей гадину на месте. Иначе она спрячется и может потом напасть исподтишка».

Пол Пот оказался гадиной, которая затаилась до времени, а когда власть оказалась в его руках, показал свой змеиный нрав. Новости, одна страшнее другой, долетали до селения Ао Рэна. Жители шепотом передавали друг другу, как по всей стране истребляют полпотовцы ни в чем не повинных людей, как горожан переселяют в деревни и за чашку риса в день заставляют работать на жарких полях по многу часов. Особенно

полпотовцы ненавидели грамотных, просвещенных людей.

Пришли полпотовцы и в их деревню. «Вы теперь свободны!» — кричали они. А сами пристреливали на месте каждого, кто казался им подозрительным.

Отец Ао Рэна был грамотным. Полпотовцы узнали об этом.

Вскоре начальник полпотовцев объявил: «Новая власть — хорошая, она решила позаботиться о местных жителях. Власть беспокоится, как бы люди не умерли от голода. Поэтому надо быстро вырыть пруд, в котором разведут рыбу». «Да-да, будет много-много рыбы, и все будут сыты, очень сыты», — говорили полпотовцы.

Отцу Ао Рэна приказали подсчитать, сколько надо выкопать земли, чтобы получился настоящий глубокий пруд для рыбы. И отец подсчитал. Когда пруд вырыли, заполнили его водой, соседка-учительница по приказу полпотовцев написала плакат: «Все на пруд разводить рыбу!»

Отца Ао Рэна, учительницу и всех, кто сумел прочитать объявление и пришел к пруду, полпотовцы утопили. Грамотные опасны...

Ао Рэн возненавидел полпотовцев. Он знал, что сотни, тысячи людей тоже ненавидят их. Вся Кампучия против «новой» власти.

Однажды Ао Рэн услышал о том, что самые смелые, самые сильные кампучийцы собрались вместе и успешно бьют бандитов. Как хотелось ему попасть туда, где говорили ружья, где патриоты уничтожали полпотовцев.

...Чу! Хрустнула ветка.

Неожиданно Ао Рэна окружили вооруженные люди. «Недобитые полпотовцы! — сообразил он. — Вот они какие!»

— Убьем змееныша! — сказал один полпотовец, щелкнул затвором и вскинул автомат.

Бандит тяжело дышал, видно, здорово устал сломяться по душным джунглям.

— Ну его, оставь! Видишь,— ответил другой,— разве это маленькое животное соображает что-нибудь?

И он грубо толкнул Ао Рэна в грудь.

Ао Рэн едва устоял на ногах.

Полпотовцев было много — двадцать один человек. Может быть, среди этих недобитков и убийцы его отца.

Они смеялись. Встали в плотный круг и начали подталкивать Ао Рэна дулами автоматов.

Наконец полпотовцам надоело забавляться перепуганным насмерть мальчишкой.

— Эй, шенок, где здесь деревня? Много там ваших ублюдков?

Так они называли патриотов Кампучии.

Ао Рэн pokrutil головой и хотел что-то сказать. Но с губ сорвался долгий звук: у-у-у.

— Мычит, звереныш! — захохотали полпотовцы. — Онемел со страху...

Лишь только последний полпотовец скрылся с глаз, Ао Рэн сорвался с места. Он летел вперед, к деревне, где стоял отряд Народно-революционной армии. Летел быстрее голубого фазана.

Командир отряда расспросил мальчика, а потом дал ему автомат.

— Стрелять умеешь?

— Да!

Отряд настиг бандитов. Бой шел долго. Полпотовцы не хотели сдаваться. Они знали, что помилования им не будет. Каждый получит сполна за свои злодеяния.

Ао Рэн строчил из автомата, перебежал от дерева к дереву. Ненавистные спины врагов метались впереди. Полпотовцев оттесняли из джунглей к опушке, а там их настигали меткие пули...

— А где мальчик? — спросил командир после боя.

Ао Рэн исчез.

С самого начала боя он приметил бандита, который сразу оторвался от общей группы полпотовцев и начал

пробирается в чашу. Сначала он отстреливался, но потом побежал, изредка трусливо оглядываясь.

Ао Рэн бросился за ним. Видно, полпотовец оказался трусом. Он даже бросил автомат, чтобы легче было уйти от погони.

Ао Рэн не стрелял. Решил вымотать противника и взять живым.

Долго бежали они по джунглям. Полпотовец тяжело дышал и все чаще переходил с бега на шаг.

У Ао Рэна пересохло во рту, а перед глазами вдруг запрыгали голубые пятна. Будто голубой фазан пролетел над головой и уронил с красивого крыла несколько перьев.

— Голубой фазан! — вскрикнул Ао Рэн.

Полпотовец испугался, ткнулся в какой-то куст и поднял руки.

Теперь Ао Рэн, подталкивая дулом автомата, вел бандита. Так они и вышли из джунглей. Отряд не успел далеко уйти. Ао Рэн сдал бандита командиру. Положил автомат на траву и сказал:

— Я только что видел голубого фазана.

— Не может быть! — удивился командир. — Голубой фазан — редкая птица! Он не летает туда, где стреляют.

— А я все-таки видел голубого фазана, — повторил Ао Рэн и долго еще смотрел в сторону джунглей.

ПАТРУЛЬ НА САМСЕНТХАЕ

Сомсук родился и вырос в столице Лаоса Вьентьяне. В девять лет вступил в пионеры и стал активистом школьной пионерской организации. В 1982 году он помог задержать опасного контрреволюционера, распространяющего на улицах Вьентьяна клеветнические листовки и подстрекающего жителей выступить против народного правительства.

Быстро опускаются сумерки на Самсентхай — одну из улиц Вьентьяна. Одинокими свечками зажглись фонари на столбах, засветились лампочки в окнах домов и у магазинных вывесок.

Сумерки нагоняют прохладу, и Самсентхай заполняется прохожими. Как всякая другая улица Вьентьяна, Самсентхай многолюдна дважды в сутки. Утром, когда горожане спешат на работу, и вечером, когда спадает жара и жители выходят погулять, навестить родственников или просто подышать свежим воздухом. В этот вечерний час выходят на дежурство пионерские патрули.

Вообще-то, в патруле есть один взрослый. Его направляют в помощь ребятам из районного отделения народной милиции. Но все равно такие патрули называют здесь пионерскими.

В каждом патруле пять мальчиков.

Медленно идет пятерка по Самсентхаю. Жители узнают патруль, приветливо здороваются с пионерами.

— Здравствуй, Сомсук!

— Здравствуй, дедушка Сатхиан!

— Опять дежуришь?

— Да, дедушка.

— Угощайся орехами. Жареные.

С маленькой скамеечки, от стены длинного одноэтажного здания — швейной мастерской — поднимает-

ся старичок в соломенной шляпе, с седой, клином, бородкой и протягивает одному из ребят кулек.

— И товарищей своих угости, Сомсук. Вкусные у меня получились сегодня орехи...

Сомсуку тринадцать лет. Вот уже год он патрулирует на Самсентхае. Живет Сомсук на другом конце города, но этот район изучил так, что жителей узнает не только по лицам — имена может назвать.

Сомсуку нравится ходить в патруле. Правда, жаль, что им, мальчишкам, не выдают оружия. Настоящий был бы патруль, боевой. Но, с другой стороны, с винтовкой через плечо труднее распознавать врага. Всяких там клеветников, подстрекателей... Они трусливы и, заведя вооруженных людей, разбегаются, как тараканы.

У лавки зеленщика под развесистым тиковым деревом плачет девочка. Маленькая, лет трех.

— Ты чья? Где твоя мама?

Девочка не отвечает, еще сильнее принимается плакать.

— Это, кажется, Кеу, дочь медсестры из госпиталя... той, что возле пагоды живет, — нерешительно замечает кто-то из ребят.

Сомсук вспомнил, что однажды возле пагоды он видел девочку, похожую на эту.

— Я отведу ее к матери, а потом вас догоню, — говорит Сомсук и берет девочку за руку.

Девочка и в самом деле оказалась дочерью медсестры.

— Как она убежала?! Вот только сейчас была здесь... — сокрушается женщина. — Спасибо тебе, мальчик...

А Сомсук уже на улице, бежит вдогонку товарищам.

В переулке у книжной лавки собралась толпа. Пронзительной трелью заливается свисток. «Держите! Держите его! Гадина!...» — перекрывая свисток, раздалось несколько голосов.

В тот же миг из толпы выскочил мужчина в розовой рубашке с короткими рукавами.

Не добежав до Сомсука, он резко свернул на противоположную сторону улицы, к черному провалу проезда.

«Уйдет!» — со страхом подумал Сомсук и бросился в погоню.

Бегал Сомсук быстро, и скоро ему удалось настичь незнакомца. Но как его остановить? Тот мчался как разъяренный слон. К тому же он может быть вооружен...

Сомсук поднажал, чуть опередил бегущего и со всего хода бросился ему под ноги...

Незнакомца задержали. Оказалось, это вражеский лазутчик, который разбрасывал клеветнические листовки.

Сомсуку пришлось неделю провести в госпитале. Не очень-то просто падать с маху на асфальт. Не каждый решится.

Сомсук решился. Ведь ему доверили охранять покой и безопасность соотечественников. Что может быть почетнее и ответственнее этого поручения?

Во многих городах и селениях Лаоса действуют пионерские патрули. С помощью ребят народная полиция сумела обезвредить диверсантов, пробравшихся на площадь Тхат Луанг во время празднования Дня революции 2-го декабря. Вьентьянские пионеры с улицы Луангпранг помогли органам безопасности напасть на след целой контрреволюционной банды. Агентов иностранной разведки выследили пионеры провинции Фонгсали...

Каждый вечер ровно в пять на улицах Вьентьяна и других городов Лаоса появляются пятерки мальчишек. Пионерские патрули начинают дежурство.

ДАЙТЕ КРЫЛЬЯ ТШИКАРЕ КОПАНО

Тшикаре Копано родился в Южно-Африканской Республике, в Соуэто, пригороде Йоганнесбурга. С ранних лет участвовал в борьбе коренного населения ЮАР против расистских порядков. Летом 1976 года тысячи жителей деревушек Соуэто вышли на демонстрацию. Тшикаре стал одним из ее организаторов. Расисты жестоко расправились с демонстрантами. Тшикаре Копано пришлось бежать из ЮАР. В двенадцать лет он становится политическим эмигрантом. Сейчас Тшикаре живет и учится в Мозамбике, активно работает в организации Африканский национальный конгресс, которая возглавляет борьбу коренного населения ЮАР против расизма.

Перед ним на столе белый лист бумаги. Буквы стремительно бегут, догоняя друг друга, сливаясь в слова. Но порой ему кажется, что какое-то слово не на месте. И тогда он зачеркивает всю строку, переписывает на белом... «Прошу зачислить меня курсантом в летное училище. Хочу стать военным пилотом, чтобы освободить мою родину — Южно-Африканскую Республику — от гнета расистов...»

Наконец он доволен. И с легким сердцем ставит подпись: Тшикаре Копано...

За сотни километров от студенческого городка начинается ЮАР. Если смотреть из кабины современного истребителя, эти сотни километров промелькнут в несколько минут. Вздущаяся от недавних дождей Лимпопо, потом ее ленивый приток Улифантс, уходящий в глубь страны. А вот и столица Претория, словно ветхий плот в океане народного гнева... Еще миг — и внизу Йоганнесбург в дымном кольце заводов, шахт и горно-

обогатительных фабрик. А рядом расплылось огромное ржавое пятно железных крыш.

Соуэто! Лачуги, целое море лачуг из старых ящиков и кусков шифера.

Соуэто! Узкие немощные улочки, где пыль по щиколотку в зной и грязь по колено в сезон дождей.

Соуэто! Обшарпанные школы, больше похожие на тюрьмы, где большинство учителей — надзиратели, а ученики — заключенные.

Соуэто! Угрюмые полицейские, прогуливающиеся парочками (ни в коем случае не в одиночку!), будто подружки после уроков.

Все это Соуэто... А по соседству — квадрат вытоптанной земли за надежной оградой. Пулеметы на вышках. Кирпичная казарма. Рядами стоят броневики. Пушки нацелены жерлами на африканский пригород. По первому сигналу броневики сорвутся с места и бросятся утюжить улицы Соуэто...

Здесь Тшикаре Копано сделал бы крутой вираж, снизившись над полицейским гарнизоном. Он представляет, как под брюхом самолета открываются створки бомболюка и фугаски летят к цели...

Однако хватит пустых мечтаний! Пока что все наоборот: это самолеты расистов то и дело пересекают границу Мозамбика и Анголы, бомбят лагеря беженцев. Вот почему раз в неделю Тшикаре Копано дежурит на крыше общежития в каске, с мегафоном на груди, чтобы предупредить всех об опасности...

Он кладет перед собой другой лист. Вверху набрано типографским шрифтом: «Автобиография».

«Я, Тшикаре Копано, зулус, родился 15 сентября 1964 года в Соуэто, пригороде Йоганнесбурга, ЮАР, в семье учителя...»

Учитель!.. Чего это стоило отцу — выучиться, получить место в школе! На первом своем уроке он рассказывал ученикам о борьбе за освобождение коренных африканцев в ЮАР. И первый урок стал для него послед-

ним... Потом четыре года работал в подполье. В 1964 году, когда родился Тшикаре, власти ввели специальные пропуска для африканцев. О поездках по стране нечего было и думать. За отцом установили слежку. Тогда он уехал за границу, чтобы продолжать борьбу.

Тшикаре увидел отца двенадцать лет спустя уже здесь, в Мозамбике. Пожалуй, он выглядел моложе своих сорока пяти лет — высокий, стройный. Если бы не седина. Он был совершенно седой.

«В 1972 году поступил в начальную школу...» — продолжает писать Тшикаре.

...Жирный кальвинистский священник, задыхаясь от жары, бубнит:

— Бог сотворил всех людей равными. А когда взглянул на творение рук своих, то увидел, что люди черны, как земля, из которой он их сделал. «Ступайте к реке, — сказал господь, — и смойте грязь с тела своего!» Люди пошли к воде. Покорные и трудолюбивые отмылись до бела. А ленивые упрямцы окунули в воду только ладони и ступни ног... А ну-ка, лодыри, покажите мне свои руки!

Дети, плача от унижения, показали ладони.

— А ты, несчастный? — обратился священник к Тшикаре. — Почему ты не показываешь руки?

Мальчик медленно протянул руки вперед. Но пальцы были крепко сжаты в кулаки, так, что суставы побелели.

И такие же белые пятна выступили на лице священника...

...Опять шариковая ручка бежит по бумаге:

«16 июня 1976 года вместе с учениками школы «Орландо» я вышел на демонстрацию против расистской системы обучения. К нам присоединились все школьники Соуэто, а потом и многие взрослые...»

Нелегко это — уместить в один абзац главное, что случилось в его жизни и чего он уже никогда не забудет.

Дети белых учились на английском языке. Дети чер-

ных — на языке африкаанс. Английский язык в ЮАР — язык господ. На нем говорят чиновники и судьи. Африкаанс — для понукания рабов.

Школа «Орландо» в Соуэто славилась бунтарским духом.

Однажды рано утром ученики написали на самодельных транспарантах лозунги:

«Долой апартеид!»

«Власть народу!»

«Да здравствуют школьники Соуэто!»

С этими лозунгами они вышли на пыльные улицы пригорода. Впереди шел он, Тшикаре...

Запуганные расистами, африканцы опасливо следили за школьниками из щелей своих халуп. Но вот самые смелые стали присоединяться к демонстрантам. Из других школ, срывая занятия, гурьбой высыпали ребята.

— Долой апартеид! Власть народу! — несло со всех сторон.

Из-за угла беспечно вышли двое полицейских. Увидев надвигающуюся лавину африканцев, они пугливо нырнули в лабиринт переулков.

— Долой!.. Долой!.. Долой!.. — несло со всех сторон.

«Тревога! Тревога! Тревога!» — пищало на радиоволнах полицейских раций.

«Первое, второе, третье отделения — по машинам!» — ревел репродуктор в полицейском гарнизоне.

Колонна демонстрантов вышла на площадь. Направо — церковь, налево — лавчонки мелких торговцев, а впереди уже слышен рев моторов.

Демонстрация была мирной, но броневики сразу стали стрелять по толпе. Падали взрослые. Падали женщины и дети. Больше всего детей. С простреленной головой замер в пыли друг Тшикаре — Луниле Сибиса. С пуль в груди умирал его одноклассник Ломо...

Для многих в тот страшный день единственным убе-

жищем стала церковь. В ней укрылся и Тшикаре Копано. До вечера гремели в Соуэто выстрелы.

С высокой колокольни мальчик видел баррикады в переулках. Но броневики сметали их, как скирды соломы...

С наступлением темноты Тшикаре отправился домой. Тела убитых лежали на земле. Женщины тихо оплакивали их. Мальчик крался вдоль заборов, стараясь слиться с темнотой, и благодарил судьбу за то, что родился черным.

Наутро начались аресты. «Если ты не убежишь сегодня, завтра тебя схватят,— сказала мать.— Ступай в Джимистаун, к тетке. Она поможет тебе уехать из страны. Как знать, может быть, тебе придется встретить отца и твоего старшего брата...»

21 июня двенадцатилетний эмигрант Тшикаре Копано выехал в Свазиленд, а оттуда в Мозамбик...

...Стук в дверь, настойчивый, нетерпеливый. Видно, стучат уже давно. Тшикаре торопливо подписывается под автобиографией и идет открывать.

На пороге стоит его брат Питер, подтянутый, в парадной форме курсанта.

— Ты что, не слышишь? — сердится он.— Я уже пять минут стучу... Заполнил документы?

Тшикаре протягивает ему заявление и автобиографию.

Брат внимательно читает, наморщив выпуклый лоб.

— Хлебнул ты горя, братишка! — вздохнув, говорит Питер, складывая бумаги.— А знаешь, я жалею, что не был тогда с вами, в Соуэто!

— Зато ты был в Анголе, помогал нашим братьям.

— Ангольцы, конечно, наши братья... Но Соуэто! Там мы родились, там в июне семьдесят шестого погибла тысяча наших сверстников. Мне порой стыдно, что я не разделил их судьбу...

— Погибнуть, по-моему, легче, чем победить! — говорит Тшикаре.

Питер улыбается, он согласен с Тшикаре.

ДЕРЛИСИТО — ЮНЫЙ ПОДПОЛЬЩИК

Дерлис Вильягра родился в небольшом городке Пирибебуй в семье рабочего-коммуниста. С десяти лет он включился в активную революционную работу, помогая подпольщикам Пирибебуя и Асунсьона. Несколько раз арестовывался полицией. На свободе Дерлис жил под чужими фамилиями — такова судьба каждого патриота в условиях фашистского режима в Парагвае. В ноябре 1975 года Дерлис Вильягра был схвачен полицией на польной квартире. С тех пор о его судьбе ничего не известно, а на все запросы общественности власти отвечают: «Вильягра среди арестованных не значится...»

Парагвайский городок Пирибебуй тихий, небольшой, его жители знают друг друга в лицо. Радость ли, горе в какой семье — известно всем.

Но однажды всколыхнулся тихий городок. На стенах домов стали появляться изображения серпа и молота, нарисованные углем. А под ними надпись: «СССР!» На всякий случай были арестованы несколько человек, которые, как вскоре выяснилось, не имели никакого отношения к рисункам на стенах...

А настоящий виновник переполоха в это время ходил по улицам, заложив в карманы брюк руки, и посмеивался над полицейскими. Время от времени он нашептывал свои любимые стихи:

Я хочу, чтобы знали: жива справедливость на свете,
Как простейшие вещи, как хлеб, как деревья и ветер.
Горизонт окаймили немые сполохи пожара...
Пусть шакалы сгорят! Пусть настигнет их жестокая кара!

Мальчика звали Дерлисито. Он был сыном рабочего-строителя, коммуниста Марсиано Вильягры. Ему недавно исполнилось десять лет.

Дерлисито рос любимцем в семье, был не по годам смышленным, задавал родителям и знакомым массу вопросов, стараясь во всем разобраться. Еще он любил слушать сказки и легенды, которые ему рассказывала бабушка Эмилия, особенно о таинственном городе Мбаэверагуасу, который затерялся где-то в сельве. Все здания там ослепительно белые. В них живут хоть и бедные, но свободные и счастливые люди. Только этот город трудно найти. Он как призрак — то появится, то исчезнет. Но тот, кто его найдет, будет счастливым на всю жизнь...

Дерлисито тоже хотел отыскать свое счастье: сбежать в сельву, взглянуть хоть разок на сказочный город. Но о мечтах сына узнал отец.

— Сынок, ведь это легенда — красивая, заманчивая, — сказал отец. — Но, к сожалению, на нашей земле не может быть счастливого города.

— Почему, папа?

— Потому что в таком городе все равны и все живут счастливо. А у нас богатеи не хотят, чтобы простые люди были счастливыми.

Дерлисито растерянно заморгал ресницами.

— Папа, неужели на всей земле нет городов, где бы простые люди не страдали, как у нас...

Так Дерлисито впервые услышал о Советском Союзе.

— Это великая страна, — рассказывал отец. — Там у власти трудящиеся.

— И помещиков у них нет?

— Нет, сынок.

После того разговора отец еще не раз рассказывал Дерлисито о Советском Союзе, о Ленине. Однажды нарисовал на бумаге советский герб и пояснил:

— Серп и молот означают в стране Ленина крепкий союз рабочих и крестьян.

...Узнав о переполохе в городе, Марсиано догадался, кто стал его виновником. Вернувшись с работы домой, спросил сурово:

— Твое художество?

Дерлисито переступил с ноги на ногу, кивнул виновато. Марсиано смягчился.

— Понимаешь, сынок, из-за тебя пострадали невинные люди... На будущее запомни: ты — сын подпольщика. А это значит, что ты должен быть осторожным.

— Понимаю,— кивнул Дерлисито.— Теперь я знаю: полицейские боятся серпа и молота больше, чем пули...

Приближалось Первое мая. Коммунисты решили отметить его на квартире у Вильягры. Марсиано позвал сына.

— Даю тебе боевое задание: будешь охранять наше собрание.

— Есть! — обрадовался Дерлисито.

— Смотри за всеми подозрительными людьми. Как заметишь, дай нам знать... Вот только как? — призадумался отец.

— Гол! — вдруг закричал Дерлисито.— Я созову своих ребят, и мы будем гонять во дворе мяч. Если я крикну во всю глотку: «Гол!», это значит: опасность!

— У тебя светлая голова,— засмеялся отец.— Я бы до этого не додумался.

Первого мая на квартире Вильягры собрались подпольщики. На столе нехитрая закуска и чай.

С докладом о пролетарском празднике трудящихся выступил Марсиано. Время от времени он поглядывал в окно. Там, на улице, беззаботно гоняли мяч Дерлисито и его друзья.

Дерлисито великолепно исполнял свои обязанности: играя, внимательно посматривал по сторонам. Вдруг в начале улицы появился человек. Дерлисито приглядел-

ся. Незнакомый. Фигура долговязая, нос орлиный. Такого здесь не бывало. Не иначе агент. Дерлисито кричит что есть сил: «Гол!» И гонит мяч навстречу незнакомцу. Тот хотел посторониться, но не успел. Мяч угодил ему прямо в лоб.

Прохожий разразился бранью, но Дерлисито сказал с невинным видом:

— Простите, сеньор. Мяч виноват. Он ведь не разбирается, кто у него на пути...

Агент побагровел, злобно посмотрел на Дерлисито и пошел прочь.

А подпольщики? Услышав крик «Гол!», они насторожились, но через несколько минут мальчик сообщил, что опасность миновала.

Слушая рассказ Дерлисито о том, как он проучил агента, подпольщики от души смеялись.

— Ну и Дерлисито,— хвалили они мальчика,— ну и молодец! С ним наверняка не пропадешь.

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ: ПИОНЕР

Джюри Мачуга родился в Лиме в семье перуанского коммуниста. В одиннадцать лет стал пионером. Участвовал в демонстрациях протеста против политики правящей верхушки, выполнял ответственные поручения коммунистов. Не раз попадал в полицейский участок...

Сержант хлопал ладонью по бумагам, которые заполнили его стол: искал авторучку. Как и всякий полицейский в Перу, он действовал без лишней суеты, не спеша. И конвоир, который привел мальчика из камеры, трижды зевнул. Смекнув, что сержант не скоро отыщет пропавшую, достал из кармана сигареты и вышел.

Ручка оказалась, конечно же, в кармане сержанта. И допрос начался.

— Фамилия, имя?

— Джюри Мачуга, сеньор!

— Что за имя — Джюри? — Брови сержанта полезли под козырек форменной фуражки. — Что-то не встречал такого в святцах!

— Нет, мой сеньор! Признаться, мои родители — люди со странностями, вот и придумали такое имя, — ответил мальчик и совершенно наивными глазами посмотрел на сержанта. (К чему полицейскому знать, что его называли так в честь Юрия Гагарина?)

— Допустим... Сколько тебе лет?

— Одиннадцать, сеньор!

— Рановато ты занялся политикой, — заметил полицейский.

— Ваша правда, сеньор. Но осмелюсь сказать, Карлос первый дал мне пинка. Ну, тогда и я ударил его под дых! — зататорил мальчик. — Хотя Карлос сам ви-

новат в том, что футбольный мяч попал под колеса грузовика на авениде...

— Какой еще Карлос? — рывкнул сержант, вставая. — Что ты мне голову морочишь?

— Я же объясняю: Карлос первый начал драку...

— Стоп! Почему же тогда ты оказался в одной камере с этими «красными», с демонстрантами?

— Не знаю, сеньор сержант, — тихо ответил Джюри и решил, что теперь самое время пустить слезу. Он засопел носом и всхлипнул.

— Ладно, не разводи сырости... В нашем деле тоже случаются ошибки, — смягчился полицейский.

— Мама с папой, должно быть, волнуются, — всхлипывал мальчик.

— Вот навязался на мою голову! — вздохнул сержант. — Твое счастье, что у меня растет такой же сорванец, как ты. А не то сидеть бы тебе здесь до утра... Беги домой и скажи отцу, чтобы он тебя хорошенько выпорол!

Джюри уже открывал дверь в коридор. Теперь главное не столкнуться с конвоиром. Он-то знал, что Джюри попал в участок не за драку, а за участие в демонстрации коммунистов.

Коридор пуст. Конвоир по случаю страшной жары сидел под деревом во дворе, попыхивая сигаретой.

Прячась за черные фургоны с решетками на окнах, мальчик пересек двор, проскользнул в ворота — и был таков!

Город уже погрузился во тьму, когда он добрался до дома. Сесар Мачуга внимательно выслушал рассказ сына.

— Молодец, сынок, не растерялся! Спасибо тебе. Я сейчас же пойду в городской комитет партии, отнесу список арестованных коммунистов. Пора кончать с самоуправством полиции! Вот увидишь, завтра по всем фабрикам и заводам пройдут митинги протеста!

В дверях отец остановился и сказал:

— И все же одну ошибку ты допустил: нельзя было называть своего настоящего имени. Тем более оно у тебя такое редкое. Думаю, не только в нашем городе, но и во всем Перу не встретишь второго Юрия... Ну да ничего! Мы, коммунисты, на ошибках учимся. Я тоже как-то допустил ошибку — не заметил, понимаешь, «хвоста» и поплатился тремя годами тюрьмы. Ты тогда еще крохой был, не помнишь...

— Зато я помню отлично! — сказала Тереза Мачуга, появляясь в дверях кухни. — Слишком дорого мне обходятся эти ваши «ошибки»... Уж я бы на твоём месте...

— Нет уж! — замахал на нее руками отец. — Быть коммунистом в Перу — слишком трудное занятие для женщины...

— Быть женой коммуниста в нашей стране не легче, — возразила мать.

— Знаю, — виновато улыбнулся Сесар Мачуга. Он поцеловал Терезу, подмигнул Джюри и вышел из дома.

Мать и сын долго стояли в прихожей, прислушиваясь к шуму улицы.

— Ради бога, не говори никому, что ты пионер, — нарушила молчание мать. — Тебя выгонят из школы.

— Знаю, — ответил Джюри. И пошел делать уроки. До рассвета оставалось не так уж много времени.

— Ребята, прогуляйтесь-ка по соседним аллеям: нет ли вокруг подозрительных личностей? — попросила Эстер.

Мальчишки исчезли в кустах.

Пионерская группа города собиралась по субботам в парке. Тридцать пионеров садились в кружок на поляне, посередине — корзина с кока-колой и бутербродами. Посмотреть со стороны — пикник пай-мальчиков из добропорядочных католических семейств. Да только не

об Иисусе Христе и его апостолах рассказывала им вожатая — коммунистка Эстер. Карл Маркс и Ленин, Хосе Марти и Фидель Кастро, Хо Ши Мин и Сандино владели сердцами перуанских пионеров. И в мечтах они видели себя в рядах повстанцев, штурмующих бастионы латиноамериканских диктатур...

В этот день Эстер рассказывала о студенческих волнениях в стране.

— Митинги и демонстрации начались в университете Лимы,— говорила она.— Студенты требуют снижения платы за учебу, настаивают на увольнении преподавателей-реакционеров. Хотят, чтобы приняли обратно в институты молодых коммунистов и демократов, отчисленных за прогрессивные взгляды... Столичных студентов поддерживали в других городах страны. Компартия считает, что и школьники должны заявить о своих законных правах. Кому же быть застрельщиками в этом деле, как не вам, пионерам?

— Но что мы можем сделать — тридцать человек? — усомнился Пабло.

— Верно, одни вы ничего не добьетесь,— согласилась Эстер.— Но вас наверняка поддержат другие школьники. Судите сами: государственных школ не хватает, классы набиты битком. Уроки то и дело отменяются — нет учителей. Да еще плати по тысяче солей в год. Вы же знаете: если хочешь получить хорошее образование — иди в частный колледж. Только там придется платить уже по десять тысяч солей в месяц! Где взять столько денег рабочей семье? А цена учебников? У тебя, Пабло, сколько предметов по программе?

— Двенадцать.

— Значит, учебники в этом году обошлись твоим родителям примерно в восемь тысяч солей. Это же почти месячный заработок твоего отца!..

— Я предлагаю,— сказал Джюри,— в день студенческой забастовки бойкотировать занятия. Не приходится

в школу — и все! Дети рабочих нас поддержат. Конечно, скауты, католики и разные фашиствующие молодчики будут мешать. Но с ними мы справимся...

— Вот и прекрасно! — сказала Эстер. — Главное, объясните ребятам заранее, чего мы добиваемся.

Пионеры сдали Эстер деньги, которые получили от продажи газет и брошюр коммунистов, и разошлись.

Джюри так и не узнал, кто их предал — католики или скауты.

За полчаса до начала уроков пионеры пришли к школе. Они хотели убедить одноклассников присоединиться к демонстрации студентов. И тут появился наряд полиции. Уже через несколько минут Джюри предстал перед тем самым сержантом, которого он обхитрил несколько дней назад.

— А-а! Кого я вижу! — притворно удивился сержант. — Передо мной, если не ошибаюсь, Джюри Мачуга, одиннадцать лет, вероисповедания католического, а по убеждениям — коммунист. Так?

Мальчик молчал.

— Подойди ко мне, — поманил его пальцем полицейский. Он взял Джюри за руку, намазал его большой палец подкрашенной губкой и приложил к карточке из плотной бумаги. На этой карточке уже красовались фотографии мальчика анфас и в профиль.

Сержант перечитал карточку еще раз и заметил, что одна графа в ней осталась незаполненной — «особые приметы». Вертикальная морщина прорезала лоб полицейского: что написать? Что мальчишку зовут странным именем Джюри? Что он мал ростом? Что ему всего-навсего одиннадцать лет? Не писать же, что у него черные глаза и черные густые волосы, как у любого латиноамериканского мальчика...

Мальчик увидел, как рука полицейского медленно выводит слово «пионер».

Но вот сержант отложил карточку в сторону.

— А теперь поговорим по душам, сынок,— сказал он вкрадчивым голосом.— Сам понимаешь, посадить тебя в тюрьму мы не имеем права — ты слишком мал. Но никто не запрещает нам самим заняться твоим воспитанием... Выполним свой гражданский долг? — обернулся он к конвоиру.

Тот заломил руки мальчика за спину. Сержант приблизился вплотную. От первого удара в живот Джюри согнулся пополам...

Утром его выволокли за ворота полицейского участка и бросили на тротуар. Мальчик с трудом поднялся, и тут его подхватили крепкие руки ребят, верных товарищей. Они дожидались его у ворот тюрьмы.

* * *

Вот вы и перелистнули последнюю страницу. Закончилась книга. Но не заканчивается летопись героических дел ваших зарубежных друзей. И сегодня они в гуще политических событий. Их бросают в тюрьмы, подвергают пыткам, но они не сдаются, ряды их множатся. Будьте же солидарны с юными патриотами, чьи горячие сердца протестуют против сил зла! Боритесь вместе с ними за главное право детей — жить в мире!

СОДЕРЖАНИЕ

Пока бьется мое сердце...— <i>А. Петрухин</i>	5
Братья.— <i>Б. Митов</i> , перевод <i>Е. Фалькович</i>	7
Расскажите, седые Балканы...— <i>А. Петрухин</i>	14
Смерти навстречу.— <i>С. Фурин, И. Андрианова</i>	23
Погиб за Советскую Россию.— <i>С. Фурин</i>	26
Любимые песни Франко Чезаны.— <i>С. Фурин, В. Рыбин</i>	29
Генерал.— <i>А. Воробьев</i>	32
Боевое крещение.— <i>А. Петрухин</i>	39
Я живу для Чехословакии.— <i>И. Андрианова</i>	45
Маленький страж Орлицкого края.— <i>В. Рыбин</i>	50
Гойко-личанин.— <i>А. Палехин</i>	57
Дом на Дединье.— <i>А. Палехин</i>	60
Юная санитарка.— <i>С. Фурин</i>	65
Юный партизан Зинь.— <i>В. Рыбин</i>	67
Герои-бойцы, вынимайте свои сабли...— <i>Т. Шаронова</i>	69
Бесстрашный.— <i>А. Петрухин</i>	73
Первые выстрелы Джозля.— <i>В. Чичков</i>	77
Пакито — гаванский Гаврош.— <i>В. Александров</i>	86
Ровесник Гавроша.— <i>С. Фурин, И. Андрианова</i>	91
Мы не забудем тебя, Фадыл! — <i>С. Фурин, И. Андрианова</i>	93
Великий Малыш.— <i>В. Александров</i>	96
Маскота.— <i>В. Рыбин</i>	100
Взорванная ночь.— <i>А. Петрухин</i>	105
Талисман.— <i>А. Воробьев</i>	112
Пионерский долг.— <i>В. Рыбин</i>	118
Непокоренные.— <i>В. Санатин</i>	123
Настоящий боец.— <i>В. Санатин</i>	131
Голубой фазан Ао Рэна.— <i>И. Андрианова</i>	135
Патруль на Самсентхае.— <i>В. Александров</i>	141
Дайте крылья Тшикаре Копано.— <i>С. Макеев</i>	144
Дерлисито — юный подпольщик.— <i>А. Петрухин</i>	149
Особые приметы: пионер.— <i>С. Макеев</i>	153

Помни их имена : Сборник / Сост. В. А. Рыбин.—
П 55 М.: Мол. гвардия, 1984.— 159 с., ил.— (Юные ге-
рои).

25 к. 100 000 экз.

В книге рассказывается о подвигах детей разных стран и континентов. Одни из них сражались с фашизмом в годы минувшей войны, другие в сегодняшние дни вместе со взрослыми защищают свободу и независимость своей родины. В основе книги — документальный материал. Адресована де-
тям среднего школьного возраста.

П 4803010102—190
078(02)—84 240—84

ББК 74.22
ЗКЮП

ИБ № 3951

ПОМНИ ИХ ИМЕНА

Редактор Л. Барынина
Художник Г. Комаров
Художественный редактор Т. Погудина
Технический редактор Н. Носова
Корректоры Е. Дмитриева, Л. Четыркина

Сдано в набор 21.12.83. Подписано в печать 11.06.84. А 00722.
Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Ли-
тературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 7+0,70 вкл. Усл.
кр.-отт. 8,05. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 100 000 экз. Цена 25 коп.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издатель-
ства: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21. Изд. № 2125. За-
каз 4—9.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства
ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Ки-
ев-119, Пархоменко, 38—44.

